

Copyrighted material

На строительстве высотного здания Дома колхозника в Риге трудится семья потомственных строителей Савельевых. Глава семьи Амфилохий Иванович 53 года проработал на различных стройках Прибалтики. Бригада-семья систематически выполняет план на 200—230 процентов. На снимке: Амфилохий Иванович (в центре), невестка Валентина (слева) и дочь Анна, сыновья (слева направо): Петр — бригадир, Григорий и Тарасий.

Фото О. Кнорринга.

На первой странице обложки: Набережная Ялты (см. в номере цветной фотоочерк «На солнечном берегу»).

На последней странице обложки: Крым. «Ласточкино гнездо».

Фото И. Тункеля.

Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 33 (1418)

15 АВГУСТА 1954 32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НА ВЫСТАВКЕ

Каждый день передовики колхозной деревни — участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки — знакомят со своими достижениями новых и новых посетителей, съезжающихся в столицу со всех концов страны.

На снимках:

1. Отличные тонкорунные овцы выращены на колхозных фермах и в племенных совхозах нашей страны.

2. Животноводы Севера — холмогорские колхозники — осматривают коров, привезенных на выставку из колхоза имени Сталина, Луховицкого района, Московской области.

3. Кони-тяжеловозы на выводном круге. На переднем плане: конюх А. А. Просвирин со своим питомцем — тяжеловозом Сатиром. Эта лошадь, выращенная в колхозе «День урожая», Арзамасской области, провезла груз весом более 15 тонн на расстоянии 250 метров.

Фото А. Гостева.

Чай давно уже перевалил Кавказский хребет. Богатые его урожаи снимают в колхозе имени Маленкова, Краснодарского края.

Рост зернового хозяйства нечерноземной полосы означает, что земледелие там стало более разносторонним, более культурным.

В зоне подзолистых почв расширяются не только посевы пшеницы. Кукуруза считалась южным растением, но уже доказано опытом: она может быть продвинута далеко на север. А это очень важно, потому что кукуруза — прекрасная фуражная культура и ее широкое распространение по стране укрепит кормовую базу животноводства.

В нечерноземной полосе, в частности, под Москвой, стали разводить кукурузу на силос. Она поднимается почти в два человеческих роста и стоит, похожая на лес. Особенно большой урожай зеленой массы дает сорт «Партизанка», выведенный на Украине известным новатором, колхозником Марком Озерным, ныне участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Силос из кукурузы получается отличного качества — в нем много и белка и сахара. Теперь кукурузные «леса» зашумят на всем пространстве от Прибалтики до Дальнего Востока. Наши ученые заставили акклиматизироваться в Подмосковье суданскую траву, и она дает обильные урожаи прекрасного корма.

НОВЫЕ ЗЕМЛИ

Н. Н. МИХАЙЛОВ

В многочисленных павильонах Всесоюзной сельскохозяйственной выставки широко представлены экспонаты из самых различных географических зон нашей Родины. Зерновые, технические и кормовые культуры, плоды и овощи наглядно свидетельствуют, что земледелие проникает в самые отдаленные, труднодоступные районы страны.

В публикуемых отрывках из новых глав подготовленной к переизданию книги «Над картой Родины» лауреат Сталинской премии писатель Н. Н. Михайлов рассказывает, какой путь прошло наше сельское хозяйство в расширении границ возделывания различных культур.

Поднимаем целину на востоке

Пшеничные поля Советской страны, если их вместе собрать, превысят площадь Черного моря.

И море пшеницы разливается все шире. Разливается все шире, потому что и страна наша большая, и задачи, решаемые нами, громадны, и люди живут все лучше — сегодня не довольствуются тем, чем довольствовались вчера.

Нам нужно больше зерна, чем мы имеем. Поэтому партия и правительство ускоряют развитие зернового хозяйства.

Главный путь увеличения земледельческой продукции — повсюду повысить урожайность. Но есть и еще одно средство: расширение посевов, освоение новых земель.

Сравнительно легко и быстро можно распахать и засеять пшеницей нетронутые земли на востоке — за Волгой, за Уралом. Степи русской равнины почти сплошь распаханы, а на востоке, особенно в Сибири, до полного освоения земель еще далеко.

Подъем целины в азиатской части страны шел и до революции. В годы пятилеток он резко усилился. Но как ни быстро вовлекались в культуру новые земли при Советской власти, оставалось еще много целины. В Северном Казахстане к началу Великой Отечественной войны под целиной (не считая залежи) была примерно половина пахотоспособной площади.

И вот теперь возникла необходимость, созрела возможность освоения нетронутых земель. Поставлена задача — в 1954—1955 годах освоить в восточных и юго-восточных районах не менее 13 миллионов гектаров целинных и залежных земель.

Освоение русским переселенцем девственных сибирских просторов было великим национальным подвигом. Вот его мера: за три с лишним века в дореволюционной Сибири пашня достигла примерно 10 миллионов гектаров. А мы сразу поднимем 13 миллионов. Да еще, несомненно, и превысим этот план!

Поднятые летом этого года целина и залежь должны дать осенью 1955 года больше миллиарда пудов хлеба — четвертую часть того, что собирала вся дореволюционная Россия.

Но 13 миллионов гектаров — только начало. Еще много нераспаханной земли сохранилось в Северном Казахстане, в Западной Сибири, на Южном Урале, в Заволжье, в Забайкалье, на Амуре... Эта земля в скором времени должна быть возделана.

Продвигаем пшеницу и кукурузу в лесную зону

Мы только что видели: в пределах степи пшеничные посевы быстро расширяются на востоке. Казахстан, например, в 1955 году по площадям пшеницы догонит Украину.

Посевная площадь расширяется в безлесной степи на черноземных и каштановых почвах. Она расширяется и в лесной, нечерноземной полосе. Там еще больше неосвоенных пространств.

Подзолистые почвы лесной зоны могут приносить высокий урожай, но их надо улучшать. И их улучшают. Труд и наука превращают бедные земли в богатые. Сюда продвигается с юга пшеница — она движется на север, за пределы черноземных степей.

Северная граница культуры пшеницы продвинулась за Полярный круг. Нечерноземная полоса европейской части СССР стала давать лишь вполовину меньше зерна пшеницы, чем такой мировой торговец хлебом, как Канада.

Это не значит, что нечерноземная полоса обходится теперь только собственным хлебом. Нет, немало хлеба привозится с юга.

Выращиваем сады на севере

Абрикос с юга едва заходил за Ростов. А Мичурин дотянул его до Тамбовщины, так же как черешню. Яблоня едва-едва достигала Вологды. А мичуринские сорта оставили к югу Архангельск. Одна из новых яблонь так и называется — «Таежная». Это значит, что границы садоводства в европейской части страны сдвинуты к северу на семьсот километров, если не больше.

Северная граница винограда в России долго держалась по линии Умань на Украине — Балаково на Волге — Хорезм в Средней Азии. А после Мичурина виноград завоевал центрально-черноземные области, отдельные очаги виноградарства появились на широте Москвы и Ленинграда. Виноград выращивают и в Сибири — в Омске, на Алтае, в Кузбассе.

Москвича, попавшего под Ленинград, всегда удручало отсутствие плодовых садов. На подступах к этому северному городу простирались леса, чередуясь с травянистой, часто заболоченной равниной. А сейчас вокруг Ленинграда заложены сады. Они с обеих сторон обступают идущие к городу железные дороги и автомобильные шоссе. Засажены вишневыми садами пологие склоны Пулковских высот. На сырых местах устроены широкие валы с продольными бороздами для стока воды, а на валах посажены яблони, сливы, смородина, крыжовник. К югу от города создан самый большой в нашей стране сад лучшей «нежинской» рябины.

В ленинградских садах прижились не только растения средней полосы, а еще и черешня. Ее новые сорта вывел мичуринец Филипп Тетерев. Мало того, что растение юга на севере приносит плоды: создатель северной черешни вывел целую гамму сортов. У них разный срок созревания; поэтому Ленинград получает свежую черешню на протяжении двух месяцев.

Copyrighted material

Впервые начали выращивать в лесной полосе арбузы и дыни. «Гастроном» на Невском проспекте уже не раз торговал ленинградскими дынями.

Сады и ягодники разбиты на Оби, на Енисее, на Лене, за Байкалом. В одном Новосибирске шесть тысяч приусадебных садов. Плоды яблонь и вишен получены в далеком Ханты-Мансийске.

Под Минусинском, у отрогов Саян, малоснежная зима с пятидесятиградусными морозами, со жгучими ветрами. До революции там не было ни одного плодового дерева. А сейчас в Минусинском районе нет ни одного колхоза без сада. Колхоз имени Ленина получает от яблок доход более чем в полмиллиона рублей.

Со временем северное садоводство получит массовое распространение.

Разделываем поймы, улучшаем луга

Делается все, чтобы дать советским людям больше овощей, и поэтому для овощеводства отводятся лучшие земли. В размещение культур на полях вносятся поправки.

Овощи лучше растут по низинам, где больше влаги и перегноя. Там урожаи овощей примерно вдвое выше, чем на суходолах. Но до недавнего времени с этим мало считались, часто сажали капусту там же, где сеяли хлеб — на сухом водоразделе. И поэтому собирали овощей меньше, чем могли бы.

Теперь возделывание товарных овощей сосредоточивается в тех колхозах, где более подходящая почва, — прежде всего в поймах рек.

С пойменных земель посевы зерна вытесняются. Но это не значит, что производство овощей идет в ущерб производству зерна. Просто кочан и колос меняются местами. Поймы прежде всего годны для овощей, а суходолы — более подходящее место для зерна. Зерно должно входить в севооборот соответственно требованиям сельскохозяйственной науки, и сборы его будут не падать, а расти.

В нечерноземной полосе, особенно в поймах рек, лежат луговые земли с огромной площадью. Луга эти могут давать прекрасный корм для молочного скота. Ведь именно на заливных лугах сложились, скажем, знаменитые холмогорская и костромская породы коров, представленные сейчас на выставке. Чтобы расширить кормовую базу, нужно в ближайшие годы улучшить много лугов и пастбищ. Для этого государство создает лугомелиоративные станции, оснащенные разнообразными машинами.

В Мещерской низменности и в прилегающей к ней пойме Оки, где в пору сенокоса травостой местами достигает почти человеческого роста, можно было бы прокормить массу молочного скота. В последнее время лугомелиоративные станции и колхозы начали здесь большие работы. Недалеко крупнейший потребитель — Москва, и пойма Оки вместе с Мещерой должна стать для столицы важным источником молока, масла, овощей.

Осушаем болота

Еще недавно осушение понимали буквально: согнать с поля воду — и все. Между тем этого еще недостаточно. Конечно, излишнюю воду нужно отвести. Но бывает и так: сейчас воды на поле слишком много, и она вредна для растений, а потом может наступить засуха, и воды не хватит. Задача не в том, чтобы раз и навсегда убрать воду, а в том, чтобы установить на полях правильный водный, воздушный и пищевой режим для растений. Поступление влаги нужно сознательно и умело регулировать; поэтому теперь строятся не только каналы, по которым вода стекает, но и шлюзы на каналах, водохранилища на реках, чтобы воду, когда надо, направлять на поля. Освоить в наши дни болотный массив — значит создать сложную систему гидротехнических сооружений, подчиненную в своей работе воле человека и строго согласованную с определенной системой агротехники.

Изменилось и другое. Работа по осушению болот сейчас почти полностью механизирована. Экскаваторы расширяют и спрямляют русла рек, ускоряют их сток. Канавокопатели вспарывают землю, оставляют позади себя прямые и ровные рвы.

Машины создают на полях сеть каналов. Но ведь и вспахивают, обрабатывают поля у нас тоже машины, и сеть каналов им сильно мешает. К тому же каналы занимают много места, на их бровках вырастают сорняки. Поэтому сейчас стремятся число открытых каналов свести к минимуму, сделать их сеть более редкой. А между открытыми каналами на глубине около метра особой крот-машиной прокладывают дрены — подземные ходы для стока воды.

Болота осушаются сейчас в Полесье, в Барабе, в долине реки Трубеж под Киевом, на Дальнем Востоке, в Прибалтике. На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке мы узнаем, что в Латвии осушаются не только поля и луга, но также и леса.

Развиваем земледелие за Полярным кругом

Почти все земледелие Крайнего Севера основано на осушенных болотах.

Думалось, растительность в тех местах угнетена до предела. Ягель за все лето успевает подрасти лишь на два миллиметра. Чтобы достичь толщины руки, лиственнице нужно 500 лет. И все же очаги земледелия там созданы.

Болотистые участки осушены, разрыхлены. Кислотность почвы нейтрализована известью. Внесены удобрения. В результате в почве интенсивно размножаются необходимые для развития растений бактерии. Когда нужно, длинный светлый день искусственно укорачивают затенением. Это уже не покорное приспособление к природной среде — это активная переделка ее.

Полярная опытная станция Института растениеводства на Кольском полуострове за годы 1948—1952 собрала на окультуренных почвах в среднем с гектара 21 центнер ячменя, 283 центнера картофеля. Нарьян-Марская оленеводческая опытная станция получила на гектаре 392 центнера капусты. Успехи обоих этих учреждений показаны на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

На Камчатке созданы огороды, сады, поля, а еще недавно там нельзя было встретить ни одного плодового дерева, ни одного куста садовых ягод; картофель сажают квадратно-гнездовым способом, — значит, работы на камчатских полях механизированы. Колхозник одной из якутских артелей Михаил Егоров получил орден Ленина за развитие огородничества под 62-м градусом северной широты...

Граница распространения земледелия выходит к берегам Северного Ледовитого океана. В Тикси, например, где работает комплексная опытная сельскохозяйственная станция, теперь есть не только парники и теплицы, но и огороды под открытым небом. Широта этих мест — около 72°.

Тесним пустыню

На севере — избыток влаги при недостатке тепла, на юге — избыток тепла при недостатке влаги. В зоне пустынь, где много плодородных сероземных почв, надо смело поворачивать на поля те реки, которые несут горную воду к сухим равнинам. Это делается.

Начато, например, строительство Каракумского канала. Сначала пересохшее русло Келифского Узбоя, остаток древнего русла реки Балх, поведет часть аму-дарьинской воды через пустыню на запад, а далее вода пойдет по вновь вырытому руслу.

Мургабскому оазису — главному оазису Туркменской республики — сейчас не хватает воды. Он в изобилии получит аму-дарьинскую воду. Площадь поливной земли в оазисе удвоится. В будущем канал пройдет дальше на запад, напоит еще и соседний Теджекский оазис. А впоследствии дотянется до Ашхабада, обводнит речки, стекающие с Копет-Дага. Общая длина канала составит почти тысячу километров. Прирост орошаемой площади превысит полмиллиона гектаров.

Надо полностью подчинить горные реки — зимний и весенний их сток задержать, а летний усилить. Делается и это. Например, в верхнем течении Чу, в овальной ложбине среди гор недалеко от озера Иссык-Куль на высоте 2 700 метров над уровнем океана, строится большое Орто-Токойское водохранилище. Ложбину запрет высокая насыпная плотина, для пропуска воды в скалах просверлен тоннель длиною более полукилометра.

Засеваем пески

В какой-то мере в зоне пустынь возможно и сухое, неполивное земледелие.

В низовьях Зеравшана, на северной окраине оазисов Бухары и Каракуля, в недалеком прошлом песчаная пустыня наступала на города и пашни фронтом более 100 километров. Песок покрыл места, где жили люди. Погибло до 80 тысяч гектаров орошенной земли. Но пески остановлены советскими лесоводами. Они вырастили знаменитый «Бухарский заслон» от Шафрикана до Каракуля — ленту леса в 120 километров длиной и около 3 километров шириной. Сначала на песке выращивали кустарники кандым и черкез, а потом под их защитой встали

Вокруг Ленинграда заложены сады. В плодопитомническом совхозе «Скреблово» только в этом году выращивается свыше пятисот тысяч саженцев плодовых деревьев и ягодников.

деревья саксаула. За 10 лет они поднялись на 6 метров.

Саксаул в пустыне сеют сейчас самолетами, идущими на бреющем полете; у семян перед севом в особом барабане оббивают крылышки, чтобы ветер не сносил. В более северных районах голый песок покрывают растительностью иначе: сначала разводят иву-шелюгу, а под ее защитой выращивают сосны.

В песках возле Аральского моря работает научная станция по освоению пустыни. Ее организовали братья Евгений и Петр Малюгины. Чтобы заставить бесплодную землю давать урожай, применили самые передовые методы науки: тщательно обработали почву, избрали нужный севооборот, внесли удобрения, провели селекцию растений, посадили лесополосы. И пустыня дала человеку хлеб и самые разнообразные овощи. На фоне серой полынной равнины зеленеет люцерна. Сеют пырей сибирский и другие кормовые травы. Выращивают чуть не пудовые арбузы, собирают помидоры, лук, огурцы.

Опыт Приаральской станции можно распространить на всю полосу, где полупустыня переходит в пустыню, — от Терека до озера Зайсан.

Осваиваем горные склоны

В нашей стране осуществляется продуманная, плановая система земледелия, основанная на научных методах преобразования природы. Поля, сады и огороды создаются там, где их раньше не было, но где они необходимы.

Продвижение культур в новые места идет не только по горизонтали, но и по вертикали. Мы расширяем земледелие не только на север или на восток, но продвигаем его и снизу вверх, а когда нужно — сверху вниз. Эти сдвиги в других условиях потребовали бы целых столетий. А у нас, в социалистической стране, они происходят быстро, на глазах.

В Крыму сады тяготели к предгорьям и к горным долинам. Там более влажно, да зачастую и теплее. Широкая, открытая ветрам с севера и с гор, высушенная солнцем, маловодная крымская степь почти не знала садоводства. А теперь мичуринские сорта плодовых деревьев, новая агротехника позволяют и в степи разбить сады крымских яблонь, груш и слив.

Но для нашей страны гораздо важнее сдвиг растениеводства в горы, вверх.

Подавляющая часть пашни в СССР расположена на равнинах, и это естественно: там живет большинство населения, равнины для земледелия наиболее удобны. Но ведь горы занимают не менее трети нашей страны. И там тоже живут люди. Им нужно иметь свои фрукты, свои овощи, если не хлеб, который сравнительно легко привезти с равнин.

Горы занимают треть страны... Треть, если посчитать по карте. Но карта — лишь зеркало, а не сама жизнь. Карта — горизонтальная проекция местности. Она скрадывает пространство, занятое горами: если распластать поверхность гор, если расстелить их, расправить все морщины земной коры, то получится, что на горы приходится у нас не треть земли, а гораздо больше. Если распластать один Таджикистан, превратить в плоскость склоны его гор, то он протянулся бы в Казахстан и в Заволжье...

Разве можем мы оставить эти огромные пространства без внимания? Разве не должна добраться до них рука преобразователя природы? Разве не найдем мы путей к земледельческому освоению этой «неудобной», покатой земли?

Конечно, и на горных склонах воцарится культура. И там со временем будет обжитый, цветущий мир. А пока мы делаем первые шаги в земледельческом освоении гор.

В колхозах Западного Памира сажают картофель; он приносит настоящие, крупные клубни.

В Верховине, на высотах Закарпатья, прежде разводили только овес и картофель. Все более ценное росло ниже, в предгорьях. А сейчас на Верховине колхозы возделывают виноград и пшеницу.

В Грузии впервые создаются сады на больших высотах. Яблоки собирают у Рокского перевала — почти две тысячи метров над уровнем моря. Кустарниковые яблони выращены вблизи ледников Казбека.

Опытные участки по освоению горных склонов есть в Дагестане, в районе Сочи, в Варзобском ущелье Гиссарского хребта близ Сталинабада. Начинают создаваться огороды и сады в горной дальневосточной тайге.

В павильоне «Лесное хозяйство» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке показано, как для озеленения выращивают деревья в особых траншеях на обнаженных горных склонах вокруг Еревана. Подобную работу ведут около Тбилиси, Саратова и в других местах. Появляются первые сады и рощицы на терриконах Донбасса, всегда раньше голых, черных, при ветре рождавших пыль.

На крутых горных склонах затруднена работа машин. Но вот сейчас у нас сконструирована машина для обработки междурядий на чайных и табачных плантациях. Двигаясь по склону, она может все время держать свои колеса в вертикальном положении. Это придает машине такую же устойчивость, как на ровной местности. Так открывается путь к механизации работ в горном земледелии.

Раздвигаем границы субтропических культур

На крайнем юге СССР есть субтропические районы. Там можно собирать два — три урожая в год.

В Грузии сейчас возделывается до 40 ценных субтропических культур, включая цитрусы, тунговое дерево, эфироносы и чай.

С античных времен возделывают на берегах Средиземного моря маслину. Серебристая оливковая ветвь была символом мира, долголетия и славы еще тысячелетия назад. У нас же еще недавно лишь в Новом Афоне да еще кое-где можно было увидеть небольшие рощицы маслин. В Никитском ботаническом саду около Ялты экскурсанты с изумлением взирали на пятисотлетнюю маслину с сучьями, скрюченными от возраста, как старческие пальцы. Теперь в Крыму заложены большие масличные рощи. Маслиновый совхоз создан в Южной Туркмении, для обработки плодов построен завод. Насаждения маслины с каждым годом расширяются на Апшеронском полуострове. Они должны занять там тысячи гектаров.

Сочный гранат, сахаристый инжир и самый калорийный из всех плодов — финик — тоже перестали быть такой редкостью, как раньше. Деревьев инжира в сухих субтропиках Средней Азии и Закавказья теперь около миллиона, деревьев граната — лишь немногим меньше.

На Атреке в Туркмении в высоту до 7 метров подняли свою перистую крону финиковые пальмы. Их там уже около 2 тысяч. Мичуринцы приучили дерево далекой знойной Аравии переносить морозы в 14°. В холодную зиму пальма теряет листья, но сохраняет неповрежденной центральную почку, и из нее летом вырастает новая крона.

Полей в субтропиках для нас никто не приготовил. Их пришлось создавать.

Во влажных субтропиках на берегу Черного и Каспийского морей равнинные места были покрыты топкими болотами, а склоны гор — непролазными лесами. Теперь болота осушаются, леса частично раскорчеваны. А там, где на склонах ливни грозят смывом почвы, с помощью тракторов и грейдеров устроены на склонах гор террасы.

В сухих субтропиках забота другая. У рек вырубали тростниковые заросли, а повыше рыли каналы, орошали пустыню. Там приходится бороться не с водой, а за воду.

Если растение плохо опыляется, его опыляют искусственно. Если растению не совсем нравится почва, изменяют ее химический состав, внося удобрения. Если растению слишком светло, его на время затеняют. Если растению холодно, его закутывают. Иногда даже пускают в ход специальную грелку: подвешивают под крону дерева электронагреватель.

Но спрос на субтропические плоды в нашей стране продолжает быстро расти, их пока не хватает. Нужно больше фруктов и чая, заводам нужно больше сырья для кондитерской промышленности.

Необходимо двинуть плантации субтропических растений на север, из южных уголков за горами на просторы страны.

Цитрусы сначала перекинулись с черноморского побережья на каспийское, к Астаре и Ленкорани. Потом, уже после войны, они появились в Средней Азии, где работниками Вахшской опытной станции и самаркандским селекционером Василием Паниным выведены свои сорта лимона. Далее — обосновались на побережье Крыма и, наконец, достигли южной Украины и Молдавии.

Чайный куст уже перевалил Кавказский хребет, прижился в Адыгее, у подножия Бештау, на Кубани. Он выдерживает морозы в 23° без снега, в 34° под снегом.

Заложены опытные участки чая на юге дальневосточного Приморья, на Сахалине, на юге Казахстана, в долине около узбекского города Ангрен. Тут чайный куст поднялся на высоту в 1 300 метров над уровнем океана. На склонах Гиссарского хребта чай посажен еще выше — на уровне 1 500 метров.

Самый, северный район промышленного разведения чайного куста в нашей стране и во всем мире — Закарпатье. Там он появился уже в послевоенное время. Он занял места, огражденные с севера горными хребтами. А ведь еще вчера казалось: чай — это тропики Китая, Индии, Цейлона.

Недавно чай под пологом леса посажен даже в средней полосе страны — у Воронежа, в Мичуринске, под Москвой и Ленинградом. Пока это только опыт. Но и смелость опыта достойна восхищения.

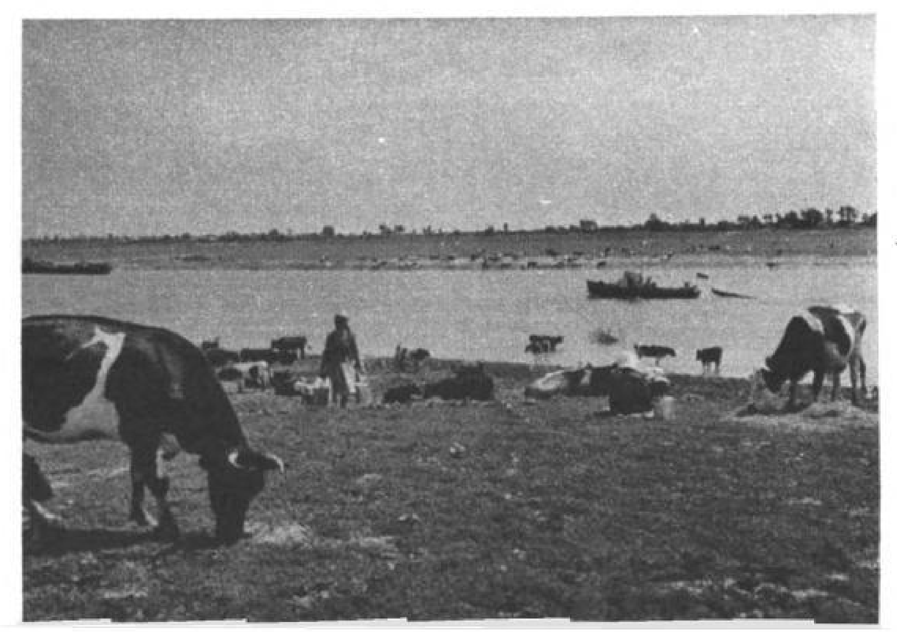
* * *

Много за годы Советской власти поднято у нас целины, много выкорчевано кустарников, осушено болот, орошено пустынь, освоено новых земель. На карте границы земледелия сильно расширились, особенно в восточных районах. Посевная площадь по сравнению с дореволюционной выросла раза в полтора. Это все равно что заново распахать и засеять почти всю территорию Украины, самого большого после РСФСР государства Европы.

Но работа по широкому освоению новых земель в нашей стране еще далека от завершения.

Мы повысим урожайность на существующих полях. А вместе с тем приложим труд для освоения менее доступных земель на далеком востоке, холодном севере и маловодном юге. Целина и залежь Сибири, плодородные сероземы еще не полностью орошенных пустынь, заболоченные луга нечерноземной полосы, пространства горных склонов — все это ждет прихода заботливого, вдумчивого хозяина — народа, преобразователя природы, добивающегося обилия продуктов в стране.

В пойме реки Оки множится поголовье скота.

Copyrighted material

НАРОДНЫЙ СОЛДАТ

Рассказ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Рисунки О. Верейского.

Фу Чу-шань восемь лет работал на Таншаньских рудниках забойщиком, пять лет партизанил.

В Юньнань он пришел в 1949 году с Народно-освободительной армией и в боях с гоминдановцами был тяжело ранен. В госпитале он изучил южный диалект; поднявшись на ноги, стал обучать военному делу молодежь окрестных деревень, так как вернуться в армию по состоянию здоровья уже не мог.

Его избрали начальником отряда народного ополчения и членом бюро волостного комитета партии.

Могучего телосложения, с рябым скуластым лицом, низким робким голосом и кроткой, застенчивой улыбкой, на первый взгляд он производил впечатление человека мягкого, добродушного, нерешительного.

На заседаниях бюро волкома он держал себя перед секретарем, как солдат перед офицером. И каждый раз, когда секретарь спрашивал его мнение, Фу Чу-шань вставал и смущенно говорил:

— Я еще недостаточно изучил мирную обстановку. Разрешите мне, пока я ученик, держать рот закрытым, а уши открытыми.

В волкоме сложилось о нем мнение как о человеке ограниченном.

Когда в уезде начали проводить аграрную реформу, крупный феодал помещик У Цинь-нань сколотил банду. После налетов бандиты уходили в горы и скрывались в буддистском храме-крепости, окруженном высокими гранитными стенами.

Волком решил уничтожить банду и дал указание Фу Чу-шаню готовить отряд народного ополчения для штурма крепости. Но Фу Чу-шань неожиданно для всех заявил:

— Я считаю, что среди бандитов могут быть люди темные, заблуждающиеся.

— Что же ты предлагаешь, послать им анкеты? — резко спросил секретарь волкома.

— Нужно провести с ними работу. Выявить среди врагов союзников из колеблющихся, а потом начинать наступление.

И с такой решительностью Фу Чу-шань стоял на своем, что бюро волкома решило поддержать его.

Фу Чу-шань и начальник волостного отделения Народной безопасности Пен Хуа пробрались в крепость под видом носильщиков воды.

Пен Хуа, будучи человеком решительным, обратил все свои помыслы на то, как бы быстрее разделаться с бандитами. Он заметил во дворе храма оставшийся еще со времен японской оккупации бетонный дзот, в котором бандиты хранили продукты, и думал только о том, как бы забраться в этот дзот с пулеметом, чтобы взять под контроль всю территорию обширного внутреннего двора крепости.

Фу Чу-шань уже на четвертый день нашел среди крестьян смелых людей, которым поручил связаться с отрядом народного ополчения. А сам с бесстрашной откровенностью стал вступать в разговоры с бандитами, выбирая из них в первую очередь бывших солдат разгромленной гоминдановской армии. И нередко эти разговоры кончались тем, что Фу Чу-шань вдруг, сурово насупив брови, говорил:

— Ну вот что, сын суки, ты заслуживаешь расстрела, но я убедился, ты честно раскаиваешься и не хочешь больше быть бандитом. Я разрешаю тебе засучить рукав на левой руке, чтобы в тот час, когда Народная армия возьмет эту крепость, наши люди знали, что ты раскаялся.

Около десятка бывших солдат засучили рукава на левой руке.

На пятнадцатый день бандиты собрались во внутреннем дворе крепости. Главарь банды, помещик У Цинь-нань, сидя посреди двора в кресле, давал указания, как провести очередной налет.

Но вдруг из амбразуры бетонного дзота прозвучал спокойный, медлительный голос Фу Чу-шаня:

— Руки в небо, иначе все почтенное собрание отправится туда!.. Голорукие, направо! — скомандовал Фу Чу-шань. — Остальные, не двигаться! Кто хочет жить, к ногам оружие!

Каждое приказание Фу Чу-шаня сопровождалось угрожающим движением ствола пулемета, принесенного сюда Пен Хуа в мешке с рисом.

— Солдат Пын, открой ворота и впусти народных ополченцев. Господин У Цинь, не опускай рук, иначе твое брюхо набьют свинцом раньше, чем ты успеешь икнуть.

Иногда Пен Хуа все-таки был вынужден прерывать Фу Чу-шаня короткими очередями.

К концу дня обезоруженных бандитов под охраной крестьян и прибывшего отряда народного ополчения согнали в помещение храма «бога земли», где Фу Чу-шань устроил судебное заседание и где обвинителями бандитов были сами бандиты.

Бывший гоминдановский солдат Фын, потрясая тощим кулаком перед лицом главаря банды, кричал высоким, пронзительным голосом:

— Ты говорил, коммунисты рубят голову каждому, кто воевал против них, и этим держал нас в страхе! Ты говорил, что коммунисты отнимают землю у всех крестьян, а они отнимают ее только у таких рисоглотов, как ты! Ты кровавый пес, напяливший шкуру тигра! Я плюю в твою пасть! И если я получу смерть, я все-таки преисполнен радости от того, что сказал тебе, помету черепахи, слова, которые давно рвались из моего сердца!

Слушая обвинителей, Фу Чу-шань застенчиво, счастливо улыбаясь, говорил Пен Хуа:

— Может, моя речь перед открытием суда напоминала бег хромого старика за золотой птицей. Но все-таки я помог людям вынуть стрелы врагов из своих глаз. Вот что значит проводить всюду правильную классовую линию.

После суда над главарями банды Фу Чу-шань отобрал восемнадцать человек бывших бандитов, обвинительные речи которых ему больше всего понравились, и приказал им идти по деревням и там повторять свои слова раскаяния.

После ликвидации банды Фу Чу-шань прославился на весь уезд. Уком предложил ему стать заместителем начальника уездного отделения Народной безопасности, но Фу Чу-шань попросил послать его учиться. Он окончил курсы кадровых работников, прочел много книг по агрономическим вопросам. Четыре месяца работал в деревне как батрак для того, чтобы, как он говорил, «изучить труд крестьянина». Потом он написал «Памятку крестьянина», которую размножал по ночам под копирку и раздавал крестьянам. В памятке имелось примечание о том, что автор нижайше и почтительно просит вернуть ее с критическими замечаниями и новыми драгоценными советами.

В результате памятка выросла в толстую книжку, в ней был собран драгоценный опыт крестьянского труда. И когда приезжий из Кантона агроном просмотрел эту памятку, он сказал:

— По-моему, здесь положено начало крестьянской энциклопедии. Мне даже трудно поверить, что собирателем сокровищ был человек не с агрономическими познаниями, а бывший рабочий и солдат.

Слушая похвалы агронома, Фу Чу-шань заявил с искренностью, которая была ему свойственна:

— Я думал, партия меня после войны спустит обратно в шахту, где я все знаю, а она меня на землю поставила. На бюро волкома ведут такие разговоры: «Нужно теперь рис сажать так, чтоб доступ воздуха был к каждому стеблю». Вот если бы вентиляцию в шахтах обсуждали, я бы мог высказаться, а тут я молчал всегда, как буйвол. Но что такое народный солдат? Это человек, который умеет у народа учиться. Вот я и учился.

Фу Чу-шань жил в глинобитном домике, построенном им собственноручно. Стены единственной комнаты были оклеены новогодними картинками, на них запечатлены победоносные сражения Народно-освободительной армии и портреты воинов-героев. На этажерке — ряды книг. Каждая книга бережно завернута в промасленную бумагу для предохранения от тропической сырости. В углу — умывальный таз, в котором Фу Чу-шань также стирал белье. На столе — термос, алюминиевая кастрюлька с решеткой для варки пампушек на пару. У изголовья гамака, подвешенного к стойкам, подпирающим соломенную кровлю, телефонная трубка, присоединенная к самодельному детекторному приемнику.

На кане, который Фу Чу-шань сложил своими руками, единственном кане не только в волости, но и в уезде и даже, пожалуй, во всей провинции (только северянину может прийти в голову заводить почти в тропиках

Copyrighted material

кан), лежали толстое ватное одеяло и женская жесткая подушка из лакированной кожи.

Фу Чу-шань жил в домике вместе со своей матерью. У матери Фу Чу-шаня были парализованы ноги: старуху истязали гоминдановцы, пытаясь узнать, где скрывается ее сын-коммунист. И нередко жители уездного городка «Небесные ворота» видели Фу Чу-шаня, везущего по улицам коляску рикши, где сидела

опрятно одетая старая женщина с суровым лицом. Когда товарищи спрашивали Фу Чушаня, почему он не женится, Фу Чу-шань со вздохом говорил:

— А где я найду девушку, которая могла бы с таким уважением ухаживать за моей матерью, как это делаю я?

У матери Фу Чу-шаня было восемь сыновей и две дочери. Но в живых остался только один сын. Все дети погибли, сражаясь в партизанских отрядах, а потом в рядах Народно-освободительной армии. Муж был повешен реакционерами в двадцать седьмом году.

До сорока пяти лет она работала в шахтах носильщицей. Во время японской оккупации партизанила в горах, не зная страха и жалости к врагу. Ее старший сын был участником четвертого съезда китайского комсомола в 1927 году в Ухане и признанным вожаком шахтеров.

Суровая, строгая, властная, она бесцеремонно бранила Фу Чу-шаня за каждый промах. И Фу Чу-шань покорно принимал гнев матери не только из чувства глубокой сыновней почтительности, но зная также, что она всегда думает о том, как бы поступил в таком случае ее старший сын, замечательную речь которого перед казнью помнят до сих пор все шахтеры Таншаня.

В 1952 году в волости был организован первый производственный сельскохозяйственный кооператив.

Выступив на торжественном собрании членов кооператива, Фу Чу-шань сказал:

— Дорогие, почтенные друзья! Вы создали производственный кооператив для того, чтобы вам жилось лучше, работалось легче, чтобы получать всегда богатые урожаи. Вы стали на путь коллективизма, указанный Лениным. Вы открыли большие ворота в счастье. Но отныне каждый цзинь риса, который вы будете снимать с ваших объединенных полей,— не только мера веса зерна. Для многих тысяч крестьян нашего уезда урожай ваших полей будет теперь мерой той правды, которую говорит крестьянам наша партия, призывая их к объединению...

Несколько дней Фу Чу-шань старательно готовился к этой речи. Но секретарь волостного комитета товарищ Чжоу Вань-мин после митинга заметил наедине Фу Чу-шаню, что он напрасно установил столь прямую зависимость между правильностью учения партии и будущими производственными показателями кооператива. Поясняя свой упрек, Чжоу Вань-мин говорил:

— Ты должен был искать не возвышенной формы для выражения своей мысли, а простых и поэтому ясных слов и фактов. Учение о кооперации правильно, оно проверено жизнью в великой Советской стране. Это первое. Второе: в Китае есть на севере колхозы, которые насчитывают уже много лет существования. С 1939 года существует колхоз «Тайбай» в уезде Мэйсянь, провинции Шеньси, председатель там Люй Фан-тин. Когда в 1938 году гоминдановцы взорвали дамбу, на реке Хуайхе погибли посевы многих тысяч крестьянских семей.

И вот несколько сот крестьян-беженцев собрались у реки Вэйхэ в разрушенном храме. Они умирали с голоду. В сумке Люй Фан-тина лежала книжка Гэ Гун-чжаня «Из северо-востока Китая в Советский Союз». В книге был описан советский колхоз. Люй Фан-тин прочел книгу беженцам, и они решили коллективно возделать пустынные земли у реки Вэйхэ. Голодные люди копали целину палками, обожженными в кострах, и ели траву. Спустя несколько лет на месте пустыни цвели поля и вырос поселок в тридцать пять дворов. Люди жили в довольстве и снимали такие богатые урожаи, каких не знал ни один крестьянин провинции в самые лучшие годы. Много лет этот колхоз существовал тайно. Но теперь его успех ни для кого не является секретом.

И Чжоу Вань-мин сухо заключил:

— У нас есть очень хорошие учителя, и весь вопрос в том, какими мы окажемся учениками. Говорить же о том, что правда учения партии о кооперации лежит на чаше весов будущего урожая нашего кооператива, легкомысленно. Но для тебя и для меня, для всех коммунистов нашей волости будущий урожай кооператива будет мерой нашей политической и деловой зрелости, с этим я согласен, так и нужно было сказать.

Бюро волостного комитета партии не выносило специального решения, чтобы Фу Чушань наблюдал за работой кооператива. Но получилось так, что ни одно заседание правления кооператива не проходило без участия Фу Чу-шаня. А на каждом заседании бюро Фу Чу-шань говорил о нуждах кооператива.

Вечерами мать поучала Фу Чу-шаня:

— Твой дед, достопочтеннейший Фу, был крестьянином. В горах он разровнял площадку и натаскал туда из долины землю. Каждую весну эту землю смывала вода, и дед снова таскал землю из долины. Мы сеяли хлеб не из горсти, а сажали каждое зерно отдельно, беря его тремя пальцами. Отец знал, сколько по счету растет колосьев на его земле. Он уходил на недели в горы и собирал помет горных диких козлов для удобрения. Потом он продал помещику мою младшую сестру и купил на эти деньги еще одну му горы. Он очищал почву от камней, разбивал камни молотом или обкладывал камни горящим хворостом и потом поливал водой, пока раскаленный камень не давал трещины. Так работал твой дед на клочке своей земли. Но он никогда в своей жизни не съел даже горсти риса. Он ел, как и все бедняки, только шелуху от риса. А теперь все крестьяне едят рис. Рабочие тоже едят рис. Да и самих рабочих стало больше. Только из нашей волости шестьсот мужчин ушли на стройку сахарного завода. И я хотела бы, чтобы твой старший брат увидел, как народ стал есть рис. Ведь он отдал свою жизнь за это! Ты его младший брат, но у тебя нет бесстрашия, какое было у него...

Фу Чу-шань понимал, на что намекает мать...

Производственный кооператив мог снимать вместо одного два урожая риса в год, если бы все его земли стали поливными. Но где взять воды для этого?

Когда Фу Чу-шань партизанил в горах, командир отряда поручил ему пробраться в тыл врага и раздобыть там соль. Больше двух лет партизаны ели пресную еду, пытаясь восполнить отсутствие соли сухим красным перцем.

Фу Чу-шань выполнил приказание. Он поступил рабочим на солеварню и скоро организовал тайную транспортировку соли в освобожденные районы.

Солеварня принадлежала крупному феодалу. Она существовала несколько сот лет и была построена древними китайскими мастерами с большим инженерным искусством.

Морская вода шла по полым бамбуковым трубам вглубь материка, где имелись свободные выходы нефтяных газов. В огромных котлах, поставленных над газовыми факелами, соль выпаривалась из воды.

Фу Чу-шаню приходилось ремонтировать бамбуковые трубы древнего водопровода, он хорошо изучил его устройство.

И на правлении кооператива он предложил построить водопровод, подобный тому, который он видел на солеварне. Для этого нужно было купить четыре больших плота бамбуковых бревен, выжечь внутри деревянные спайки и потом проложить трубы к «Горе серебряных облаков», чтобы забрать оттуда воду из потока, называемого «Слеза почтенной вдовы Чан».

Если даже не считать стоимости труда по сооружению водопровода, кооперативу пришлось бы уплатить за бамбуковые бревна денег больше, чем их имелось в кассе. Правда, можно было получить ссуду у государства, но она нужна для покупки удобрений. Крестьяне, которые вошли в кооператив, прежде не имели скота, и земля их была крайне истощенной, а без удобрений, даже на поливной земле, какой может быть урожай!

Поставили вопрос на правлении, обсуждали, долго спорили, горячились, а решения все не находили. Наконец парторг Сань сказал:

— Я думаю так: это будет первый водопровод не только у нас в волости, но и в уезде. Значит, строительство его имеет политическое значение. Поэтому с покупкой удобрений мы подождем. А пока можем использовать ил из озера «Трех кумирен». Ил — очень хорошее удобрение. Правда, придется носить

его за несколько ли. Это тяжелый труд, но другого выхода у нас пока нет.

Кооператив купил четыре плота бамбуковых бревен. Одиннадцать деревенских кузнецов выжигали раскаленным железом спайки внутри бревен. Сто восемьдесят членов кооператива днем строили деревянную эстакаду, на которую должны были лечь трубы, а ночью вместе со стариками и детьми таскали в корзинах на коромыслах ил из озер «Трех кумирен».

Фу Чу-шань соединял стыки труб, бинтуя их рогожами из пальмового волокна, пропитанными соком каучукового дерева и сосновой смолой, потом обмазывал глиной.

Он сделал модель деревянной эстакады, и по ней строили настоящую эстакаду.

Усталый и радостный Фу Чу-шань приходил домой, и здесь старуха-мать, приподнимаясь на кане, говорила ему:

— Моим глазам больно смотреть, как люди каждую ночь носят ил из озера. Я вспоминаю деда: он также носил землю на свое каменное поле. А ты говорил людям красивые слова, что в кооперативе они станут работать меньше, а труд их будет давать больше. Моим глазам горько смотреть, как зажиточные крестьяне везут на тачках с маслобойни жернова бобовых жмыхов для удобрения своих полей, и без того удобренных навозом.

— Даже солнцу нужно сначала подняться, чтобы осветить всю землю,— кротко отвечал Фу Чу-шань и, приготовив матери чай и ужин, уходил на улицу, чтобы при свете луны почитать уездную крестьянскую газету.

И вот однажды он читал в крестьянской газете статью о строительстве Куйбышевской ГЭС и делал выписки, чтобы упомянуть в каком-нибудь выступлении о великих достижениях Советской страны.

Записав цифры производительности мощного земснаряда, перемещающего целые острова суши в разжиженном грунте, он размышлял: «С чем можно сравнить этот земснаряд, чтобы людям сразу стало понятно его устройство?»

И вдруг перед его глазами возникло озеро «Трех кумирен», откуда сейчас крестьяне носили в корзинах жидкий ил, и эстакада, где укладывали деревянные трубы водопровода. И он почти увидел, как из широкой бамбуковой трубы хлещет толстая, густая струя ила, подобная пульпе, вырывающейся из стального трубопровода советской машины.

Он сидел, оцепенев, потрясенный, даже испуганный мыслью, значение которой столь неожиданно открылось ему.

Фу Чу-шань шел в волостной комитет крадучись, боясь встретить на пути какого-нибудь человека: случайный разговор мог бы нарушить ход его мыслей.

Он сказал секретарю волкома, страдальчески улыбаясь:

— Бери бумагу, кисть и записывай то, что я буду сейчас говорить. Я очень взволнован, поэтому не задавай мне вопросов, пока я не кончу.

— Ты натворил что-то очень плохое? — спросил тревожно секретарь.— Может, вызвать членов бюро?

— Пиши,— умоляюще произнес Фу Чу-шань,— пиши!

Секретарь волостного комитета никогда не говорил громко. Он всегда сохранял на своем лице суровое выражение и произносил слова нарочито медленно, словно учитель, диктующий урок ученику.

Маленького роста, тощий, седой, в больших очках на сухом морщинистом лице, он очень заботился о том, чтобы даже во внешнем облике его всегда чувствовалось спокойствие и выдержанность старого кадрового работника. Даже в шестидесятиградусную жару он не расстегивал верхней пуговицы на воротнике своего кителя.

Но в эту ночь секретарь впервые в жизни нарушил те правила приличия, которые он никогда не нарушал. В расстегнутом кителе и с взъерошенными волосами он бегал по своему кабинету, хохотал, хлопал в ладоши, словно деревенский мальчишка, очутившийся внезапно в день праздника фонарей на площади уездного города.

Вытирая сухоньким кулачком влажные от умиления глаза, он кричал высоким фальцетом:

— Старик Фу, ты еще не понимаешь, как значительно твое предложение! Мы не только одновременно дадим воду и удобрения землям кооператива, но мы покажем всему крестьянству уезда, что кооперативный труд опирается на технику.

Фу Чу-шань сиял от похвал и, теряя скромность, бормотал:

— На фронте я считался неплохим оружейным мастером и как-то отремонтировал японское орудие, приспособив к нему замок от разбитой американской пушки, за что был награжден званием отличного солдата.

— Нет, нет,— морщился секретарь.— Это — совсем другое. Твоя мысль прекрасна тем, что в ней соединяется принцип древнего китайского инженерного сооружения с принципом самой современной в мире советской машины. В этом факте, если хочешь знать, заключен глубокий философский смысл.

— Да, но меня беспокоит то, что озеро лежит на востоке, а водопровод строится сейчас на запад.

— Будем прокладывать его заново на восток.

— Но ведь почти половина работы уже сделана.

— А разве удобрение не половина задачи, которую мы должны решить? Ты что, начинаешь колебаться?

— Нет, я взвешиваю трудности. Вода с горного потока пойдет сама по наклонной эстакаде, для того же, чтобы по равнине шел ил, нужен насос.

— Будем просить у правительства новую ссуду. Я думаю, уком нас поддержит.

В четыре часа ночи собралось экстренное заседание бюро волостного комитета партии, и продолжалось оно весь день.

Вечером секретарь волостного комитета уехал на велосипеде в уезд.

Фу Чу-шань бродил по улицам деревни, залитым белым светом луны. Гигантские кокосовые пальмы роняли на землю черные полосатые тени. В зарослях птичьими пронзительными голосами кричали обезьяны. Возле хижин со стенами, сплетенными из полос расщепленного бамбука, и кровлями из бурых пальмовых листьев, сидя на гранитных катках для молотьбы риса, ужинали крестьяне, вернувшиеся с поля.

После возбуждения, радости, восторга Фу Чу-шань испытывал усталость и щемящую тревогу. Как отнесутся к его словам члены правления кооператива, если он предложит заново строить трубопровод?

Когда председатель кооператива Цзи Лянкэ предоставил слово Фу Чу-шаню, тот встал, чувствуя, как дрожат его ноги и пот покрывает лицо словно слезами.

Первые слова он произнес сиплым и, как казалось ему, грубым голосом:

— Мы строим водопровод на запад, а ил для удобрения таскаем с востока,— говорил Фу Чу-шань, напряженно глядя в одну точку.— Если проложить трубы к озеру и установить насос, мы сможем перекачивать ил из

Copyrighted material

озера для удобрения и воду для орошения. Но для этого надо начать работу заново и купить насос, хотя мы уже взяли у правительства большую ссуду на покупку бамбуковых бревен. Но если мы достанем денег на покупку насоса, поверьте мне, что все тогда будет правильно и очень хорошо, и мы получим и воду и удобрения.

Так, не очень складно, закончил свою речь Фу Чу-шань и сел рядом с председателем, чувствуя тяжесть во всем теле и горечь во рту, где лежал горячий опухший язык, мешавший дышать. В голове был такой шум, словно уши заложены воском. Все это было признаком начинавшегося приступа малярии. Фу Чушаня мутило от тяжелого, густого запаха орхидей и тубероз, который шел из болотных зарослей, перед глазами плыли багряные пятна.

Но он, пересиливая себя, продолжал сидеть за столом, упершись подбородком в кулак, и смотрел плохо видящими глазами в одну точку.

Откуда-то издалека доносился до него дребезжащий, полный ехидной почтительности голос старика Чжу:

— Я хочу положить свой ничтожный вопрос к ногам достопочтенного Фу. Почему наши предки, которые в древние времена умели проводить воду по трубам, никогда не смешивали ее с илом, может, они были глупыми людьми?

— Не нужно утруждать товарища Фу такими загадками,— повелительным голосом произнесла вдова Ван.— Я на них отвечу, я, женщина. Но сначала пусть почтенный Чжу скажет, почему его предки смешивали глину с травой и ели ее в неурожайные годы? Неужели потому, что они были глупыми!

Оглядев торжествующим взглядом съежившегося Чжу, она заявила громко:

— Нам нужен ил, и нам нужна вода. Зачем заводить отдельные ведра, когда все это можно принести в одном! Теперь о покупке насоса. Раньше, когда мои дети голодали, я шла к ростовщику и закладывала последнее за горсть зерна. А теперь нам не надо ходить к ростовщику. Мы можем занять деньги в уезде в кредитном кооперативе.

Потом вдова Ван подошла к столу, сняла у себя с руки истертое серебряное кольцо, вынула из волос белый гребень слоновой кости и сказала председателю с гордой усмешкой:

— Возьми и отвези в «Небесные ворота», там у тебя купит любая модница. И если ты прибавишь сюда свои часы, наше уважение к тебе не станет меньше.

— Я даю ватное одеяло,— подняв руку, заявил кузнец Сяо Чжоу.— И если собиратель растений, почтенный Чао Шэнь, положит на мое одеяло десять пучков корня жизни, всем будет ясно, он достопочтенный человек.

— Он может сложить их в мой сундук из сандалового дерева,— прошамкал старик Чжу,— все знают, я люблю пошутить, но я никогда не был отсталым человеком,— и он с торжеством посмотрел на вдову Ван.

Слушая эти слова, Фу Чу-шань испытывал радость, и она была больше той, которая окрыляла его, когда он набрел на мысль строить трубопровод для перекачки ила из озера. Ведь старик Чжу совсем недавно бросался с палкой на вдову Ван за то, что деревья, растущие на ее земле, роняли свои тени на его участок. Он кричал: «Это моя земля, и тень от твоих деревьев мешает расти моей капусте; если ты не срубишь деревья, я перегорожу канаву, идущую по моей земле, откуда ты получаешь воду на свои поля!»

Чао Шэнь собирал в горах много лет лекарственные травы; два раза его рвал тигр, кусали ядовитые змеи. Он несколько раз срывался с неприступных скал. Он собрал два цзиня драгоценных лекарственных растений, чтобы купить на них буйвола, плуг и построить себе дом. Когда жена его заболела, он лечил ее, давая настой из испорченных корешков, сохраняя хорошие корни для продажи. А сейчас он дал согласие отдать все, что собрал.

Кузнец Сяо Чжоу добывал руду в горах, приносил ее в корзине и потом в самодельной печи плавил из руды железо. У него не было даже фанзы. Он жил в шалаше. Первое имущество, которое он купил после освобождения, были два ватных одеяла, под которыми спала его семья, и он отдавал одно из них.

Тысячи воинов-коммунистов отдали свою жизнь за освобождение народа. Не боялся отдать ее и Фу Чу-шань. Но никогда с такой ясностью не сознавал он, что такое народ, в чем его сила...

Он сидел за столом, смотрел на взволнованные гордые лица крестьян, и ему казалось, что он снова находится в армии, могучей и сильной армии, которой предстоит решающее сражение, и он — солдат этой армии, готовый отдать жизнь за этих людей, за их победу, за их счастье.

Тяжелый ливень стучал о пальмовую листву кровли сарая, где заседало правление кооператива. Теплая вода растекалась по глиняному полу, и влажные испарения, пахнущие болотом, клубами сизого пара врывались в открытые двери. Блестя осклизлой кожей, в сарай лениво вполз старый питон, чтобы полакомиться голубиными яйцами. Но никто не поднялся с места, чтобы выбросить змею на улицу.

Ночью к Фу Чу-шаню пришел секретарь волостного комитета. Выжав мокрую одежду, он снова надел ее, застегнул китель на все пуговицы, причесал мокрые, взъерошенные волосы и после этого сказал:

— Может, у тебя есть желание пойти со мной к озеру посмотреть, где будут строить насосную станцию? Завтра сюда приедут рабочие из города.

Фу Чу-шань шел вслед за Чжоу Вань-мином по узкой меже, пересекающей рисовое поле, отодвигая руками огромные, тяжеловесные листья банановых деревьев, растущих на меже. В темной воде мерцали звезды. Еще не был убран урожай водяных каштанов, и поверхность оросительного канала казалась огромным зеленым, бесконечно вытянутым полем.

На холме стоял замок, сооруженный из гранита, с высокой, крылато изогнутой черепичной кровлей. Четыре четырехгранных высоких башни с узкими бойницами, заделанными чугунными решетками, стояли по углам этой крепости. Отсюда род феодалов У несколько столетий управлял всей округой. Фу Чу-шань штурмовал эту крепость в 1949 году, и здесь, у подножия этой крепости, он был ранен.

А как голодал тогда народ! Люди ели зеленую плесень, плавающую на поверхности болота, серую глину и белые личинки саранчи. На митинги, которые созывали в селах после их освобождения, приходили только одни мужчины, похожие на скелеты, а женщины не могли выйти днем из хижин, потому что у них не было одежды. Солдаты Народной армии отдавали крестьянам свою одежду, еду, а сами, полуодетые и полуголодные, шли снова в бой, очищая юг страны от врагов.

Чжоу Вань-мина они нашли тогда в подземелье усадьбы феодалов У, где он сидел с деревянной колодкой на шее.

Он был сельским учителем и призывал крестьян на борьбу с феодалами.

И вот сейчас они идут рядом, два коммуниста: бывший солдат Фу Чу-шань и бывший учитель Чжоу Вань-мин. Они идут по узкой меже, пересекающей рисовое поле, идут к озеру «Трех кумирен», где будет построена первая в уезде насосная станция, и Чжоу Вань-мин протягивает руку в ту сторону, где виднеются сквозь пальмовые листья желтые огоньки деревни, и с обычной своей внушительной манерой, медленно произнося каждое слово, говорит:

— Взгляни, старик Фу, ты видишь огни в деревне? Раньше крестьяне никогда не жгли масло в светильниках. Если оно было у них, они ели его. А теперь, ты видишь, горят светильники. Они горят в тех хижинах, где люди после работы в поле не спят, а учатся. Видишь, как много огней?

И, остановившись, они оба долго вглядываются в крохотные желтые огоньки, просвечивающие сквозь бумажные окна крестьянских хижин.

Светящееся белой луной небо лежит на черном зеркале рисовых полей. А на далекой темносиней горной вершине вырисовываются зубцы башни храма «Бога земли», и там тоже слабо мерцают желтые огоньки. В храме помещаются уездные курсы рисоводов, и то, что там поздно ночью люди учатся, никого уже не удивляет.

САДОВОДЫ УРАЛА

Жена работника Уралмаша Н. Г. Кадочникова в заводском саду.
Фото Ж. Берланд.

Лучшие коллективные сады Свердловска — сад № 1 Уралмаша, сад «Уралец», городское мичуринское общество — послали на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку зимостойкие сорта плодов, выведенные местными садоводами.

...Девять лет назад в поселке Уралмашзавода на пустыре, между улицами Победы и Уральских рабочих, был заложен первый коллективный сад. Теперь таких садов на Уралмаше 21. Они занимают площадь в 79 гектаров и объединяют 1 280 семей рабочих и служащих завода.

Садоводство — любимое занятие многих работников Уралмаша. Часто можно видеть, как в свободное время токари, фрезеровщики, инженеры с увлечением трудятся на своих участках, поливают, обрабатывают и удобряют почву, ведут борьбу с вредителями.

Свыше 17 тысяч плодовых деревьев высажено в садах Уралмаша. Хороший урожай яблок и груш, малины, крыжовника, земляники, смородины собирают здесь. Садоводы-любители хорошо помнят обращение великого преобразователя природы И. В. Мичурина, который советовал уральцам выводить местные сорта плодовых растений.

Свердловские опытники могут похвалиться ценными зимостойкими сортами плодов и ягод. В садах города сейчас выращивается яблоко мичуринца Т. Л. Комлева «Кальвиль», обладающее прекрасным вкусом и ароматом, хорошие сорта зимостойкой крупной вишни садоводов А. М. Олесова и И. Д. Чистякова, новые сорта сливы, крыжовника, смородины.

По почину уралмашцев коллективные сады созданы на многих предприятиях города. Сейчас в Свердловске 72 коллективных сада площадью в 215 гектаров. В саду «Уралец» собирают богатые урожаи яблок, груш, ягод лучших летних сортов.

А. ГРИГОРЬЕВ

Copyrighted material

И. Е. Репин (1844—1930). УКРАИНКА. 1875 год. Частное собрание.

Copyrighted material

К. А. Трутовский (1826—1893). ОТКАЗ ЖЕНИХУ. Частное собрание.

УКРАИНСКАЯ ТЕМА В ЖИВОПИСИ

Цветущая природа Украины, быт ее народа всегда привлекали внимание русских художников.

Широко известны замечательные полотна И. Е. Репина на украинские темы: «Запорожцы», «Вечерницы», «Украинка» и другие. Горячо любил Украину и другой корифей русского искусства, И. Н. Крамской. Им написан портрет Тараса Шевченко и картина «Русалки» по повести Гоголя. Даже в богатом наследстве знаменитого мариниста И. К. Айвазовского свое особое место занимают пейзажи и жанровые сцены из украинской жизни.

Полностью отдал свое искусство украинским темам русский художник, академик живописи Константин Александрович Трутовский.

Родился Трутовский в 1826 году в городе Курске, а детство провел в Харьковской губернии. Влечение к рисованию появилось у него с ранних лет. Отец будущего художника был большим любителем живописи и всячески поощрял эту склонность в сыне. Девятилетнего Костю Трутовского отправили в Харьков и поместили в частный пансион, где он проучился четыре года. Получив образование инженера, он отдавал рисованию все свободное время.

С 1845 года Трутовский посещает классы рисования Академии художеств в Петербурге, которыми руководил профессор Ф. А. Бруни. Хотя в академии господствовала тогда классическая живопись с традиционными сюжетами из библейской мифологии, Трутовского постоянно тянуло к темам действительности. Его карандаш то и дело воспроизводил народные сцены: уснувшего на козлах извозчика, продавца сбитня, подгулявших купцов у подъезда трактира.

В 1850 году Трутовский, окончив Академию художеств, уезжает на Украину. Поселившись в одном из уездов бывшей Харьковской губернии, он пишет в Петербург товарищу по Академии художнику Чернышеву:

«Ты себе не представляешь всю прелесть здешних мест... Я охвачен восторгом от чудесной природы милой Малороссии. Вот где раздолье для художника!! Народ здесь хороший, приветливый и веселый. А какая живописность костюмов! Просто палитра красок».

1854 год надо считать началом творческих успехов художника. Трутовский пишет одну за другой картины, которые делают его имя известным: «Базар в Малороссии», «Коробочка», «Слепой бандурист», «Спящая украинка», «Сорочинская ярмарка» и чудесный по экспрессии и колориту «Хоровод», за который Трутовскому было присуждено звание академика.

Переехав позднее на юг бывшей Курской губернии и ближе познакомившись с миром уездных помещиков, Трутовский создает серию картин из помещичьего быта: «Помещики на базаре», «Сладкая дремота», «Помещики-политики», «Не поладили» и другие. С неподражаемым юмором передает он в них комические стороны провинциального быта. Острой сатирой иной раз звучат его полотна. Ряд его картин — это и гневный протест против произвола царского самодержавия: «Выбивание податей», «Староста, уводящий у крестьян корову», «На поденщину».

Популярность Трутовского была огромна. Репродукции с его картин и рисунков печатались в альбомах, на открытках, в журналах... Появлялись даже ситцы с его рисунками. Когда эти ситцы дошли до села, где жил художник, и превратились в платья, платки, косынки, фартуки и когда деревенские девушки стали щеголять в них, Трутовский шутя говорил: это моя «передвижная выставка».

Почти во всех крупных музеях страны среди произведений лучших наших живописцев, прославивших русское искусство, имеются и картины К. А. Трутовского, большого и талантливого художника. Воспроизводимая в этом номере журнала репродукция с его картины «Отказ жениху» изображает старый народный обычай подносить неугодному жениху гарбуз (тыкву). Сцена эта воспроизведена в картине с исключительным мастерством. Не ожидал жених такого конфуза. Рассержены сваты. Да и как им не сердиться? Рассчитывали на почет и угощение, а получили гарбуз. А на улице озорные парни облепили хату. Ох, и достанется неудачливому жениху и его сватам! По всей деревне будут провожать их насмешками и шутками...

Большое влияние на Трутовского оказали произведения Н. В. Гоголя и Тараса Шевченко. По мотивам повестей Гоголя он пишет чудесную колоритную «Сорочинскую ярмарку», затем «Коробочку» и «Чичиков у Собакевича», а для альбома «Вечера на хуторе близ Диканьки» создает рисунки. Иллюстрировал он и поэмы Шевченко.

В перечне широко известных полотен отечественных живописцев, навеянных образами гоголевских книг, рядом с работами Трутовского надо поставить и лирическую, глубокую, задушевную картину Х. Платонова «Оксана», в которой художник воспроизводит чудесный облик героини одной из повестей Н. В. Гоголя.

В. ТЭН

Copyrighted material

НА ХАЛХИН-ГОЛЕ

У памятника танкистам — победителям в Баин-Цаганском сражении.

Фото автора.

Из Улан-Батора на вездесущем «газике» мы выехали на Халхин-Гол. Взволнованная память подсказывала слова В. М. Молотова, произнесенные пятнадцать лет назад на Третьей сессии Верховного Совета СССР: «Я должен предупредить, что границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную границу».

Эти твердые слова были грозным предупреждением, которому, однако, не внял японский император Хирохито.

Летом 1939 года японские империалисты вторглись на монгольскую территорию. В кровопролитных боях с советско-монгольскими войсками участвовали две самурайские стрелковые дивизии, а также 1-я мотобригада, дс ста танков, мотострелковый полк, первый отдельный полк полевой артиллерии, семь японо-маньчжурских кавалерийских полков, много самолетов. Командовали войсками видные деятели армии — цвет японской военщины.

Самураи были жестоко биты советско-монгольскими войсками, которыми командовал Г. К. Жуков, в то время комкор.

Давно это было. Милитаристская Япония потерпела поражение во второй мировой войне. Японский народ, наученный горьким опытом, сейчас самоотверженно борется за мир.

Тов. Эрендо — бывший командир 8-й монгольской кавалерийской дивизии, участвовавшей в сражении на Халхин-Голе, рассказывал нам о необыкновенном театре военных действий, который был отделен от железной дороги 750 километрами полупустыни, о тропической жаре, о караванах верблюдов с бурдюками воды, преодолевающих в сутки лишь 50 километров.

И вот мы, испытывая волнение, мчимся к Халхин-Голу — месту исторических боев, мчимся ночью, по бездорожью.

Наш спутник, генерал-лейтенант Жамьян Лхагвасурун, приказал остановить машину. Он посмотрел в беззвездное небо, прислушался и сказал, что слышит птичий гогот. Это на реке. Генерал показал направление, и вскоре мы выехали к Халхин-Голу, спугнув огромные косяки диких гусей и уток.

Генерал Лхагвасурун командовал монгольскими войсками в сражении на Халхин-Голе. Тогда ему было 26 лет. Здесь все знакомо генералу. Вскоре мы выехали к памятнику над братской могилой красноармейцев — советскому танку, поставленному на пьедестал. Над орудийной башенкой трепетал красный флаг, и от этого казалось, что танк не стоит, а движется вперед. На лобовой броне машины была выведена надпись: «Танкистам РККА яковлевцам победителям над японцами в Баин-Цаганском сражении 3—5 июля 1939 г.».

— Комбриг Миша Яковлев убит в разгар боя 3 июля в 2 часа дня, а 29 августа Советское правительство присвоило ему посмертно звание Героя Советского Союза,— тихо промолвил генерал Лхагвасурун.

Танк стоял, как новенький, его не брала ржавчина. Мне рассказывали, что кочевые араты, проходя мимо, вытирают и чистят его.

Взошло солнце. Мы взобрались на гору Баин-Цаган и увидели оттуда широкое поле боя — открытую местность, изрытую осыпавшимися окопами, ржавыми бронеколпаками и обвалившимися блиндажами. Кое-где, полузасыпанные пылью, виднелись разбитые самурайские танки и бронетранспортеры.

Мы проехали на кладбище, уставленное памятниками из снарядных гильз. Сама природа обильно засеяла братские могилы степными цветами. Мы задержались у могилы, где на обломке самурайского самолета была выбита надпись: «Здесь похоронены неустрашимые воины РККА, героически погибшие в боях на реке Халхин-Гол, мужественно защищая границы МНР. 20—26 августа 1939 г. Степанюк Е. А., Киселев В. М., Чашников П. Е., Потапов В. С., Халилов А. К., Рябцев В. И., Гребенников М. П., Калашников Н. Г., Бовыкин И. П., Бриндес А. М., Присяжнюк П. И. Прощайте, дорогие товарищи. В. Ч. 99».

В тот же день в газете «Унэн» мы прочитали постановление ЦК Монгольской народно-революционной партии о праздновании по всей стране 15-й годовщины исторической победы на Халхин-Голе. В постановлении говорилось: «В знак глубокой признательности и безграничной благодарности монгольского народа героической Советской армии — соорудить памятник советским воинам, павшим в борьбе за свободу и независимость монгольского народа».

С. БОРЗЕНКО

Румынский народ — Корее

Много тысяч километров отделяют Бухарест от Пхеньяна. Трудящиеся Румынии бескорыстно помогают своим корейским друзьям поскорее восстановить разрушенные американскими бомбами города и села. Из Бухареста в Пхеньян прибывают машины, станки, медикаменты, дома.

На этом снимке вы видите, как румынский инженер-строитель Александр Гочис руководит установкой сборного здания, предназначенного для больницы.

Летний лагерь студентов

— Смотри, он стал тяжелее на десять граммов.

Звенигородский район. На берегу Москвы-реки раскинулась биологическая станция Московского государственного университета. Ежегодно студенты второго курса биолого-почвенного факультета проходят здесь свою летнюю учебную практику.

Ранний час. В лагере еще тихо. По крылечку «домика зоологов» расхаживает ручной дрозд,— он с нетерпением ждет, когда же наконец придут люди и из рук накормят его мягким вкусным хлебом... На опушке леса в два ряда вытянулись студенческие брезентовые палатки. Над некоторыми из них — небольшие флажки с символическими изображениями: черного скорпиона вывесили студентки кафедры беспозвоночных, диковинную рыбу — ихтиологи.

У самой реки сидят три девушки. Это студентки кафедры генетики растений Вера Привалова, Лида Левченко и Нина Гуськова. Перед ними папки с растениями, они тщательно классифицируют их, старательно записывают что-то в свои конспекты. Такие группы можно наблюдать сейчас повсюду: за небольшими столиками или просто на душистом травяном ковре склонились над микроскопами, диаграммами, записями сосредоточенные студенты.

Рая Чумакова и Лев Кузнецов ведут наблюдение за малоизученной ночной птицей козодоем и ее птенцами. В руках у юноши весы, а на их чашке — крупный птенец с пестрыми коричневыми перьями. Он лежит спокойно, прищурив черные бусинки глаз. Козодой не вьет гнезда, а выводит птенцов, которых бывает не больше двух, прямо на земле. Нелегко было узнать, чем кормят их родители. Для этого пришлось перевязывать птенцу горлышко и потом быстро извлекать принесенный матерью корм. Птенцы едят только ночью. Поэтому к утру они сильно прибавляют в весе, а к концу дня опять «худеют».

— Смотри, он стал тяжелее на 10 граммов,— говорит Кузнецов Рае.

Интересную и полезную работу выполняют студентки кафедры микробиологии Ирина Толмачевская и Роза Чвилева. Их тема: «Грибы-древоразрушители одного из участков леса Звенигородского района». Студенты-ихтиологи М. Сазоненко, Л. Полонская и Р. Якубенайте под руководством преподавателя В. Д. Спановской изучают режим питания промысловых рыб.

— Мы выяснили,— рассказывает Светлана Зосимова, — что за короткий срок, буквально за несколько часов, у синицы можно выработать условный рефлекс, и она будет питаться определенным видом насекомых. На днях отправляемся в подмосковный колхоз — проверять наши выводы. Там мы натренируем синиц на одного из вредителей фруктовых садов и затем выпустим «на работу».

Скоро начало занятий. С большой пользой провели студенты летнюю практику.

М. МИКРЮКОВ

Миллионы книг

С каждым годом в нашей стране растет спрос на книгу, многочисленные издательства увеличивают тиражи и количество своих изданий.

Одно только Государственное издательство художественной литературы в этом году выпускает в свет 408 книг общим тиражом в 45 миллионов экземпляров.

Продолжается выпуск собраний сочинений русских классиков — Льва Толстого, Горького, Гончарова, Короленко. Подписчики получают в 1954 году первые тома сочинений Тургенева и Чехова. Крупными тиражами печатаются собрания сочинений советских писателей — Д. Бедного, Л. Леонова, П. Павленко, С. Сергеева-Ценского, К. Федина. Выходят сочинения классиков иностранной литературы.

К концу года должны выйти первые три тома шеститомного собрания сочинений Дж. Лондона. Заканчивается издание 12-томного собрания сочинений Теодора Драйзера. Выходят очередные тома сочинений Бальзака, Гюго, Нексе.

Впервые на русском языке издается собрание сочинений классика китайской литературы Лу Синя. Отдельными изданиями выходят переводы романов, повестей и рассказов болгарских, венгерских, польских, чешских, румынских, индийских, японских писателей.

Выпускается специальная серия изданий с иллюстрациями мастеров изобразительного искусства.

Полки домашних и общественных библиотек пополнятся в этом году новыми книгами.

Copyrighted material

ПРИБЫТИЕ В МОСКВУ ДЕЛЕГАЦИИ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ

Члены делегации английской лейбористской партии на Московском аэродроме. В центре — лидер лейбористской партии г-н К. Эттли. Справа — Заместитель Председателя Моссовета Н. И. Бобровников и Заведующий Протокольным отделом МИД СССР Е. Д. Киселев.

Г-н К. Эттли и члены делегации направляются к машинам.
Фото Е. Тиханова.

10 августа в Москву прибыла направляющаяся в Китайскую Народную Республику делегация английской лейбористской партии во главе с лидером лейбористской партии К. Р. Эттли.

На аэродроме делегацию встречали Заместитель Председателя Моссовета Н. И. Бобровников, Заместитель Председателя ВЦСПС Л. Н. Соловьев и Заведующий Протокольным отделом МИД СССР Е. Д. Киселев.

В тот же день Председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков устроил обед по случаю пребывания в Москве делегации английской лейбористской партии во главе с г-ном К. Эттли.

На обеде присутствовали члены делегации: г-н Э. Бивен, г-жа Э. Саммерскилл, г-н У. Бэрк, г-н М. Филлипс, г-н С. Уотсон, г-н Г. Эрншоу и г-н Г. В. Франклин.

На обеде был также чрезвычайный и полномочный посол Великобритании в СССР сэр Уильям Хэйтер.

С советской стороны на обеде присутствовали товарищи А. И. Микоян, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, А. Я. Вышинский, председатель Моссовета М. А. Яснов, Н. В. Попова и член правления ВОКС Л. Д. Кислова.

Обед прошел в дружественной атмосфере.

Всесоюзное совещание в селе Мальцево

Участники совещания в селе Мальцево осматривают посевы. В центре — Т. С. Мальцев.
Фото Г. Санько.

В колхозе «Заветы Ленина», Шадринского района, Курганской области, состоялось созванное по решению Центрального Комитета КПСС Всесоюзное совещание по изучению и распространению методов работы полевода колхоза, директора опытной станции лауреата Сталинской премии Т. С. Мальцева.

С различных концов страны приехали сюда видные ученые, руководители партийных и советских организаций ряда республик и областей, работники научно-исследовательских институтов и опытных станций, агрономы, директора МТС, председатели колхозов и передовики сельского хозяйства. Всего в работе этого совещания принимали участие более тысячи человек.

Колхозный ученый Терентий Семенович Мальцев сделал доклад о методах обработки почвы и посева, которые способствуют получению высоких и устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур. Он сказал:

«...Наши опыты подтвердили, что на непаханной, а только лишь лущенной почве можно действительно получать урожайность не меньшую, а во многих случаях даже большую, чем при посеве на вспаханном поле. Вместе с тем при такой обработке структурность почвы значительно улучшается, так как корневые остатки однолетних растений разлагаются в уплотненных нижних слоях почвы, в анаэробных условиях».

С содокладами выступили научные работники Почвенного института Академии наук СССР тт. Никанорова и Бахтин.

Затем участники совещания осматривали поля колхоза «Заветы Ленина». Здесь они убедились в правильности методов Т. С. Мальцева, увидели, как благотворно действуют на выращивание высоких урожаев новые приемы агротехники.

В работе совещания принимали участие первый секретарь ЦК КП Казахстана тов. Пономаренко, председатель Совета Министров Казахской ССР тов. Тайбеков, секретарь ЦК Компартии Украины тов. Бубновский, академик Т. Д. Лысенко и другие.

Это для школьников

В муляжном цехе фабрики «Природа и школа» готовят к новому учебному году наборы мичуринских плодов.
Фото С. Фридлянда.

В книжных магазинах и школьных киосках сейчас идет оживленная торговля новыми учебниками, тетрадями, ручками, карандашами.

С этого года в школах приступят к введению облегченных программ по некоторым предметам. 21 новый учебник получат учащиеся Российской Федерации. А самые маленькие 1 сентября откроют цветной «Букварь», который впервые издан массовым тиражом.

На пароходах и поездах, на машинах и оленях во все концы страны доставляют учебники. Только школы Российской Федерации получат 150 миллионов экземпляров учебников и более 400 миллионов тетрадей.

Десятки предприятий нашей страны занимаются изготовлением приборов и учебных пособий для школ. На заводах Тюмени, Рязани, Иркутска делают токарные и сверлильные станки; в столице Украины — небольшие электростанции «Киев-I», с помощью которых можно электрифицировать сельскую школу; на химических заводах — наборы химических реактивов. Каждый месяц с конвейера московского завода «Физэлектроприбор» сходит более 40 тысяч школьных компасов. Любители физики познакомятся с новыми наборами по радиотехнике, электромагнитами, электроконструкторами.

Весной по воскресеньям у речек и прудов Подмосковья можно видеть, как, к большому восхищению мальчишек, взрослые люди ловят сачками головастиков. Это работники цеха зоологии фабрики «Природа и школа». Многое необычно на этой фабрике. В ее адрес постоянно приходят посылки. Здесь яблоки и сливы из мичуринских садов, морские коньки с Черного моря, актинии с Баренцова моря, живые ужи из-под Харькова и ящерицы с Кавказа, растения и минералы со всех концов страны. На фабрике животные и растения переселяются в ящики и стеклянные цилиндры, а в умелых руках муляжисток возникают превосходные яблоки, груши, помидоры, которые отличаются от подлинных разве что отсутствием аромата.

Е. ВЕЛТИСТОВ

Copyrighted material

На птицеферме совхоза «Горки II», Московской области. Слева направо: участницы Всесоюзной сельскохозяйственной выставки птичницы Е. В. Иванкина и Х. С. Гаврилова, награжденные орденами Ленина.

Фото Г. Дубинского.

Copyrighted material

Всемирные студенческие игры

Три венгерских юноши зажгли огонь студенческих игр.

Вот уже тридцать лет проводятся студенческие игры, но особенно возросла их роль в последние годы. Теперь они стали средством дружеского общения спортивной студенческой молодежи всех пяти континентов.

В этом году XII Всемирные студенческие игры были проведены в Будапеште, на Народном стадионе.

Свыше 2 тысяч спортсменов — представители тридцати стран — съехались со всех концов земного шара в столицу Венгрии. Самая многочисленная делегация у Венгрии — 400 человек; Чехословакия послала в Будапешт 238 человек. В советской команде около 200 спортсменов.

31 июля, в 16 часов, три венгерских юноши зажгли огонь студенческих игр, и после торжественного церемониала на поле вышли футбольные команды Венгрии и Шотландии. Им была предоставлена честь открытия игр.

Вступили в борьбу баскетболисты, волейболисты, борцы, пловцы, прыгуны в воду. Вот уже звучат имена первых победителей. Венгерский пловец Дьердь Тумпек в плавании на 100 метров баттерфляем установил новый мировой рекорд — 1 минута 2,3 секунды. Первенство по прыжкам с трамплина у женщин завоевала советская спортсменка Любовь Жигалова, а у мужчин — Г. Удалов (СССР).

Таково было начало этих крупнейших международных соревнований. Следующие дни не обманули ожиданий зрителей, заполнявших все 100 тысяч мест будапештского стадиона.

На многочисленных аренах борьбы спортсмены-студенты показывали высокие результаты.

Молодой советский борец Борис Кулаев добился победы над прославленным венгерским спортсменом Ковачом. Кулаев и его товарищи по команде Цалкаламанидзе, Майсурадзе, Дадашев, Схиртладзе и Канделаки стали чемпионами студенческих игр по вольной борьбе.

Много волнений доставил зрителям финальный матч венгерских и советских ватерполистов, закончившийся победой спортсменов Венгрии.

В упорной борьбе с венграми прошли встречи по классической борьбе, принесшие победу советской команде.

С большим успехом выступили штангисты СССР. Они установили двадцать восемь студенческих рекордов и один мировой. Владимир Вильховский — атлет легчайшего веса — поднял в рывке 100,1 килограмма.

Командное первенство в боксе также завоевала команда СССР, опередив венгров на 7 очков. Пять советских боксеров получили золотые медали. Командное первенство по гимнастике выиграли спортсмены СССР, личное первенство у мужчин — венгерский спортсмен Токач, у женщин — советская гимнастка Т. Манина.

Неудачно сложился ход борьбы у мужской волейбольной команды СССР, занявшей только шестое место. Женская волейбольная команда стала чемпионом студенческих игр. Советские баскетболисты заняли третье место, баскетболистки — второе.

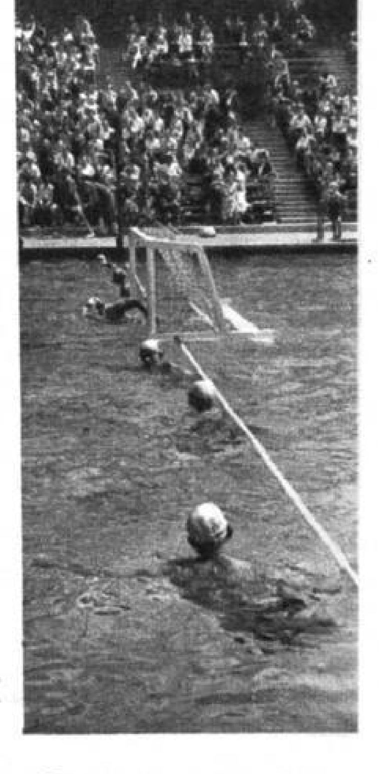
Высокие результаты были показаны легкоатлетами.

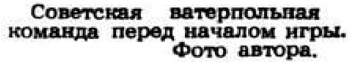
Советские спортсмены завоевали 130 золотых, 93 серебряных и 36 бронзовых медалей. Наши команды первенствовали в десяти видах соревнований.

После девяти дней напряженной спортивной борьбы студенческие игры закончились большим праздником.

В. ФРОЛОВ

Будапешт.

Советская ватерпольная команда перед началом игры.
Фото автора.

НА ФИНИШЕ...

ПЕРВЕНСТВО СССР ПО ФУТБОЛУ

...Один — ноль! С таким счетом закончилась встреча старых спортивных соперников — динамовцев и спартаковцев столицы.

За пять минут до конца игры защитник «Спартака» Н. Тищенко упустил В. Рыжкина, последовал великолепный удар — и мяч оказался в сетке. Так, несмотря на известное преимущество, которое имела в этом состязании команда «Спартака», она упустила сначала победу, а затем и ничью, открыв динамовцам «зеленую улицу» к золотым медалям чемпионов страны. Разница в 3 очка на финише слишком велика, чтобы один пятикратный чемпион догнал другого пятикратного чемпиона.

Итак, мастера футбола заканчивают XVI традиционный всесоюзный чемпионат. В течение 134 дней на стадионах Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Баку, Киева, Минска, Куйбышева, Горького, Харькова и Риги проведено 136 матчей первого и второго круга. Всего 20 матчей остались неразыгранными.

Давно уже мы не наблюдали столь напряженных схваток, где победа решалась лишь одним мячом, зачастую забитым в последние минуты состязания. Достаточно сказать, что около 40 игр закончились вничью, свыше 50 — с перевесом в один мяч и около 40 — в два мяча, 16 раз был зафиксирован нолевой результат и около 30 раз повторялся счет 1 : 0.

Почти во всех командах возросла мощь обороны. Но, к сожалению, в большинстве коллективов этому не было противопоставлено усиление «огневой» силы нападающих.

Каково же положение команд в таблице розыгрыша на финише чемпионата?

Московские динамовцы идут впереди, потеряв всего 11 очков.

Вопреки «прогнозам» некоторых специалистов минский «Спартак» не оказался «калифом на час», а продолжает борьбу за призовое место: во втором круге минчане из восьми встреч проиграли только две.

Московские одноклубники минчан имеют во втором круге соотношение мячей 15 : 7 и... два поражения кряду (что с этой командой случается крайне редко). У спартаковцев весьма уязвимы линия защиты и вратарь.

На призовое место претендуют и динамовцы Киева.

Значительно улучшила свое турнирное положение команда ЦДСА, которая вместе с прогрессирующей ленинградской командой «Трудовые резервы» претендует на почетное место в первой пятерке.

Значительно ниже обычного уровня выступают в этом сезоне динамовцы Тбилиси, которые очень неудачно играют вне родного стадиона.

Таково перед финишем положение семи команд, возглавляющих турнирную таблицу.

Юр. ВАНЬЯТ

Гол, решивший судьбу матча. Мяч, посланный нападающим московского «Динамо» В. Рыжкиным, в сетке ворот московского «Спартака».
Фото А. Бурдукова.

БОРЬБА РАВНЫХ

Финальный заезд мужских восьмерок. К финишу подходят лодки «Красного знамени» (на первом плане) и «Крыльев Советов».
Фото Н. Волкова.

Широкие просторы Химкинского водохранилища стали ареной увлекательных соревнований на первенство СССР по академической гребле.

Наивысшего накала борьба достигла в последнем заезде мужских восьмерок, в котором встретились команды «Красного знамени» (Ленинград) и «Крыльев Советов» (Москва).

Восьмерка москвичей успешно выступает с 1946 года. Она выиграла звание чемпиона Европы 1953 года, недавно одержала большую победу в Англии на реке Темзе, завоевав главный приз Хенлейской регаты.

Восьмерка «Красного знамени» обратила на себя внимание в нынешнем сезоне, добившись на одном из соревнований победы над командой «Крылья Советов». Но история этой восьмерки более давняя. Ее гребцы В. Кирсанов, К. Путырский, Б. Федоров, Ю. Рогозов и другие еще в прошлом сезоне успешно выступали на двух четверках — с рулевым и без рулевого, а года три — четыре назад «восьмерка дружных ребят», как ее называли, была чемпионом СССР, добившись победы над сильнейшей восьмеркой страны — «Крылья Советов». Но тогда седьмой номер, Ю. Тюкалов, решил перейти на одиночку-скиф. Подходящей замены ему в тот момент не оказалось, и так из одной восьмерки родились две четверки.

В нынешнем сезоне гребцы «Красного знамени» снова сели в одну лодку и с первых же выступлений показали, что готовы оспаривать всесоюзное первенство...

В двух километрах от трибуны водной станции «Динамо» выстроились шесть восьмерок. И вот они уже на дистанции. Вперед сразу же вырываются ленинградцы. Темп взят предельно быстрый — сорок два гребка в минуту, но восьмерка «Крыльев Советов» держится вплотную. Половина дистанции — тысяча метров — осталась позади. Впереди попрежнему лодка «Красного знамени». Пройдено 1 500 метров. Лодки идут теперь почти рядом. Вот они поровнялись. До финиша остается каких-нибудь 100 метров, а угадать победителя попрежнему невозможно. И в этот полный огромного напряжения момент загребной восьмерки «Крыльев Советов» В. Крюков увеличил темп, увлекая своих товарищей на решающий, последний бросок.

Звучит колокол: москвичи финишировали первыми. И тотчас же вслед за ними закончили гонку ленинградцы, проиграв всего шесть десятых секунды.

Любопытная деталь. Во время соревнований трижды называлась одна и та же фамилия. На восьмерке «Красного знамени» греб Владимир Кирсанов; в составе женской четверки, ставшей чемпионом СССР, выступала жена Кирсанова — Лидия, и, наконец, на распашной двойке «Красного знамени», также занявшей первое место, за рулем сидел 14-летний школьник Александр Кирсанов — брат Владимира.

Немало волнений вызвала и финальная встреча на одиночках-скифах. 1 500 метров впереди шел ленинградец Ю. Тюкалов («Красное знамя»), и все же чемпионом стал не он, а студент московского Нефтяного института Александр Беркутов («Динамо»). Молодой гребец проявил огромную волю, сумел исключительным по силе рывком догнать Тюкалова и первым пересек линию финиша.

Звания чемпионов Советского Союза завоевали среди женщин: четверка «Красного знамени» (Ленинград) с загребной Н. Морозовой, двойка парная «Динамо» — Л. Чаусова и З. Ракицкая (Ленинград), на одиночке Р. Чумакова (ЦДСА), на восьмерке команда ЦДСА с загребной Е. Лукатиной (в нынешнем году она отмечает двадцатилетие своих выступлений в гребных гонках).

Среди мужчин чемпионами стали: на распашной безрульной двойке И. Булдаков и В. Иванов («Химик», Москва), на четверке безрульной гребцы «Авангарда» (Ленинград) с загребным И. Ивановым, на двойке парной безрульной И. Емчук и Г. Жилин («Наука», Киев), на четверке с рулевым спортсмены «Крыльев Советов» (Москва) с загребным Е. Сиротинским.

Прошедшие соревнования примечательны тем, что они выявили много новых молодых и сильных гребцов. Командное первенство завоевали динамовцы.

Е. ЕВГЕНОВ

Copyrighted material

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ТРУД

ЛИ МУН ИР,
главный редактор газеты «Нодон синмун»

Страна утренней свежести — Корея вступила во второй послевоенный год. Для нашей земли, истерзанной войной, для каждого города и селения, для сердца матери, полного неугасимого гнева на агрессоров, пришла вместе с долгожданной победой пора мира, созидательного труда, простых человеческих радостей.

Корейский народ по праву гордится завоеванной им исторической победой. Он знает, что в этом его заслуга перед всем человечеством.

Куда ни взглянешь, все напоминает о бессмертных подвигах верных сынов Кореи. Каждый камень, лежащий у обочины дороги, каждый горный ручей навеки связаны с именами героев, не ведавших страха перед врагом. Названия этих гор и рек, которые раньше были известны только жителям близлежащих деревень, теперь воспеты в песнях.

Сейчас, в канун 15 августа, дня освобождения нашей родины героической Советской Армией, корейский народ, полный веры в светлое будущее, восстанавливает свои города и села, свое народное хозяйство, варварски

На восстановленном металлургическом заводе имени Ким Чака. Бригада Лин Дина выполняет ежедневную норму на 147 процентов.

В государственном садовом хозяйстве (провинция Южный Пхенан).

Copyrighted material

В восстановлении здания центральной больницы в Пхеньяне большую помощь оказывают прибывшие из Китая строители-специалисты.

разрушенное американскими интервентами.

Поднявшись на гору Моранбон и окинув одним взглядом Пхеньян, вы будете удивлены и восхищены тем, как быстро возрождается наша любимая столица. На месте развалин построены многие тысячи жилищ. Восстановлены разрушенные здания, люди зажили мирной жизнью. Жители Пхеньяна, скрывавшиеся во время войны в горах, вернулись в город. Открыты школы всех ступеней, работают больницы, библиотеки, кинотеатры. На горе Моранбон стоит громадный подъемный кран, присланный нам советским народом; многие жители Пхеньяна до поздней ночи трудятся здесь над реконструкцией Моранбонского театра.

Проходящий в центре Пхеньяна проспект имени Сталина расширяется втрое. Строится крупная текстильная фабрика — она будет давать шестьдесят миллионов метров ткани в год. Благодаря громадной технической помощи, получаемой из Советского Союза, фабрика будет сооружена раньше намеченного срока.

Поднимаются из руин и другие города, в том числе город-герой Вонсан. Еще недавно здесь была пустыня, усеянная каменными обломками, на каждом шагу встречались воронки от бомб, груды разбитого кирпича, согнутые балки... Сегодня в Вонсан прибывают один за другим железнодорожные составы из Советского Союза, Китая и стран народной демократии. Они доставляют машины, топливо, продовольствие, предметы домашнего обихода — все, что необходимо для возрождения города. От пристани, где находились окопы бойцов Народной армии и китайских добровольцев, каждое утро уходят в море рыболовецкие суда.

Быстро строится новый Вонсан — еще более прекрасный, чем прежде. Он, как и другие наши города, созидается руками людей, грудью отстоявших этот город, руками матерей, еще оплакивающих своих близких, руками отцов, потерявших своих детей на виселице, руками патриотов.

Трехлетний план послевоенного восстановления и развития народного хозяйства (1954—1956 гг.) уже начал с этого года осуществляться. В будущем году по сравнению с довоенным 1949 годом уровень промышленного производства должен будет составлять 153 процента. Будут полностью восстановлены и расширены разрушенные во время войны крупные заводы, предприятия, шахты, рудники. Будут построены и введены в эксплуатацию новые современные заводы.

Корейский народ любит мир и созидательный труд. Он единодушно желает объединения своего отечества на демократической основе. Но мы бдительно следим за происками американских поджигателей войны и их лакеев — лисынмановцев, которые сделали все, чтобы сорвать решение корейского вопроса на Женевской конференции. Никакие козни врагов мира не сломят воли корейского народа к миру, его желания жить в дружбе со всеми миролюбивыми народами земного шара.

г. Пхеньян. Июль.

В одном из детских садов Хамхына.

Copyrighted material

СЕКРЕТЫ ПРИЗВАНИЯ

Галина ШЕРГОВА

Фото Р. Лихач.

Каждый человек по-своему видит мир. Валя Спирина видела мир глазами литературы. Литература сделала в детстве таинственным и необычным город, который Валя разглядывала в проломы щербатых от времени, белесоватых зубцов тульского кремля. Литература дала ей друзей, смелых и дерзновенных, одарила для нее природу красками и запахами, вечера — мыслями, завтрашний день — радостным и тревожным ожиданием. Валя не представляла жизни вне литературы.

Но жизнь оказалась сложнее литературы. Сначала дома, в Тульском педагогическом институте, ей сказали, что она не прошла по конкурсу. Потом в Горьком, куда она поехала на спортивные соревнования с тайной мыслью поступить в институт, тоже заявили: «Мест нет».

...Поезд шел в Тулу. Из окна вагона Валя видела, как, сидя на полотне, парень в темных очках, похожий на огромную птицу, «клевал» рельс голубым клювом автогена. «Теперь нужно думать о какой-нибудь другой профессии, вроде этой...» У края шоссе женщина, подбоченясь, варила асфальт. Она как-то по-домашнему мешала его. В коридоре вагона кто-то громко говорил о разведении кроликов.

А Валя думала: «У всех любимое дело, увлечение».

* * *

Во всякой трудовой семье уважают час обеда. Валя с детства помнила озабоченное лицо матери, когда отец входил в комнату, опустив тяжелые, с набухшими венами руки, пахнущий стружкой, в одежде с побелевшими от древесной пыли швами. Он долго и старательно мылся, и вся семья почтительно ждала его у стола.

В это лето и младшие братья Вали, Слава и Ким, тоже входили в комнату, сохраняя на лицах солидность потрудившихся мастеров. И от них пахло деревом, и мать так же уважительно, как отцу, подавала им борщ: рабочие люди.

За столом отец и братья говорили о заводских делах, Михаил Пантелеевич рассказывал Славе давние истории рождения комбайнового завода, который он строил 20 лет назад, где теперь работал сын. Отец знал оконные рамы и дверные косяки, как писатель знает выношенную им фразу, любовно припоминал линии зданий, будто говорил о живых людях,— в дереве осталась живинка его рук, его труд. А Валя сидела за столом и молчала: школьные новости кончились, институтские не появились. О чем ей было сообщать? Она досадовала на медлительную уверенность в голосах братьев; в этом чувствовалось хозяйское право человека определять тему и тон разговора. Однажды она сказала за столом:

— Пойду работать на завод!

* * *

В домашней библиотечке Вали Спириной появилась новая книга — «Журбины». Вероятно, раньше Валя отнеслась бы к ней, как ко всякой новинке, и оценила бы, применив обычные литературные нормы. Но теперь, придя на завод комбайнов, Валя вчитывалась в каждое произведение о рабочем классе так, будто именно эта книга должна была открыть ей секреты и поэзию труда. Ведь рассказы братьев и отца были лишь повествованием о рабочих буднях, а Валя ждала откровений.

Впрочем, на заводе ей сказали:

— Идите пока на простую работу, оглядитесь. Потом что-нибудь подыщем.

Валя покривила бы душой, если бы сказала, что первая работа увлекла ее, раскрыла ей поэзию труда, дала вдохновение, поиски — в общем то, о чем мечтала она за книгой. Работа как работа — цех делал очень несложную продукцию. Справлялась с работой Валя хорошо. И тем более удивительным казалось, что сразу же после прихода в цех ее стали отмечать. Она недоумевала, когда уже через неделю ее избрали редактором стенной газеты.

Удивительно было, с каким уважением приняли члены редколлегии ее предложения по плану номера: ведь все ребята лучше знали цеховые дела. Удивительным был первый заработок, когда выяснилось, что ей присвоили пятый разряд. И уж вовсе она смешалась, когда на занятиях политкружка (Валю зачислили сразу в кружок второго года обучения) преподаватель расхвалил ее выступление.

Спирина считала: само собой разумеется, что она знает материал. Разве зря преподаватель истории Антонина Николаевна Сморыга знакомила школьниц со славными страницами борьбы Коммунистической партии? Само собой разумеется, что Валя может написать острую заметку и интересно построить номер стенной газеты!

И зачем комсорг цеха Варя Морозова сказала ей:

— Уж ты-то можешь многого добиться! Сейчас в промышленности образование — первое дело. Директор и парторг говорили: на заводе для окончивших десятилетку все условия создавать будут.

Так, продолжая недоумевать, Валя делала свое нехитрое и довольно однообразное дело.

* * *

Школа стояла на пригорке. Отсюда открывался город. Удаленный, он всегда был задернут дымкой тумана, только трубы заводов да старинные колокольни выступали четко.

В этот день, когда в ее школе был назначен вечер встречи десятиклассниц с бывшими выпускниками, приехала из Ленинграда подруга — одноклассница Валя Громыхалина. Она зашла к Спириным, и девушки долго сидели, рассказывая о сегодняшних делах. Собственно, говорила Громыхалина. Она училась в политехническом институте и вся была полна студенческими новостями. Наконец она сказала:

— Ну, а как ты-то? Как на заводе? Давай повествуй!

Спирина начала рассказывать, но вдруг, посмотрев на подругу, заметила, что у той в глазах все еще искрится оживление от собственного рассказа. Видимо, та припоминала новые подробности. И Валя, сникнув, закончила:

— Да о чем говорить? Работаю, в общем.

Громыхалина сказала с искренним участием:

— Ведь это, наверное, тоже интересно! А в институт еще поступишь.

На вечере бывшие одноклассницы Вали выступали бойко и увлеченно. Рассказывая об институте, все заключали сообщение приглашением именно в их вуз. А Валя сидела тихо, незаметная и невеселая. Ей тоже хотелось выступить и сказать о заводе, о делах людей, которых она не знала в лицо и по имени, но которыми гордилась вместе со всеми заводскими. Она перебрала в уме: «Фрезеровщик Филипичев перешел на восемь станков, применив метод непрерывного фрезерования; Болотов улучшил процесс электросварки; слесарь Глебов модернизировал механический пресс». Нужно сказать, как завод без остановки перешел от зерновых комбайнов на выпуск картофелеуборочных. Ведь этим она жила теперь вместе со всеми комбайностроителями! Валя представила свое выступление: «Сейчас в промышленности необходимы люди грамотные, способные двигать технику вперед, способные научно мыслить». Вале даже казалось, что она сама придумала эту фразу, а не услышала от директора завода.

Но Валя была не мастер на речи. Да никто и не предлагал ей выступать. Только одна из девушек бросила:

— А ты все такая же тихая, как в школе? На заводе-то справляешься?

Что ей было ответить? Она и правда была мало приметной в деятельной компании школьниц. И Валя согласно улыбнулась.

...Вышли из школы. На улице было снежно, свежо, и девочки, взявшись под руки, шли неровными шеренгами. Все, как раньше.

* * *

В открытом окне диспетчерской показалась чернявая голова шофера Хайруллы Балмуддинова:

Copyrighted material

— Иди наблюдай международный волейбольный матч «Бензин» — «Мазут»! Твоих пришивают!

Валя засмеялась, и Хайрулла, довольный успехом шутки, скрылся. А Валя засмеялась не потому, что так уж остроумно окрестили команды соседей — гаража и депо. Просто вдруг стало приятно, что вот всего несколько месяцев, как она перешла диспетчером в гараж, а уже об автотранспортниках говорят: «твои».

Предлагая Вале перейти в гараж, парторг цеха сказал ей: «Вот тебе и повышение. Работа живая — инициативы, энергии, смекалки требует: гараж огромный. Мы же понимаем, что на нашей продукции тебе не интересно... Да и зарплата там больше — образованию соответствует».

Валя хотела возразить: «Лучше на сложный станок». Но что-то удержало ее: «А если не справлюсь, — позор!..»

Заводская диспетчерская совсем не походила на те транспортные штабы с голосящими телефонами, пультами, радиосвязью, о которых Спирина читала иногда в книгах. Придя сюда, она даже пожалела о цехе. Все-таки там простор, народ, чувствуется заводской масштаб. А тут все «жизненное пространство» — простой стол за деревянным барьером, на котором сиротливо стоял телефон.

Валя даже удивилась, что, объясняя ей рабочие обязанности, старший диспетчер Борис Васильевич Поваров предупредил:

— Конечно, будет и сложно. У нас люди по полгода сидели да так, не освоив, и уходили.

— Что тут сложного? Все понятно.

И правда, она быстро научилась составлять графики, выписывать путевки, сразу получила высший разряд, а после месяца работы — даже премию. В гараже говорили уважительно: «Что ж, человек образованный».

Но в одном Валя ошиблась. Жизнь в маленькой диспетчерской была, пожалуй, пошумней, чем в цехе.

Водители, народ говорливый и веселый, приезжая из дальних рейсов, приходили сюда, «набитые» историями и новостями других городов. Валя дома пересказывала их подробно и обстоятельно, будто сама побывала в рейсе. И мать, слушая ее, заботливо пододвигала ей тарелку, как отцу и братьям, приговаривая: «Поешь, доченька, да ложись, отдохни».

Но, проработав месяц, Валя поняла, что работа не так уж проста. Чтобы достойно и авторитетно говорить с водителями и механиками, пришлось познакомиться с материальной частью машин. Составляя вместе со старшим диспетчером график рейсов, она соображала, как правильнее построить маршрут. И главное — нужно быть в курсе всех заводских дел. Теперь это стало не просто «заводским патриотизмом», а действительной необходимостью. Валя поднимала трубку и, слыша взволнованный голос начальника 15-го цеха, коротко отвечала:

— Дадим машину после обеда. Из 16-го переведем...

Она знала, что 15-му нужен металл. В голове она прикидывала: «Конец месяца; 32-му цеху, строителям, нужен транспорт... На конвейере задержка из-за цепей—«выцарапывай» машины, откуда хочешь. Завод залихорадило, неритмично работают, обеспечить деталями — и твое дело...»

Раньше она и не подозревала, что на заводе образование может оказаться в таком почете. А почти сразу после перехода в гараж ее избрали секретарем комсомольской организации, и все выступавшие говорили: «Человек окончил десятилетку, знающий, может толково построить работу».

И казалось естественным, что в гараже зашевелилась комсомольская жизнь, что стала выходить стенная газета «Комсомолец» с интересными статьями, что сразу 30 человек записались в спортивное общество «Торпедо» (а не было ни одного).

Валя организовывала коллективное посещение спектакля «Ромео и Джульетта»—и транспортники расспрашивали ее о Шекспире. Она предлагала поездку в Ясную Поляну — и, усевшись в диспетчерской, по-школьному присмиревшая ватага шоферов слушала ее рассказ о Толстом. А потом слесарь Андрейкин толкал в бок спокойно слушающего шофера Павловича:

— Вот тебе и граф!

Так и литература, ее любимая литература, осталась с ней.

Время от времени с ворохом новостей в диспетчерскую залетали вести о том, как та или другая девушка перешла в лабораторию, стала к сложному станку. И всякий раз сообщение сопровождалось замечанием: «Ясно, человек со средним образованием, ему куда хочешь». Тогда Вале казалось, что те, другие, уже раскрыли сложнейшие секреты труда, что они-то и заняты настоящей большой работой, что им открыто творчество. «И что я согласилась идти в гараж? Малодушие... Нет, надо проситься к станку». Она про себя произносила: «Расточной... электротельфер... дуплекс-процесс...» В одних названиях — и то сколько неизведанности!

Но то ли жалко было расставаться с гаражом, то ли не хотелось бросать своих комсомольцев (да и нечего греха таить: ей, тихой, незаметной в школе, сейчас было лестно, что она «молодежный вожак», как говорил парторг).

Заявления о переводе к станку она не подавала.

Однажды в «Правде» появилась статья, критикующая завод за авральные методы работы, за неритмичность, простои и штурмы. Утром, придя на завод и еще не видя газеты, Валя поняла: что-то произошло: уж больно озабоченные — то сердитые, то возбужденные — были лица у встречных.

Телефон в этот день неистовствовал на валином столе, и она отводила трубку от уха, когда там начинали рокотать злые и безапелляционные голоса. Сперва Валя отвечала спокойно, привычно: «Придет машина — пришлем» или: «Записала. В 15 часов машина будет».

И вдруг из трубки на нее посыпались, как мелкая галька, звонко постукивающие, тоненькие и дробные слова: «Вам хорошо рассуждать: 15 часов... А у нас план... Детали, детали нужны... Срочно перебросьте... Что, из-за вас еще простаивать? Опять в «Правду»...— И сыпал и сыпал. И Валя сказала покорно: «Сейчас пришлю».

Она еще не знала, откуда достанет машину,— все были разосланы еще утром,— знала только: достанет. И неожиданно Валей овладело какое-то новое, никогда не испытанное возбуждение. Она почувствовала, что от нее зависят труд, волнения и радости других людей. Ей представилось, что она и впрямь сидит в штабе кипучей и сложной заводской жизни. Она почти зримо представляла, как управляет потоками деталей, она слала необходимый металл и лес цехам, через ее диспетчерскую текла эта жизнь.

Не покидавшее ее с этих пор одушевление держало Валю в каком-то необычном состоянии: она перестала быть для себя той Валей, которую знали все, будто она действовала на страницах какой-то книжки, увлекательной и небудничной. Тут же она одергивала себя: «Ох, я глупая, глупая!.. Ну что придумываю?»

Она рылась в книгах, чтобы прикинуть с механиком возможности сделать эффективнее работу машин; она вглядывалась в карту, вычерчивая самые рациональные маршруты дальних рейсов. И с удовольствием отмечала, что пригодились и физика и география и что вообще большой кругозор — неплохое дело Может быть, все эти занятия и не входили в ее прямые обязанности, но именно они и открыли Вале новое увлечение. Теперь самым интересным делом казалось для нее планирование, пусть еще несложное, пусть только заводские машины были подвластны ему, но Валя уже глубоко верила, что уж если чем и заниматься, то планированием на транспорте. И рядом с этим живым и конкретным делом жизнь только в литературе представлялась бесплотной, недейственной и даже потеряла свою возвышенную таинственность.

И почему-то перед ней всплывал тот школьный вечер и девочки-студентки на сцене. Если бы это случилось теперь!..

* * *

Если бы Валя выступила со всеми речами, которые она произнесла про себя, ходя по улицам или перед сном, она прослыла бы заправским оратором. Если бы были написаны все придуманные письма и статьи — кто знает? — может, все приемные комиссии литературных факультетов прислали бы ей приглашение с просьбой поступить именно к ним. Но она не умела этого делать.

Например, она сотни раз видела в уме, как бывшие десятиклассницы приходят к ней на завод и удивляются: «Неужели это наша «тихая Валя»?» Или, например, письма к Вале Громыхалиной.

Нужно написать ей так: «Все зависит от человека. Если в труд вкладываешь мысль и чувство, всякий труд становится шире и интереснее. Вот тут и приходит на помощь образование».

И придумывала конец письма: «Решила идти на планово-экономический, так как работа открыла мне, что это именно и есть мое призвание. И непременно на вечерний, чтобы не оставлять гараж. А литература? Что ж, разве ее кто-нибудь и что-нибудь может отнять? Нет. Ее герои живут вместе со мной в большом и интересном мире».

Пришел за нарядом шофер Хайрулла Балмуддинов.

Copyrighted material

НА СОЛНЕЧНОМ БЕРЕГУ

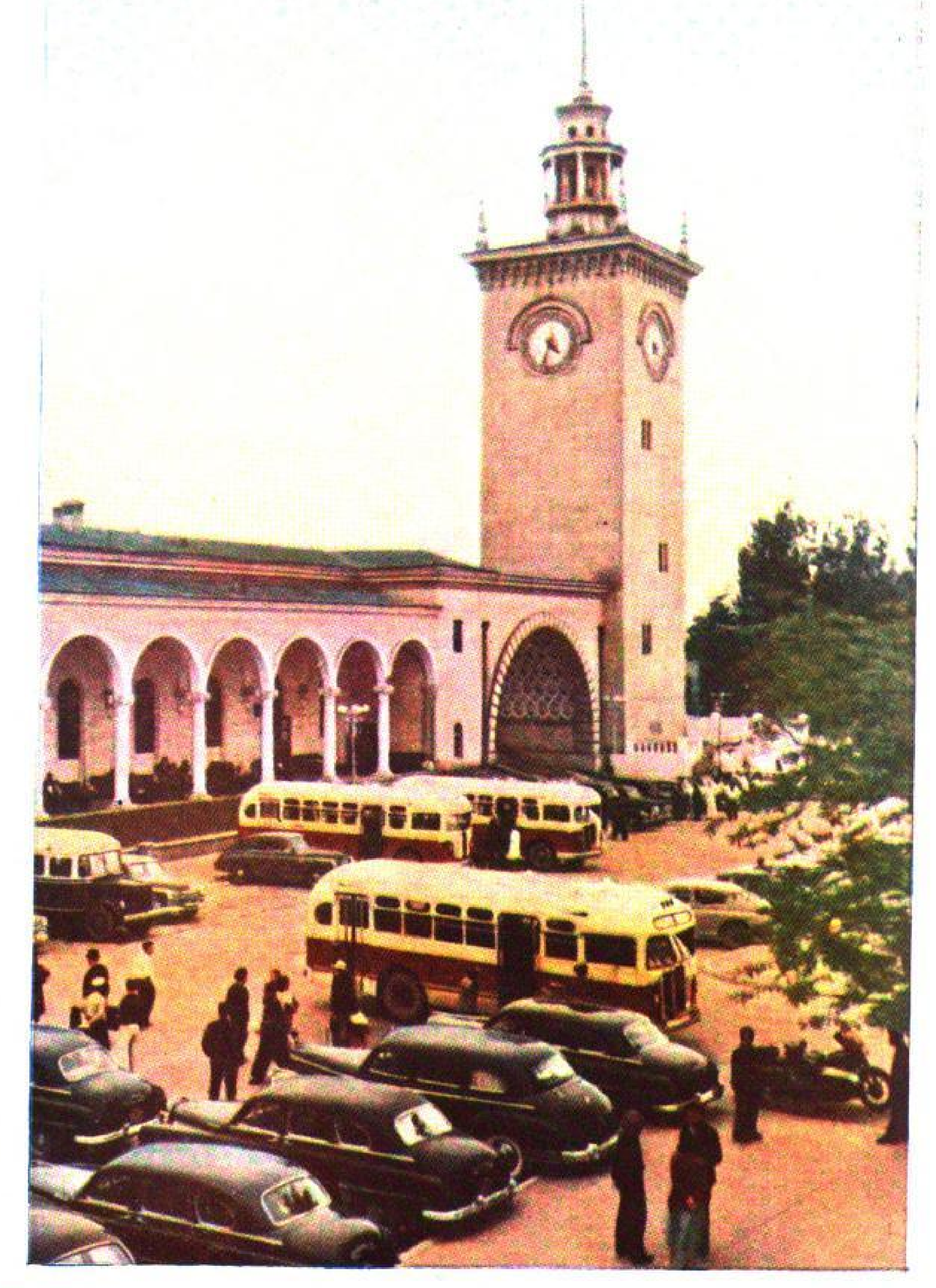
И глупо звать его
«Красная Ницца»,
и скушно
звать
«Всесоюзная здравница».
Нашему
Крыму
с чем сравниться?
Не с чем
нашему
Крыму
сравниваться!

Вл. Маяковский

Ласковая волна перебирает гладкие, как леденцы, разноцветные камешки пляжей. Многоголосый людской шум и плеск купающихся не заглушают тихого шороха гальки.

Солнце стоит прямо над головой, и море вспыхивает слепящими зайчиками. Весь Южный берег Крыма — от Алушты до Симеиза — усеян телами жадных до солнца курортников.

Размеренно, строго по распорядку, течет жизнь в санаториях и домах отдыха. С того момента, как человек снял с себя дорожный костюм и переоделся в чи-

→ Симферопольский вокзал. Еще пятьдесят километров на машинах по живописной горной дороге — и курортники ступят на Южный берег Крыма.

Прекрасный вид на Гурзуф открывается с дороги. Голубая дымка окутывает Медведь-гору. Пьет медведь черноморскую воду и никак не напьется...

стое, чуть пахнущее чемоданом платье, он перестает быть комбайнером Сидоровым, инженером Петровым или прядильщицей Ивановой: он становится «больным».

Несколько сот тысяч человек — по путевкам и без них — проводят ежегодно свой отпуск на Южном берегу. Одних только санаториев здесь без малого сто.

В двух здравницах вновь открытого курорта Ливадия одновременно отдыхают 700 человек. Диспетчер дорожного участка из Латвии Гвидо Павс-Добелис, бухгалтер из Ленинабада Мария Алешина, директор средней школы из Брестской области Петр Акимович Бертош сейчас, наверное, с удовольствием вспоминают о том времени, когда они жили в построенном из белого инкерманского камня Ливадийском дворце.

Светлые, легкие, как парусные корабли, корпуса санатория «Курпаты» предоставлены работникам сельского хозяйства. «Золотой пляж», «Орлиное гнездо», «Красное знамя», «Долоссы», «Сосняк», «Чайка» — все это прекрасно оборудованные здравницы.

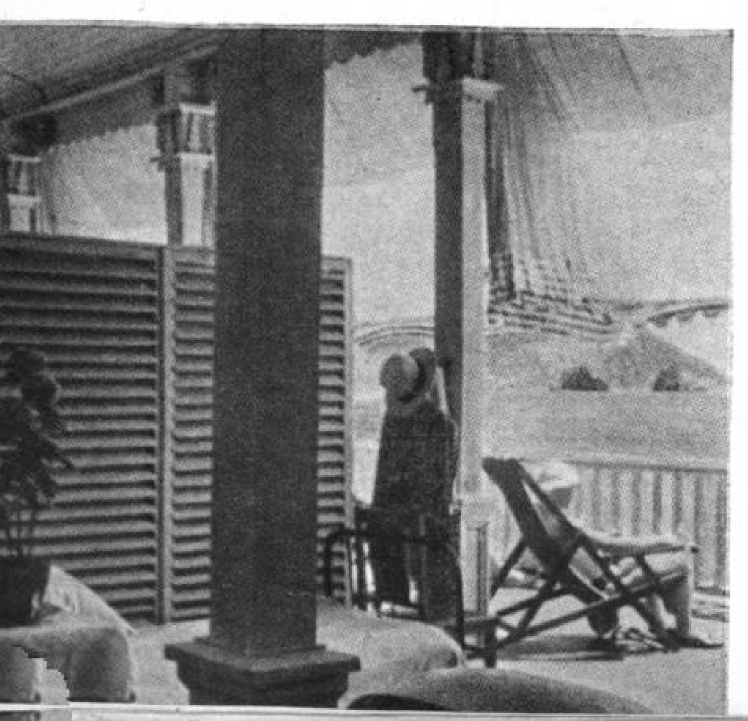
Во время войны оккупанты сожгли и разруш
риев. Но сразу же после освобождения Кры
восстановление.

Каждый год на Южном берегу вступают в
реконструирован гаспринский санаторий «Ясн
отдыхающих санаторий № 2 ВЦСПС в Алупке.
тория для работников лесной промышленности в
четыре года государство израсходовало на кры
рублей.

Из далекого Забайкалья приехала на Южный берег Валентина Оттовна Драгунская с дочкой Танечкой. Они с утра до вечера на море: хотят накупаться на целый год.

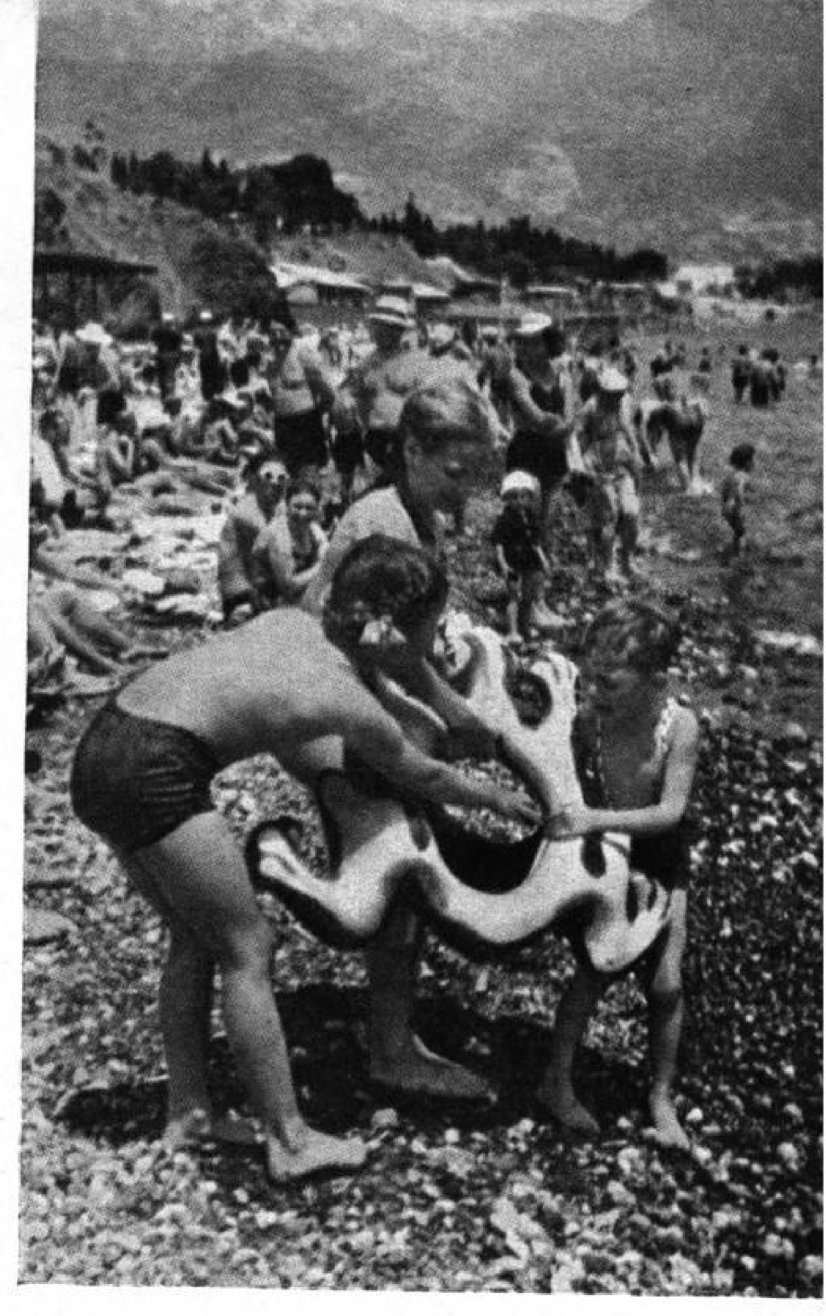
У самой воды стоит Биоклиматическая станция Центрального санатория Министерства обороны СССР. Круглые сутки отдыхающие дышат морским воздухом (фото внизу слева).

Пляжному фотографу не всегда помогает и такая самореклама: люди приезжают со своими аппаратами.

...ли более половины крымских санато-
...ла советские люди принялись за их

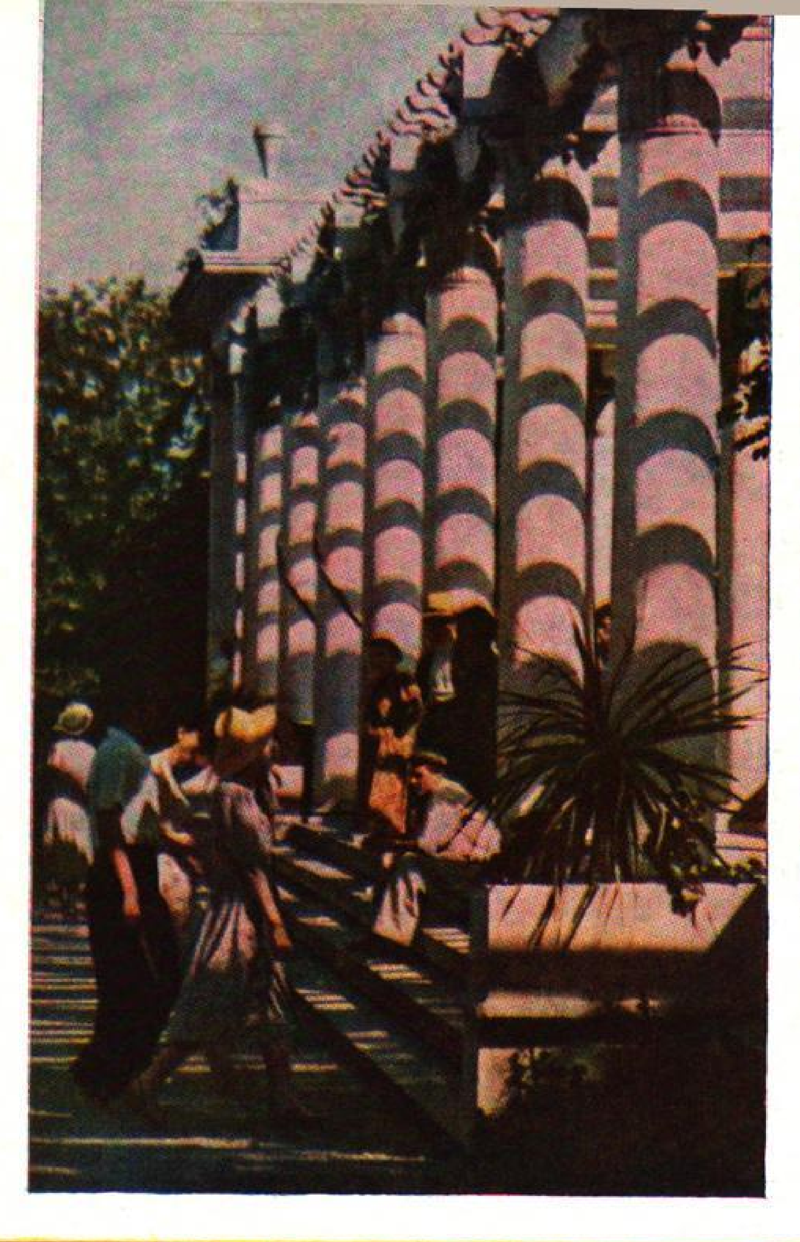
...строй новые здравницы. Этим летом
...я «...Поляна», принял первую группу
...лизится к концу строительство сана-
...районе Мисхора. Только за последние
...мские курорты свыше 400 миллионов

↑ Солнце может многое сделать, но человеческий характер изменить оно не в силах: заядлые шахматисты остаются таковыми и на пляже.
→

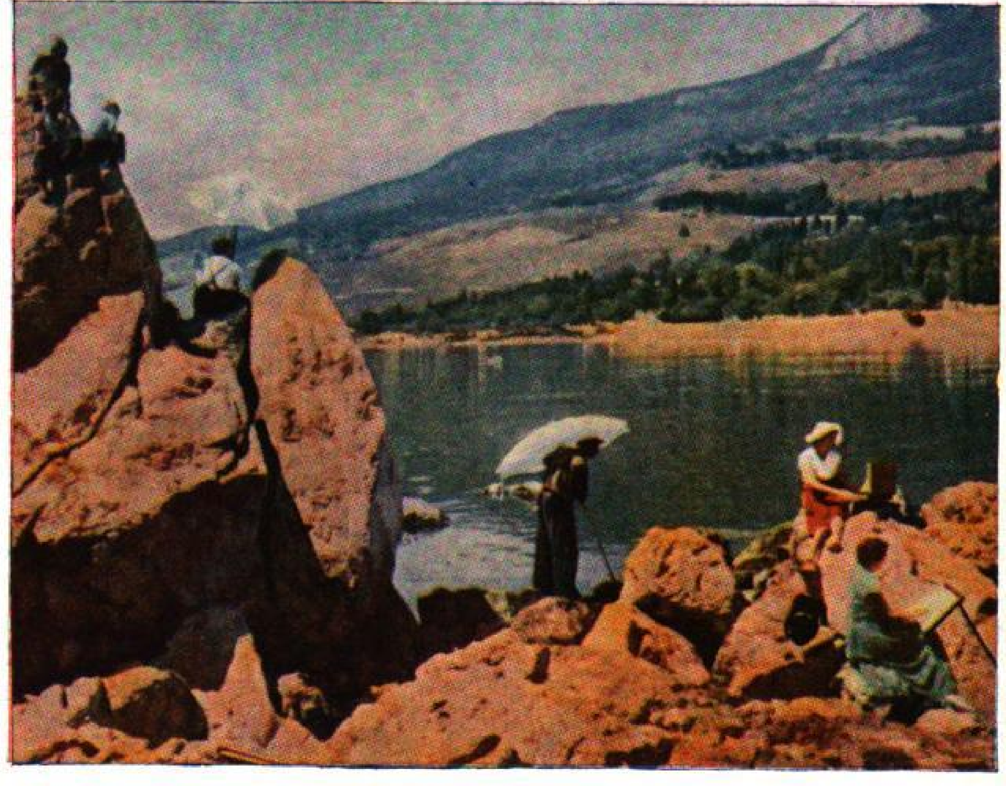
Острый момент: требуется вмешательство мамы или папы...

↓ Как белые быстрые птицы, летят глиссеры по синей глади моря.

Copyrighted material

В Никитском ботаническом саду никогда не бывает безлюдно.

Живописцы, отдыхающие в гурзуфском Доме творчества художников имени Коровина, увезут с собой, кроме приятных воспоминаний, много этюдов.

Южнобережные здравницы расположены в тенистых, полных прохлады парках. Обилие зелени и цветов, близость моря, мягкий, щадящий, как его называют врачи, климат — все это благотворно влияет на лечение отдыхающих.

Санатории располагают богато оснащенными диагностическими и лечебными кабинетами. Вся работа врачей теперь строится на основе учения И. П. Павлова. Широко внедряются такие методы лечения, как климатотерапия, лечебная физкультура, физиотерапия диэтическое питание. Используются и новые методы,— например, лечение сном.

Отдохнувшими, набравшимися сил на целый год покидают трудящиеся гостеприимный Южный берег. Надолго запомнится время, проведенное в Крыму. Лечение заключалось не только в назначениях врача. Лечение — это и солнечная радуга в фонтанных струях, и золотые рыбки в бассейнах, и тень гурзуфской оливковой рощи, по которой когда-то гулял Пушкин. Лечение—это нежный запах цветов и встреча рассвета на Ай-Петри, шум прибоя и павлины в парках. И вся щедрая природа Крыма.

О. МИХАЙЛОВ

Словно целый город, горит огнями ночующий в порту дизельэлектроход «Россия». Ялтинская набережная шуршит под ногами гуляющих. Веселая песня летит над водой, и кажется, что все вокруг поет.

Copyrighted material

Летний день

Константин ВАНШЕНКИН

В ПЕРВЫЙ РАЗ

Люблю их, робких и веселых,
Впервые едущих в Москву,
Похожих и на новоселов
И на детей, по существу.

Они считают — знаю это,—
Москва знакома им давно
По фотографиям в газетах,
По кадрам, виденным в кино.

Но тут — совсем другое дело,
Когда ты вышел на перрон:
И сразу сердце заробело,
И ты столицей восхищен.

Из стороны приехав дальней,
Ошеломленные совсем,
Они на площади вокзальной
Не сводят глаз с эмблемы «М».

И там, где мраморные стены,
Порою полчаса подряд
У схемы метрополитена
С карандашом в руке стоят.

И ежедневно, ежечасно
Мы их встречаем на пути.
Они подходят — это ясно —
С вопросом вечным: «Как пройти!»

Вот, окружив экскурсовода,
Они любуются Кремлем:
Дворцов громады, башен своды
Сверкают солнечным огнем...

Люблю столицу дорогую,
И даже грустно мне подчас,
Что никогда уж не смогу я
В Москву приехать в первый раз.

УЛИЦА ГОРЬКОГО

Редеет полоска тумана,
Роса на деревьях в саду.
По улице Горького рано
К себе на работу иду.

Короткая улица эта
Не славится блеском огней,
И нету на ней Моссовета,
И Пушкина нету на ней.

И улицы этой начало
Не там, где Манежной гранит,
В конце ее нету вокзала,
Где Горький из бронзы стоит.

Она представляет собою
Бревенчатых домиков ряд,
Над нею шумящей гурьбою
Высокие сосны стоят.

Ее так назвали, я знаю,
Затем, что во славу земли
По милому отчему краю
Шел Горький в дорожной пыли.

Суровые горы и степи,
И вьется пальто на ветру.
...Над улицей Горького в небе
Пичуга звенит поутру.

Спокойное ясное лето
В районном стоит городке.
Короткая улица эта
Свободно сбегает к реке.

Кустарник ее окружает,
А дальше — и лес и жнивье...
Но всюду всегда поражает
Прекрасное имя ее.

* * *

В запретной зоне возле полигона
Грибов и ягод всяческих полно.
Среди травы нетоптанной, зеленой
Никто не собирает их давно.

Для этого другие есть полянки,
И в розовый предутренний туман
С лукошками, плетенными из дранки,
Туда идут ватагой стар и мал.

А тут солдат, под елью отдыхая,
Брусники горсть порою кинет в рот
Да, к огневой позиции шагая,
Ногой поганку походя сшибет.

В листве кричит пичужка осторожно,
Почти стихает дятлов молотьба.
И предостерегающе тревожно
Над стрельбищем разносится труба.

Труба поет. И флаг над вышкой взвился.
И первый выстрел тает вдалеке.
Блестя на солнце, стреляная гильза
Дымится возле локтя на песке.

Одна подходит рота и другая,
Висит кругом едва заметный чад,
И, никого в округе не пугая,
Над полигоном выстрелы звучат.

И грибникам в пахучей гуще хвойной,
Где через топь сомнительная гать,
При звуке этих выстрелов спокойней
И веселее по лесу шагать.

...Сигналят. Вылезает из траншеи
Считавший попадания солдат.
Дырявые ненужные мишени
Неторопливо складывает в ряд.

Стихает все. И лес кругом спокоен.
Плетет сорока россказни свои.
Обнюхивая краешки пробоин,
Гуляют по фанере муравьи...

* * *

Бывает, в парке в летний вечер
Заметишь нескольких девчат.
Они идут тебе навстречу
И что-то тихо говорят.

Но вот тебя в листве зеленой
Увидят — и наперебой,
Пожалуй, слишком оживленно,
Заговорят между собой,—

Как бы самим себе внушая,
Что нет им дела до тебя,
И в то же время обращая
Твое вниманье на себя.

...А мне милее на рассвете
Среди полей встречать девчат.
Они, вдали тебя заметив,
Как по команде, замолчат.

И, приближаясь тропкой росной,
Некстати речь не заведут.
Преувеличенно серьезно
Пройдут. Но только лишь пройдут,

Вмиг о серьезности забудут
И засмеются. И не раз
Потом оглядываться будут,
Пока не скроешься из глаз...

НА РЕКЕ

В конце зеленой заводской слободки
Есть на реке уютный уголок.
Там напрокат даются людям лодки:
В час — три рубля и документ — в залог.

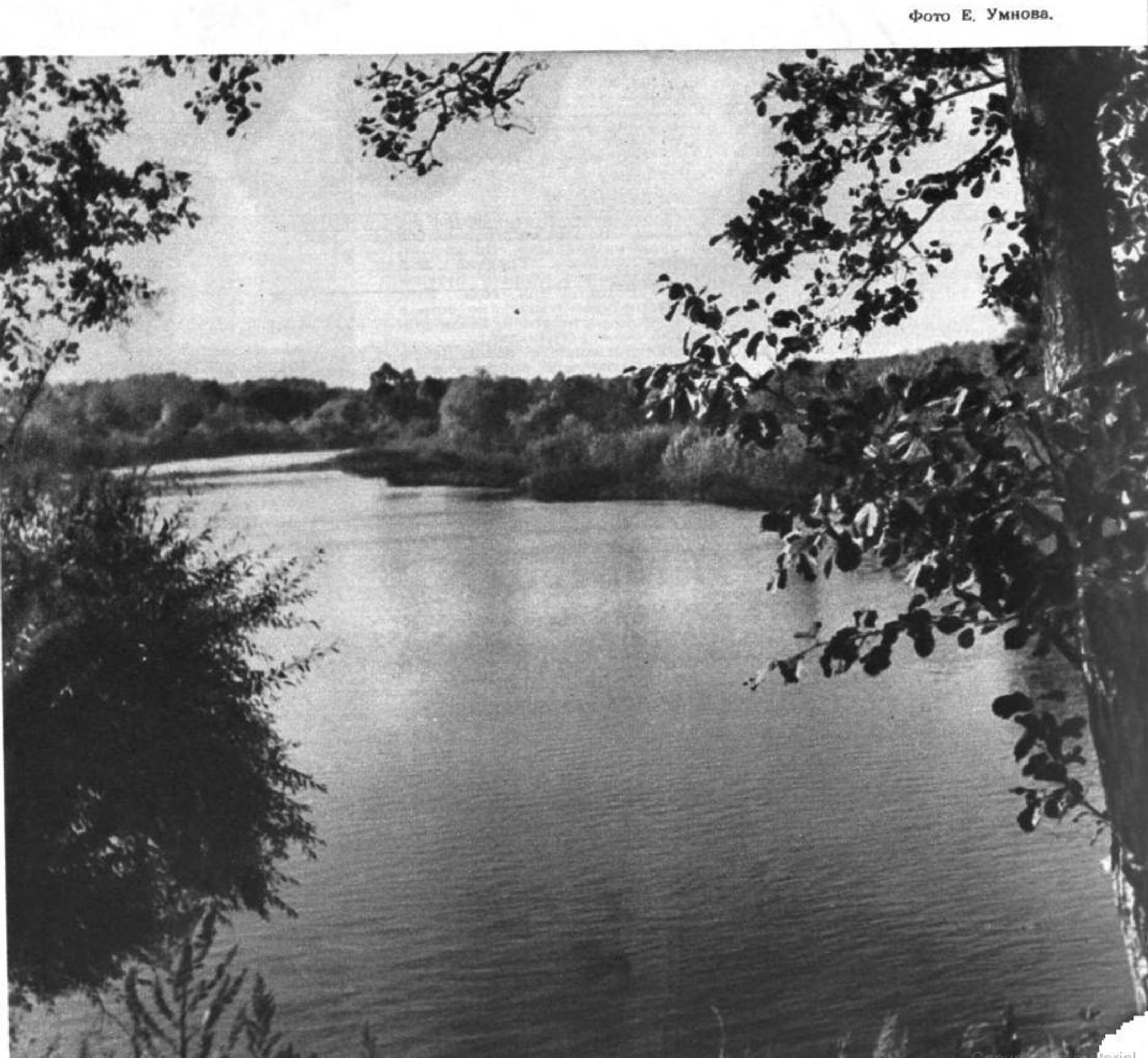
Но у мальчишек документов нету,
К тому ж их знают всех наперечет.
Стоит жара. Течет спокойно лето.
Река неторопливая течет.

Стрекоз неуловимое звучанье...
Но вот уже плывет издалека
Сирены звук, похожий на мычанье
Соседского лобастого быка.

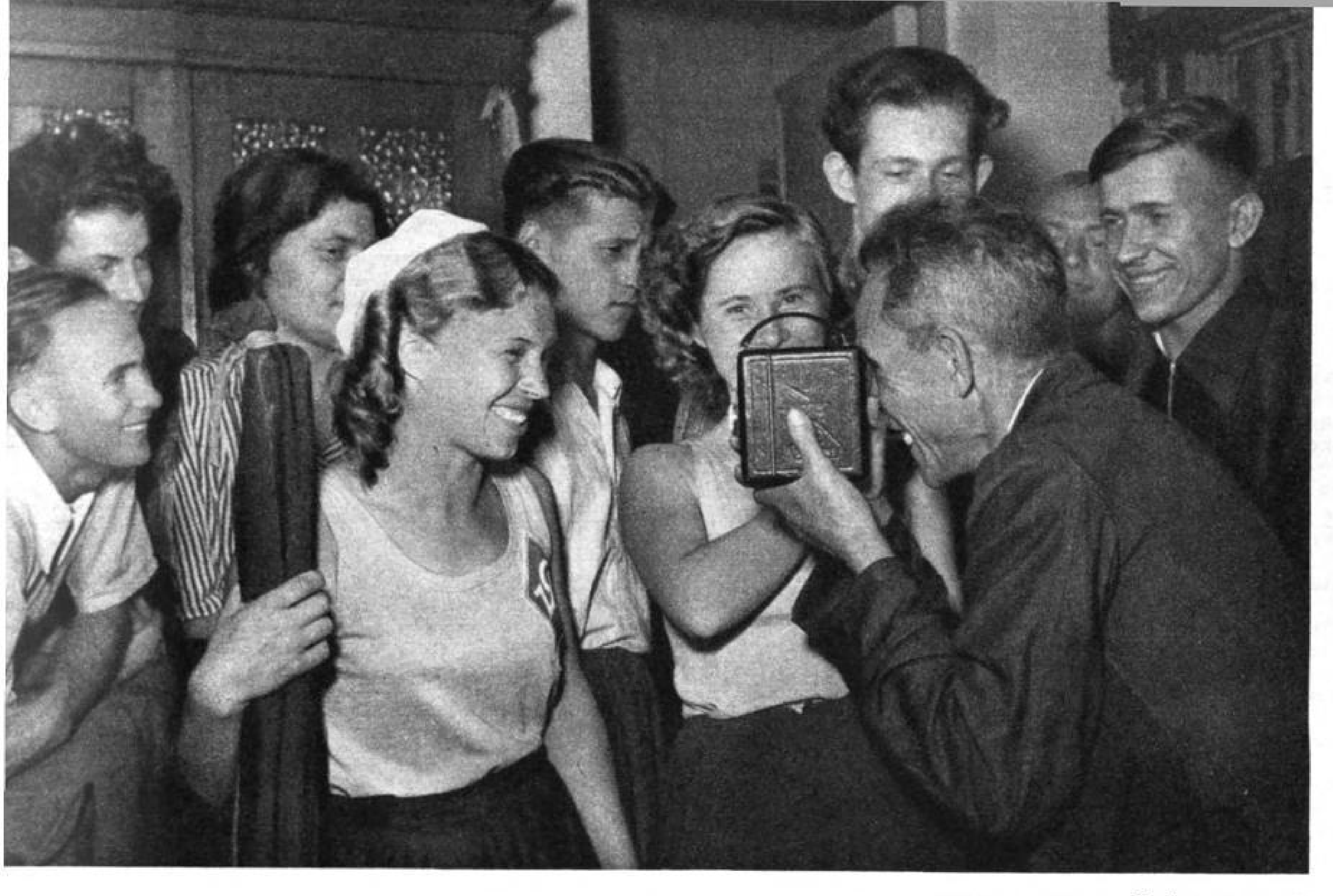
И у героев будущего мира
Душа восторга детского полна:
Волна от проходящего буксира —
Для них морская грозная волна.

И там, где дуб на воду тень отбросил,
Ребята говорят о моряках,
И пусть у них пока что лишь от весел,
Но есть уже мозоли на руках.

Фото Е. Умнова.

Copyrighted Material

В дни отпуска

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. ТИХАНОВА.

Этот разговор мы услышали в троллейбусе.

— Скоро в отпуск?

— Сегодня ночью, — пожилой мужчина показал на свертки в руке.— Сборы в полном разгаре.

— Куда?

— На Мсту.

— В санаторий или в дом отдыха?

— На байдарке.

— Как?

— На байдарке по реке Мсте.

— И... надолго?

— На месяц, как полагается.

— Да...

Вечером мы были дома у Константина Ивановича Корнишина — инженера машиностроительного завода. Не только коридор, но и комнаты оказались заваленными рюкзаками, мешками, тюками.

— Восемьдесят мест,— сказал он, улыбаясь.— Но нам не страшно: все погрузим на байдарки. Их уже отправили багажом. Средний возраст участников нашего путешествия — тридцать три года. Мне, правда, пятьдесят один, но есть у нас и пятнадцатилетние. Такая статистика меня устраивает...

Корнишин ведет в поход двенадцать сослуживцев: комплектовщицу и разметчика, шлифовщика и мастера, своего сына — восьмиклассника, семиклассника Володю — сына старшего контрольного мастера Ольги Васильевны Живчиковой, которая заботится о сковородках, кастрюлях, противнях для пирогов.

Инженер Корнишин совершает десятый поход по рекам страны. Любовью к таким путешествиям он заразил многих. Любители таких прогулок построили десять байдарок его конструкции: трехместные, разборные, длиной 6,5 метра и в метр шириной.

— Как крейсер...

Заводские путешественники побывали на Дону, Волге, Днепре. Теперь на очереди Мста, озеро Ильмень, река Волхов.

Константин Иванович берет с собой киноаппарат. Вступительный кадр он снимает сейчас, перед отъездом.

Это уже не первый фильм Корнишина. Снятая им картина о заводской первомайской колонне с успехом демонстрировалась в клубе.

Проводить путешественников собрались родные, соседи по дому. Кто-то укоризненно покачал головой:

— Ну и отпуск! То ли дело Романенко — отдыхает в своем саду...

— Кому что нравится!

Утром мы посетили заводской коллективный сад, где проводит свой отпуск инженер Борис Иванович Романенко.

— Конечно, кому что нравится,— подтвердил он.— Одни едут в Крым и на Кавказ, а мы стараемся устроить Крым и Кавказ у себя.

Сад раскинулся на берегу канала имени Москвы. Густые деревья уступами поднимались кверху. Аромат спелых фруктов сливался с приятной прохладой, шедшей от воды.

— Все есть: солнце, воздух и вода! Нет еще моторной лодки, но она запланирована на будущее лето. Три года назад здесь был пустырь. Трудно поверить, правда?

— Завтракать! — раздался женский голос из беседки, увитой зеленью.

Завтрак состоял из только что собранных овощей и фруктов.

Мы прошлись по саду. В походной палатке стояли раскладные кровати. В тени висел гамак. На нем мы и засняли всю семью Романенко.

Здесь отдыхают и другие участники коллективного сада: механик, диспетчер, врач, конструктор.

...У обочины три молодых человека возились с велосипедами. К багажникам их машин были приторочены чемоданчики.

— Куда путь держите?

— В Сочи или в Сухуми, там видно будет...

Это три студента техникума из Норильска: Владимир Ростовых, Михаил Захарченко и Николай Пшеничников. Им по девятнадцати лет. Сдав экзамены и закончив производственную практику, они решили прокатиться на Черноморское побережье. В Красноярске купили велосипеды, а из Москвы тронулись на них.

— Пока проезжали по городу, устали, честное слово. Затирают велосипедистов. Но ничего, теперь выбрались на широкую дорогу. Нам спешить некуда...

Наконец машины готовы. Можно в путь.

— Жаль, счетчика километров в Москве не достали.

— А зачем счетчик?

— Ребятам показать. Иначе не поверят.

Друзья энергично заработали ногами. Мы прочитали надпись: «До Симферополя 1388 километров».

Copyrighted material

Чувствуется отпускная пора. Машины по шоссе несутся на юг. Наше внимание привлекли два автобуса, заполненные оживленными людьми.

— На юг?

— К морю!

Так проводят свой отпуск тридцать восемь шоферов столичной автобазы и рабочих типографии «Московская правда». Они захватили с собой палатки, посуду и даже самовар. Не забыта и волейбольная сетка — где-нибудь сразятся с путешествующим «противником».

Почетное место у окна предоставлено токарю Ивану Федоровичу Васильеву: он справляет двадцатипятилетие своей работы в автобазе.

...Вот перед нами «Победа», за рулем которой сидит женщина.

Агроном Зинаида Андреевна Сытина едет в отпуск вместе с сыном Григорием Львовичем. Они попеременно ведут машину. Автомобиль купил сын, когда вернулся после нескольких лет заграничного плавания: он был штурманом на торговом судне. Но первой изучила шоферское дело Зинаида Андреевна. Потом сын снова повел корабли в далекие моря, а матери машина очень пригодилась: она ездила по подмосковным колхозам.

В этом году Григорий поступил в МГУ. Мать и сын едут в отпуск в Новороссийск и Геленджик.

Да, кому что нравится...

Вот попытайтесь убедить этих юношей и девушек, что есть что-нибудь приятнее, чем пешее странствование по неизведанным местам.

Группу студентов Московского авиационного института мы встретили во время тренировки: они избрали нелегкий переход.

Поезд отвезет их на станцию Байкал, а пароход доставит в село Баргузин. Сколько романтики в этих названиях! Студенты заранее списались с местными комсомольцами и узнали, что по таежной тропе в верховьях реки Турка никто не ходил с 1947 года. Их ждут десятки километров глухой тайги, буреломы, но для того-то у них с собой пилы и топоры. Пришлось взять ватные спальные мешки: ночью может и морозец ударить.

— Мы увидим осень в тайге. Что может быть красивее! — говорит Валерий Щенников, руководитель группы.

...В заключение мы побывали в Доме рыбака на канале имени Москвы. Немало людей проводят там свой отпуск. И можем засвидетельствовать: они действительно ловят рыбу.

В лодке сидит мастер Николай Яковлевич Шилов. Видите, какого он леща поймал! Славная будет уха. Инженер Владимир Сергеевич Громов зажег костер.

Шилов и Громов ежегодно проводят здесь свой отпуск. Другого отдыха им и не надо. На ночь разводят костер, нарезают траву помягче — и спать. Только сон короток: рыба зовет. С рассветом уже за удочками сидят.

— Как это успокаивает нервы!

Не будем спорить, кому что нравится.

К ПОСЛЕДНИМ ПАРАЛЛЕЛЯМ

С. МОРОЗОВ Фото Я. РЮМКИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

III. НАД ХРЕБТОМ ЛОМОНОСОВА

Что сказать о хребте, неизвестном ни геологам, ни альпинистам? Как представить себе горы, если они не показаны на карте привычными глазу коричневыми волнистыми линиями? И можно ли ощутить неровности земного рельефа, когда внизу, под крылом самолета, бескрайняя белая равнина дрейфующего льда?

Вопросы эти показались бы праздными летчику Виктору Михайловичу Перову. Выбирая льдину для посадки, он полностью доверяет астрономии и океанографии. Координаты как раз те самые, которые предусмотрены заданием. Счет параллелей подходит к концу, полюс тут в каких-нибудь семидесяти километрах. Мы над восточными склонами подводного хребта Ломоносова. Здесь, под зыбкой ледяной коркой, под толщей океанских вод, земная кора приподнята гигантскими километровыми складками.

Но командир самолета мыслит сейчас иными, более скромными масштабами. Ровное поле меж торосов, широкое и просторное. Снежок на льду неглубокий. Словом, можно садиться.

Медленно отпуская штурвал, Перов ведет машину по отлогому спуску. Хвост самолета опускается, пол кабины из горизонтального становится наклонным, и лыжи, приминая пушистый снег, скользят мягко, без толчков.

Мы подтаскиваем к открытым грузовым дверям громоздкую треногу гидрологической лебедки, опускаем ее на лед, и старший механик А. И. Зайцев возглашает зычным, кондукторским баритоном:

— Станция! Приехали, товарищи «прыгуны».

Слово «станция» звучит двояко. Океанографы обозначают им серию глубоководных исследований. И, кроме того, для нас предстоящая двухдневная остановка на льду — очередная станция в долгом воздушном пути. Если изобразить этот путь графически, то на карте Центральной Арктики появится множество точек, соединенных ломаными линиями. Вот уж почти месяц отряд Ивана Ивановича Черевичного, перелетев в район полюса, совершает воздушные прыжки со льдины на льдину, исследуя подводный хребет Ломоносова. К профессиональным терминам авиаторов и географов, бытующим в нашей среде, прибавились за время экспедиции смешные, жаргонные словечки. Так, участников отряда Черевичного назвали «прыгунами».

Прыжки совершаются ежедневно несколькими самолетами, в разных направлениях. И сейчас, пока океанограф Гудкович взрывает лед для гидрологической лунки, из самолетной кабины доносится назойливый писк морзянки, и высоко над машиной, на ветру, чуть колышется картонный змей походной антенны. Радист В. В. Мишустин то нажимает на ключ, то пишет в бортовом журнале. Рядом, в тесном проходе между радиорубкой и пилотской, стоит, согнувшись, высоченный Перов.

— В порядке, Виктор Михайлыч,— докладывает радист командиру. — Оба на своих местах. Иван Иваныч спрашивает, как дела у нас.

— Нормально, Витя,— кивает Перов,— сообщи, что начинаем работать.

«На своих местах» — в пунктах, намеченных планом, находятся две другие группы нашего отряда. В ста примерно километрах от нас, на западных склонах хребта, Черевичный с магнитологом М. Е. Острекиным и океанографом А. Л. Соколовым. Ближе к нам, километрах в пятидесяти, над вершиной подводного хребта — летчик Г. В. Сорокин и океанограф Я. Я. Гаккель.

Когда рядом с неподвижным самолетом разбита жилая палатка и внутри зажжена газовая плитка, мы бережно развертываем на складном столике плотный хрустящий лист — уникальную, еще не вошедшую в атласы батиметрическую карту Центральной Арктики. Густая синева океана испещрена мелкой рябью цифр: три тысячи метров, четыре, пять, снова три, три с половиной... Четырехзначные числа глубин показывают маршруты нансеновского «Фрама», дрейф Папанина, путь ледокола «Седов». Но вот числа, набранные черным, перемежаются с красной цифирью. Ею обрамлена бледноголубая полоса, врезающаяся в густую синеву океана. Начинаясь от Новосибирских островов, полоса поднимается к северу, пересекает район полюса и снова опускается к югу, в сторону Гренландии: четыре километра, три, два с половиной, два, полтора. Глубины, показанные красным, убывают, и профиль океанского ложа предстает перед нами крутой волнистой линией. Подводный хребет Ломоносова, открытый советскими полярниками, пересекает котловину Северного Ледовитого океана.

Для нашей экспедиции батиметрическая карта Центральной Арктики — рабочий документ. Но каждому участнику этот лист дорог, как годы прожитой жизни.

— Помнишь, Павел Конныч, как в сорок восьмом мы лотом первый раз хребет зацепили? —

Океанограф З. М. Гудкович (справа) и бортмеханик А. И. Зайцев, закончив исследование течений океана, обмывают горячей водой детали гидрологического прибора.

Фото автора.

Copyrighted material

обращается Зайцев к магнитологу Сенько.

— Разве такое забудешь,— подхватывает тот,— вот разволновался тогда наш почтенный Як-Як. Прямо узнать его было нельзя.

Посмеиваясь, мы вспоминаем морозный вьюжный апрель 1948 года, один из наших дрейфующих лагерей. До чего же встрепанным, взбудораженным выглядел там невозмутимый профессор Яков Яковлевич Гаккель! Еще бы! За несколько дней дрейфа глубины океана под нами уменьшились вдруг на добрых полтора километра.

— А этот промер чего нам стоил, Конныч? — Зайцев касается пальцем цифры 4.039 в самой точке полюса.— Как нерпа там вынырнула, а?

Сенько улыбается с видимым огорчением:

— Упустили мы ее тогда, подстрелить-то подстрелили, а выловить не смогли. Вот бы снять шкуру да в музей!

— Мы сами тогда чуть не угодили в музей с пересадкой на том свете,— замечает Зайцев.

Веселый, мужественный он человек, Герой Социалистического Труда Алексей Ильич Зайцев! Помнится, и тогда, шесть лет назад, на раскрошенном льду полюса, готовя к рискованному старту самолет Ильи Спиридоновича Котова, он не терял спокойствия и чувства юмора.

В разговор вступает молчавший до той поры штурман Н. М. Жуков:

— А я вот помню полюс в тридцать седьмом году. В мое время, надо сказать, земная ось вела себя куда спокойнее.

Отвечая на наши расспросы, Николай Михайлович вспоминает, как медленно продвигалась тогда первая советская воздушная экспедиция на Северный полюс. Давненько то было.

— Давненько, что говорить! По моим понятиям, времена прямо-таки доисторические. Я в тридцать седьмом только в училище поступал...— круглолицый, темноглазый Перов улыбается, и все мы вдруг очень хорошо представляем себе нашего нынешнего солидного командира застенчивым долговязым парнишкой.

Николай Михайлович Жуков летает в Арктике двадцать два года. Виктор Михайлович Перов хоть и моложе своего штурмана на целых двенадцать лет, но тоже не новичок в полярной авиации. И над полюсом, и вблизи него, над всей обширной областью, еще недавно известной географам как «зона недоступности», летал он десятки раз: и в ледовых разведках и в высокоширотных экспедициях. Им, Виктором Перовым, открыт в 1950 году огромный плавучий ледяной остров.

Есть что вспомнить и самому молодому в нашей компании — океанографу Залману Марковичу Гудковичу. В свои двадцать девять лет он кавалер ордена Ленина, участник годичного дрейфа научной станции «Северный полюс-2» во главе с Героем Советского Союза М. М. Сомовым. Тогда, в 1950—1951 годах, Гудкович был выпускником Высшего арктического мореходного училища, сейчас над хребтом Ломоносова заканчивает сбор материалов для кандидатской диссертации.

Все интересы лагеря сосредоточиваются вокруг гидрологической лунки. Тут, пробиваясь сквозь толстый брезент, солнечные лучи дают рассеянный зеленоватый свет, и океанская вода в круглом обрамлении мокрого сероватого льда кажется чернильно-синей. Пламя паяльных ламп отражается на блестящей лаком треноге лебедки, и чугунный грузик на конце тонкого стального троса нависает над окном в океан.

Гудкович смотрит на часы, молча кивает Зайцеву. Тот приподнимает стопор, и барабан лебедки, вращаясь, раскручивает трос. Грузик со всплеском ныряет в воду. В первые минуты темная лунка серебрится множеством пузырьков, но потом снова становится стеклянно-неподвижной. Если бы не скрип барабана, могло бы показаться, что трос уже достиг дна. Но счетчик лебедки регистрирует каждый метр глубины. Сто... пятьсот... тысяча... Барабан все вращается...

Командир отряда Герой Советского Союза И. Черевичный открывает первомайский митинг на дрейфующем льду близ Северного полюса.

— Заплатим старику Нептуну за постой,— Зайцев бросает в воду двугривенный.

Монетка погружается медленно, кувыркаясь в струях океанских течений, точно осенний лист на ветру, и светлый кружочек ее долго виден в темной пучине.

— Внимание, дно! — тихо произносит Гудкович, приглядываясь к счетчику. Барабан больше не вращается, стрелка на шкале застыла на цифре 2.164. Гудкович открывает журнал, начинает писать.

— Интересно,— с расстановкой произносит Перов, набрасывая несколько слов на отрывном листе блокнота. Передав лист второму пилоту, Денежкину, он говорит: — Сбегай, Гена, на рацию. Пусть Виктор Ивану Иванычу передаст.

Зайцев сильным рывком заводит мотор лебедки и, вытирая ветошью замасленные пальцы, торжественно возглашает:

— Киев — Северный полюс. Подводный мотокросс. Пош-шел!

На моторе лебедки клеймо Киевского мотоциклетного завода. Мерное стрекотание мотора вызывает в сознании картины, далекие от нашего сегодняшнего быта. Под жарким украинским солнцем мимо зеленеющих садов пылит мотоцикл колхозного почтальона. Может быть, сейчас в какой-нибудь сельской школе юные географы с волнением читают вслух сообщение Академии наук о работах советских ученых в Арктике. И, возможно, уж какой-то вихрастый десятиклассник, в глаза не видевший ни моря, ни льдов, сейчас открывает для себя далекий, неведомый мир и, охваченный романтикой странствий, вдруг решает навсегда выбор профессии. Когда-нибудь в будущем на вечных ледниках Антарктиды, в палатке под красным флагом, он вспомнит сегодняшний день и с сыновней благодарностью подумает о первооткрывателях арктического подводного хребта.

В унисон с «киевлянином» тарахтит движок самолетной рации. В гидрологическую палатку приходит Денежкин с ответами от Сорокина и Черевичного: на вершине хребта глубина в километр с небольшим, на западном склоне — примерно такая же, как и у нас.

Измерив глубину, Гудкович и Зайцев начинают гидрологическую станцию, а мы с Перовым идем осматривать окружающие льды. Солнце скрылось за тяжелыми, низкими облаками, торосы, рельефно выступавшие прежде, теперь сливаются в бесформенные белесоватые нагромождения. Но рассеянный свет позволяет подробнее разглядывать лед на близком расстоянии, замечать то, что скрывалось в слепящем солнечном блеске.

— Видите, грязный лед,— говорит Перов, показывая на голубую, словно отшлифованную плиту, всю усеянную темными коричневатыми точками. Песок это или глина — определить нельзя: темные точки не сверху, а внутри льда.

Мы откалываем кусочек, тащим его в палатку гидрологов, и Гудкович терпеливо берется за анализ. Он обходится без химических реактивов. Достаточно взять кусочек в рот, разжевать его, распробовать.

Академик Д. И. Щербаков осматривает торосы близ полюса.

— Лед абсолютно пресный,— с профессорской важностью заявляет океанограф, выплевывая хрустящую на зубах кашицу,— ни малейшего привкуса соли.

Значит, отложения грунта, спрессованные прозрачной тяжестью голубого льда, принесены сюда, к полюсу, из Лены, из Колымы или из другой великой реки Сибири. Долгие годы продолжается их дрейф.

— Поглядите лучше, каких мы гадов наловили,— говорит Алексей Ильич.

Опустившись на корточки, мы разглядываем на мокром льду

Copyrighted material

прозрачное желе небольшой медузы, крохотную креветку.

— Рыбку тоже можно было поймать, да мы пожалели,— говорит Залман Маркович.

— Как тот рыбак ту золотую рыбку,— смеется Зайцев.— Погодите малость, она скоро опять к нам приплывет.

Мы терпеливо ждем, и, действительно, скоро под толстым слоем воды, точно под стеклом аквариума, мелькает крохотная сайка. Серенькая, с чуть серебрящейся чешуей, она и впрямь может показаться нам золотой, эта рыбка, заплывшая к полюсу!

— Глядите, дышит, дышит океан...— взволнованно шепчет Гудкович.

Плоское водяное зеркало в лунке вдруг выгибается вверх, становится выпуклым, точно линза. Что это? Могучая приливная волна, разгулявшаяся на просторах открытого моря и дошедшая сюда, в нашу ледовую глушь? Или, может быть, далекое эхо шторма, бушевавшего недавно где-нибудь в Атлантике или в Тихом океане? Над хребтом Ломоносова мы как бы на водоразделе Центрального Арктического бассейна, связанного с двумя величайшими океанами земного шара.

Снова стрекочет мотор, снова на барабан наматываются километры стального троса, из глубин всплывает «вертушка» — гидрологический прибор с крылатыми лопастями крохотной турбинки спереди и широким направляющим хвостом сзади. «Вертушка» всплывает медленно, метрах в тридцати от поверхности она хорошо освещена солнечным светом, проникающим сквозь лед. Словно фосфоресцируя в темной синеве воды, она кажется миниатюрным корабликом, фантастическим жюльверновским «Наутилусом».

Все последующее выглядит куда прозаичнее. Подняв «вертушку» и заботливо стряхнув ее, Гудкович берет карандаш и заносит в журнал скорость и направление подводных течений. Зайцев открывает тонкие и длинные цилиндры батометров, сливает в бутылки пробы океанской воды. Укупоренные, завернутые, упакованные в ящики, они отправятся воздушным путем в Ленинград для гидрохимического анализа.

— Хитрое дело,— ворчит Алексей Ильич,— одной посуды сколько требует!

Перов сочувственно оглядывает обоих: и ученого и практика — энтузиаста гидрологии, бледных, усталых после двухсуточной вахты на льду.

— Потерпите, мученики науки, на Первое мая отоспитесь.

До Первого мая оставались считанные часы, и, заканчивая гидрологическую станцию, мы торопились «домой» — в дрейфующий лагерь отряда Черевичного. Мы тщательно брились, слушая музыку,— радисту удалось поймать Москву. Под тесным полотняным куполом жилой палатки на редкость четко звучали знакомые голоса столичных дикторов. Сводка погоды сообщала о начале жары и ранних грозах на Украине, и мы, надо признаться, завидовали жителям средних широт. Но ожидание праздника заставило забыть, что у нас, рядышком с полюсом, сейчас минус двадцать три.

Короткий разбег по ровной льдине, получасовой полет, и вот мы «дома», в дрейфующем лагере отряда Черевичного. К празднику тут собрались все «прыгуны». Украшенные красными флагами, самолеты стояли вдоль вытянутых в линейку таких же нарядных палаток. «Хозяин лагеря» Иван Иванович Черевичный появлялся то там, то тут в расстегнутой меховой куртке, из-под которой проглядывали тщательно вывязанный галстук и золотая звездочка. Старейший полярный летчик Матвей Ильич Козлов, явно пренебрегая морозом, сменил пыжиковую шапку на форменную морскую фуражку, лихо нахлобучив ее на седые кудри. Торжественным и важным, словно перед началом лекции, выглядел подтянутый и щеголеватый Михаил Емельянович Острекин — научный руководитель отряда.

Хозяева здешних мест, прочно обжившие безымянную льдину близ полюса, ждали гостей. В десятый ли, в пятнадцатый ли раз к нам прилетел Михаил Степанович Васильев. Только теперь в кабине васильевского «ИЛа» на бочках бензина лежали коробки с тортами, ящики с апельсинами, яблоки, бутылки шампанского. С Диксона вместе с начальником экспедиции В. Ф. Бурхановым прибыл академик-секретарь отделения геолого-географических наук Академии наук СССР Дмитрий Иванович Щербаков.

По московскому времени кончались последние часы апреля, когда «ИЛы», сверкая на солнце широкими золотистыми крыльями, подрулили к местам стоянки, и на взлетной полосе у посадочного «Т» начался митинг.

На трибуну, осененную Государственным флагом СССР, поднялся Иван Иванович Черевичный. Скажем прямо, наш деловитый и стремительный командир не был рожден оратором. Но мы от души аплодировали его скупой скороговорке. С любовью и дружбой смотрели десятки глаз на него — пионера исследования высоких широт, ветерана Арктики. Мы знали, за каждым словом Черевичного — годы труда и опасностей.

Летчика — командира отряда — сменил на трибуне моряк — руководитель Главсевморпути. Размеренная, чуть медлительная речь Василия Федотовича Бурханова не касалась личных переживаний. Но, слушая его, многие вспомнили, как восемнадцать лет назад, впервые, пришел на корабле в полярные моря молодой инженер Бурханов и как с той поры он посвятил свою жизнь освоению Северного морского пути.

Потом слово предоставили академику Щербакову.

— В вашем деле я, конечно, новичок, товарищи полярники,— начал академик.

Маститый геолог, исследователь Памира и Тянь-Шаня, так проникновенно говорил о полярном подводном хребте, что казалось, вот-вот, в какое-то мгновенье, льды под нами расступятся и далекие горы Ломоносова вынырнут на поверхность океана.

— Многое в геологии надо пересмотреть, переоценить; по-иному выглядят некоторые положения в древнейшей истории нашей планеты. Радостно, что и тут первооткрывателями, новаторами оказались советские люди — творцы новой истории человечества!

Первомайский праздник близ полюса, начатый у трибуны, продолжался в палатках, у синих огоньков газовых плиток. Замороженное в океанском льду шампанское искрилось в лучах незаходящего солнца, а торты и апельсины так и таяли во рту.

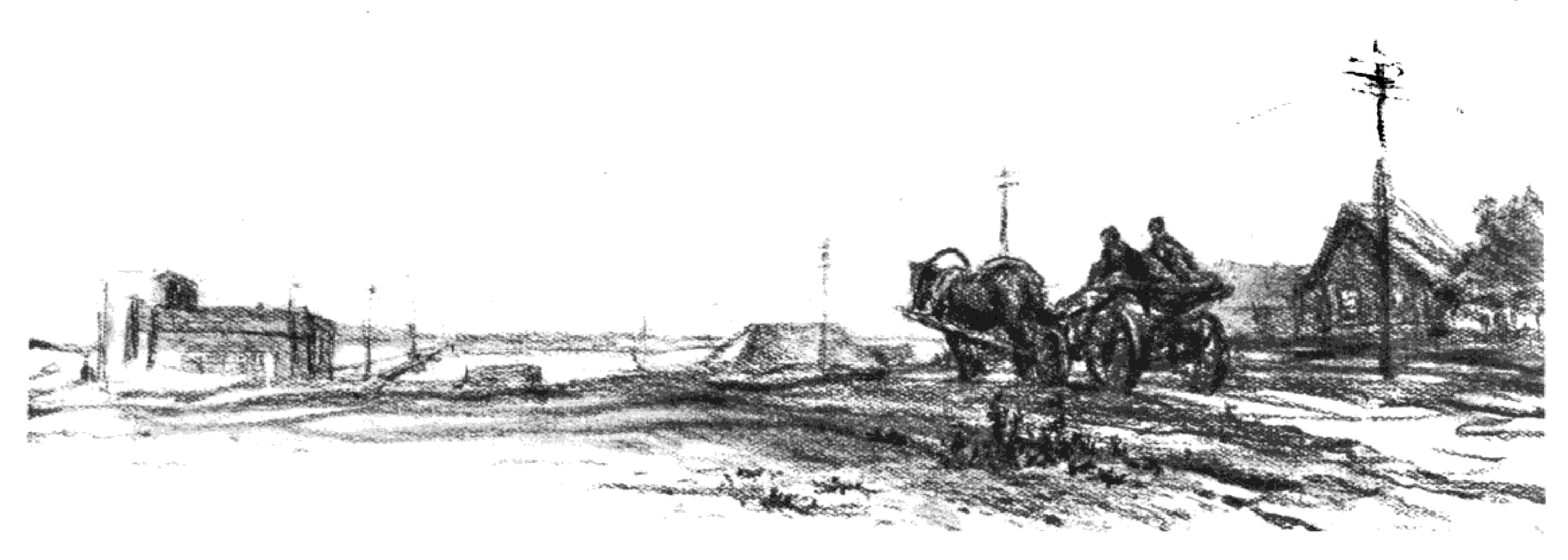
Но делу время, потехе час! Когда радио донесло из Москвы ликование Первомая и Бурханов с Щербаковым улетели в праздничный облет дрейфующих станций, в нашем лагере начался трудовой день. Повеселившись, отдохнув, летчики и ученые отправлялись в очередные полеты, чтоб продолжать исследования подводного хребта Ломоносова.

Впереди нас ждал еще долгий и нелегкий путь над льдами — путь домой.

Флагманский самолет высокоширотной экспедиции готовится к старту.

Район Северного полюса.

Copyrighted material

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Юрий ЛАПТЕВ

Быль

Рисунки А. Крюкова.

Орловщина!

Города и городки почти сплошь старинные: в юго-восточном углу области — Елец и Задонск, на севере — небольшой по размерам, а по возрасту ровесник Москве — Мценск и тоже почтенный городок Болхов, южнее — Кромы, а в центре Орловской земли — Новосиль, Верховье, Русский Брод, древняя крепость Ливны...

Села и деревни орловские с самобытными названиями: то поэтическими — Голубица, Красные Рябинки, Любашовка, Анютин Луг, то смешными — Сорочьи Кусты, Глыбочки, Кривые Верхи, Бутылки. Попадаются и такие названия, которые давно следует сменить: Большое Дураково, Гнилуша, Голохвостово, Мертвяки. Нехорошо, когда, скажем, колхоз «Светлый путь» объединяет такие населенные пункты, как село Кобылятино и деревни Свистуны и Черепки.

Но не только нелепые названия напоминают далекое, недоброе прошлое.

В верховьях Оки, на реках Красивой Мечи, Зуше, Быстрой Сосне создаются целые каскады государственных и межколхозных гидростанций, однако в освещенных электрическим светом селах можно обнаружить бытовые явления, непостижимым образом уцелевшие с незапамятных времен. Здесь, по селам и деревням Орловщины, частенько под одной крышей уживаются наука и суеверие, прекрасный радиоприемник и почерневший от времени иконостас, мотоцикл в сенцах и поросенок под печью. А на одной из книжных полок — тоже невиданное в старину обзаведение — рядом с классиками художественной литературы неожиданно обнаружилась насквозь просаленная и залистанная до дыр книжица, выпущенная в свет в самом начале нашего века и озаглавленная так: «Самоновейший толкователь снов, составленный ясновидящей девственницей Капитолиной Лопатиной под наблюдением Санкт-Петербургского профессора оккультных наук Станислава Нечес-Кровенецкого. Издание седьмое, дополненное таблицами магических чисел».

Цепкая вещь — пережитки!

Они, как сорняки на поле: вырвет колхозница такое на вид ерундовое растение, уж, кажется, с корнем выдернет, глядь-поглядь, через неделю оно снова из земли выпирает. И удивляться тут нечему: некоторые особо вредные произрастания впиваются в землю корневищем глубже, чем молодая яблонька!

Поэтому и рассказ наш начинается в точности, как старинная басня Крылова:

«Волк из лесу в деревню забежал...»

Именно так оно и приключилось. Волк забежал на окраину села, пробрался в колхозный загон и зарезал там ни много, ни мало четырнадцать овец: двух молодых баранов и двенадцать ярочек. Неспроста, выходит, за голову убитого волка выплачивается большая премия.

А рассказал нам эту историю мой старинный знакомец Егор Васильевич Воронков — конюх, сторож, истопник,— словом, незаметный, но незаменимый труженик, проработавший при Н-ском районном комитете партии около четверти века.

На этот раз мы выехали в район не на урчливом райкомовском «газике», а в плетеном тарантасе, куда Егор Васильевич запряг своего любимца — сытого и машистого, но с ленцой мерина, неподходяще прозванного Соловьем.

Словно растянувшиеся на версты отлогие волны, неспешно накатываются навстречу то чистые, освеженные коротким дождиком зеленя озимых хлебов, то черноземная, с дымчатым отливом на срезе зябь, то колкое жнивье различных оттенков — от бурого до ярко-желтого. Есть особая, успокоительная прелесть в такой поездке, сопровождаемой рассказом, который тянется, как сельский шлях, и, словно махорочный дымок, закручивается и кудрявится словами:

— Ну до чего у этих самых волков глаза завидущие! Кажется, зарежь одну овцу, и наешься досыта, так нет — четырнадцать голов загубил! Надо ему?.. Я, как это известие услышал — председатель колхоза Запекалов Иван Кузьмич позвонил нам в райком ночью,— так, поверите ли, глаз больше не сомкнул. Вот же сатана ненасытная!

Егор Васильевич ожесточенно сплюнул, подбодрил концами вожжей флегматичного Соловья и, несколько разрядив этим свое возмущение, продолжил рассказ:

— А в девять часов или в половине десятого утра — второй звонок, и опять из того же колхоза. Но только на сей раз сигналит не Запекалов, а ягнятница с фермы, Екатерина Шевелева. Настойчивая такая женщина! Недавно мы единогласно провели ее в кандидаты партии. Звонит эта самая Шевелева и наказывает нашему техническому секретарю Паше Хвостанцевой, чтобы к ним, в «Красный пахарь», моментально выехал первый секретарь райкома. «Дело,— говорит,— очень важное, а что за важность, в телефон объяснить не могу». Ну, а у нас с Сергеем Яковлевичем постановка такая: раз кличут — в машину, и айда. И даже не по шоссе Буштуев приказал шоферу ехать, а напрямки — через Средние Чижи, Протореево и на Сухой Яр.

Приезжает, значит, секретарь, и еще председатель исполкома нашего Рундуков Михаил Прохорович с ним наладился, в колхоз, идет на ферму и видит такую картину: народу на месте происшествия собралось человек до тридцати; ходят по загону и обследуют зарезанных волком овец. Буштуеву сразу показалось удивительным то, что не так колхозники «Пахаря» этим делом заинтересовались, как наши районные работники. Тут и заведующий райсельхозотделом Яков Спиридонович Топоринцев со своей Марией Петровной, которая Якову Спиридоновичу не только супругой приходилась, но и работала при нем районным зоотехником. Тут и уполминзаг Тихонин Федор Федорович, его тоже от нас отозвали вскорости. И завдоротделом Шишаков прикатил туда же на мотоцикле с супругой. И главный ветврач Семен Андреевич Шубин — тоже самдва. И из раймилиции ефрейтор Твердощуп примчался аж раньше всех! Словом сказать, людей из района набралось десятка полтора, и работники все приметные. И так эти приметные люди увлеклись своим занятием, что поперваначалу даже внимания не обратили на то, что к ним в компанию прибыло главное начальство. Прямо интересная комедия образовалась, веселое кино!

«В чем дело?» — это Буштуев спрашивает.

Молчат. И друг за дружку норовят схорониться.

«Вы, друзья, для какой цели сюда съехались?»

«Да вот, — объясняют, — Сергей Яковлевич, комиссию мы намереваемся составить авторитетную. Надо, так сказать, установить и заактировать».

«Чего ж тут устанавливать? Все на виду».

«А материальный ущерб? А размер страховки?.. И тому подобное. Происшествие-то ведь чрезвычайное!»

Сергей Яковлевич мой, конечно, сразу понял, что из печи не столько теплом тянет, сколько угаром. Однако соображения своего не раскрыл.

«Ну что ж,— говорит,— происшествие действительно чрезвычайное, и без расследования не обойтись. Но, чтобы комиссия была по-настоящему авторитетной, давайте-ка составим ее из колхозников, а от района включим туда только Михаила Прохоровича Рундукова. Вот уж не думал, что один волк может наделать столько беды! А если бы, не дай бог, заявилась целая стая?»

Здесь Егор Васильевич, как и подобает умелому говоруну, знающему, чем раззадорить внимание слушателей, сделал в своем рассказе перерыв. Он остановил лошадь, покряхтывая, спустился с тарантаса, без особой надобности ослабил и сразу же вновь подтянул чересседельник, взглянул на небо, огляделся кругом. А затем, освежив улыбочкой свое морщинистое, потемневшее от солнца и степных ветров лицо, сказал:

— Вон, брат, как у нас: техника на технику наскакивает!

Укатанный до блеска большак разделял два поля, повидимому, одного и того же колхоза. Слева от дороги в лучах предвечернего солнца красной медью отливала гречиха, а справа отлого спускалось к извилистой речке картофельное поле.

На обоих полях шла уборка. Но если по

гречишному полю величаво двигался комбайн, то в непосредственной близости от самоходной зернофабрики копку картофеля производил агрегат в одну естественную лошадиную силу, и к тому же явно устаревший, короче сказать, та самая крестьянская соха «рогач», за которой Репин изобразил Льва Николаевича Толстого.

Из дальнейшего рассказа Егора Васильевича вырисовалась удивительная история. Представьте себе, что учитель продиктовал ученикам такую задачу:

«В одном колхозе обобществленное стадо овец насчитывало девяносто две головы... Записали, дети, девяносто две?.. Отлично. Однажды в колхозную овчарню забрался волк и зарезал двенадцать овец и двух баранчиков... Вася Птицын, не отвлекайся!.. Двенадцать и два — записали? Спрашивается: сколько голов осталось в овечьем стаде после нападения волка?.. Может быть, Вася Птицын ответит нам на такой вопрос?»

А ученик второго класса Вася Птицын встанет и ответит, не задумываясь:

«В колхозном стаде осталось сто одиннадцать овец и баранов, Николай Евдокимович!»

Естественно, что такой ответ покажется учителю неуместным, и он поставит Птицыну двойку.

На что Вася скажет с мальчишеской обидой в голосе:

«Я, Николай Евдокимович, не ошибаюсь! А если не верите,— посчитайте сами. Только не на доске считайте, а в загоне».

Начнет учитель арифметики считать овец и руками разведет от изумления: действительно, сто одиннадцать голов ходят по загону и травку щиплют. А до волка было девяносто две.

Конечно, в школе подобное происшествие маловероятно. Случается, правда, что и задачники врут, но уж не до такой степени!

А вот в колхозе «Красный пахарь»...

Первое, что обнаружила комиссия, созданная по предложению секретаря райкома,— это наличие в колхозном стаде, помимо четырнадцати овец, загубленных волком, еще девятнадцати голов, которые, по туманному определению заведующего фермой, «находясь в наличии, не были отображены».

«Но овцы-то это колхозные?»

На такой вопрос последовал ответ еще более извилистый:

«Поскольку овцы находятся в обобществленном стаде, их должно полагать... Но, с другой стороны, скот, который не проведен по балансу... Видимо, здесь налицо некоторое упущение со стороны председателя колхоза».

«А ну, позовите-ка самого Запекалова!»

«Они с завхозом выехали в район, повезли в сельхозотдел акт обследования».

«Позвольте, но ведь райсельхоз сам побывал здесь чуть ли не в полном составе?»

«Выходит, разминулись: наши, значит, в район, а ваши — из района».

Однако, несмотря на то, что Рундукову было почти ясно, какое упущение совершил председатель колхоза и почему вслед за волком в овечий загон забралось столько районных работников, он не стал оглашать свою догадку. Пока что составили акт и предложили правлению колхоза представить в райисполком объяснение. А неучтенных овец комиссия рекомендовала немедленно провести по колхозным книгам.

Но прежде чем председатель колхоза «Красный пахарь» явился в райисполком со своими объяснениями, дело начало проясняться: обнаружились все-таки хозяева темных овечек!

Только ими оказались не сами районные работники, как вначале предполагал председатель исполкома (кто же на такое пойдет!), и даже не жены их, а дальние родственницы — сестры двоюродные, свояченицы, тещи,— словом, у кого кто. Оказывается, это они — шестнадцать предприимчивых хозяюшек — слезно вымолили у председателя колхоза Ивана Кузьмича Запекалова разрешение припустить своих овечек на лето к колхозному стаду.

В райисполкоме произошел такой примерно разговор:

«А какими документами вы можете подтвердить, что сдали своих овец в колхоз? И на каких условиях?»

Женщины даже удивились:

«Какие тут могут быть условия и документы?.. У нас люди наперечет честные — не обманут!»

«Та-ак... Значит, вы не знали, что выпасы, как и всякая колхозная собственность...»

«Ну, сколько та овечка скушает травки? А кроме того к осени мы рассчитались бы».

«Допустим. Но поскольку у вас нет сохранных документов, кто же должен отвечать за то, что ваших овечек скушал волк?»

«Ерунда!.. Волк зарезал колхозных, а наши целехоньки! Уж мы-то своих овец знаем».

И пошло!

Почти полгода тянулась эта канительная история. Дело осложнилось тем, что председатель колхоза и завхоз «Красного пахаря» сначала, убоявшись ответственности, сказали, что знать ничего не знают и сами удивлены, как это посторонние овцы сумели проникнуть в колхозное стадо. Затем кое-что припомнили и частично признали свою вину. Однако в дальнейшем, уже беседуя с прокурором, снова дружно отреклись, а в результате оба оказались, как говорится, не у дел и даже, больше того, попали в ответчики.

Подпутало и то, что большинство подставных овцевладелиц вскоре осознали свою неприглядную роль и отступили. Но зато шесть оставшихся из скромных домохозяек превратились в истиц. И каких истиц!

Язвительные заявления, жалобы на самоуправство и просто ругательные письма, словно мины из шестиствольного миномета, посыпались сначала в райком и райисполком, затем в областные организации и прокуратуру и, наконец, в Верховный Совет республики.

— А вы говорите — волк!.. Конечно, явление это не частое, но попадаются по нашей местности такие ловкачи, которые из пустого снопа пуд жита норовят намолотить. И если такую персону во-время не укоротить, она может дойти до полной оглашенности! — Такую сентенцию Егор Васильевич высказал, уже приближаясь к развязке своего рассказа.

Завершалась и наша поездка. Дробно постукивая колесами по временному настилу плотины, тарантас миновал недавно поставленное светлооконное зданьице колхозной электростанции, затем не покрытый еще сруб, предназначенный для мельницы и крупорушки, и медленно начал подниматься по крутому склону оврага. По обеим сторонам оврага кое-как вразброд расположились дома небольшой деревушки Степины Выселки — одного из пяти населенных пунктов, входящих в состав колхоза имени Тургенева.

«Орловская деревня... обыкновенно расположена среди распаханных полей, близ оврага, кое-как превращенного в грязный пруд. Кроме немногих ракит, всегда готовых к услугам, да двух-трех тощих берез, деревца на версту кругом не увидишь; изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой...» Так с сочувствием и болью описывал жизнь своих сородичей великий русский писатель Иван Сергеевич Тургенев.

Много воды сбежало с тех пор по извилистым речкам Орловщины в большие русские реки Волгу и Дон. Неузнаваемо изменились и условия труда и жизненный уклад орловской деревни, иными стали и «орловские мужички».

Но все-таки правильно сказал Егор Васильевич, указав кнутовищем на один из окраинных домов деревни, под соломенную крышу которого от нового сочащегося янтарными каплями смолы столба тянулись провода электросети, а из подслеповатого окошка неслись звуки патефона:

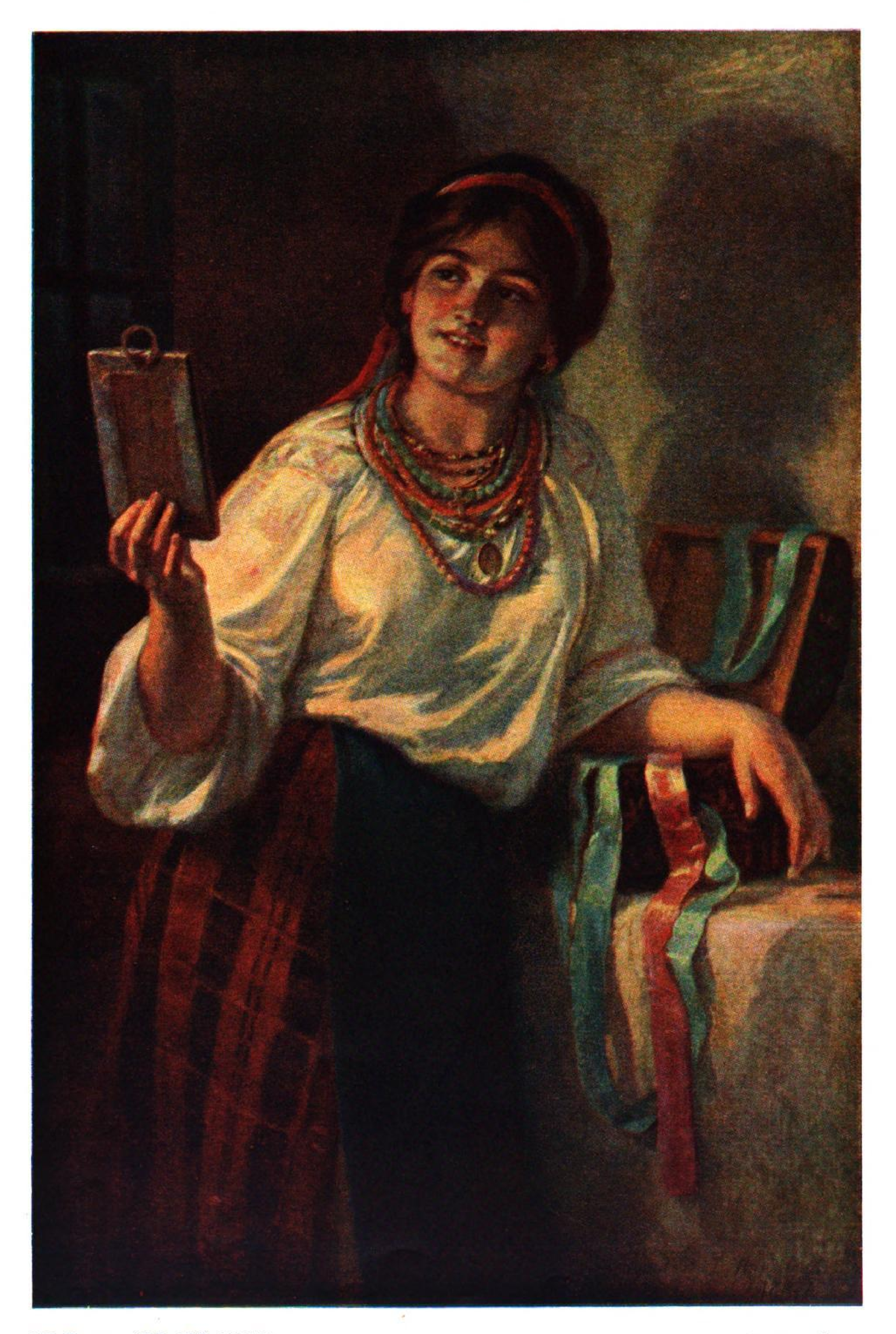
— Знай наших — вроде и шляпа у хозяина новая, но и лаптям износу нет!.. А все война проклятая: половину жилищ по нашей местности скосила. Попробуй, поставь хозяйство заново. Н-но поставим!.. И от дурных людей избавимся: как ты ни хитри, а если правда-истина не на твоей стороне... Вот и тот случай, ведь в народном суде дело разбиралось — это насчет овец-то! Чистое удивление! Два дня заседали в эмтээсовском клубе, потому что одних свидетелей эти оглашенные бабы выставили двадцать семь душ! А послушать народу собралось, думается, сотни три, как не четыре! И вот смотрим, поначалу возникает, прямо сказать, обидное положение. Оно как будто и ребенку понятно, что люди придумали на колхозном корму своих овечек вырастить. Так? Именно. Но, с другой стороны, по ходу дела наметилось, что колхоз обязан вернуть овец законным владелицам, поскольку всеми свидетельскими показаниями это подтверждено. Да и Запекалов на суде признал. «Действительно, было,— говорит,— с моей стороны упущение, но впредь такого самоуправства я не допущу». Что не допустит, то не допустит, потому что наладили его колхозники из председателей, ну, а мы Ивану Кузьмичу для памяти строгача записали! Но все это произошло впоследствии, а на суде... Кодекс! И никуда ты от него не денешься!..

...Одначе, когда народный судья Тропинина Анна Ильинична огласила решение, так, поверите ли, народ нервничать стал. «Неправильно,— шумят,— жуликам потрафляете!» — и тому подобное. Но товарищ Тропинина — женщина справедливая, недаром коммунисты вторично выдвинули ее в бюро райкома. Ну и образование позволяет ей разобраться в любом деле, так сказать, вполне: до народного суда наша Анна Ильинична долгое время учительствовала в десятилетке. Так и тут оказалось, что овец-то она постановила отдать, но дальше записала такое: «Учитывая отсутствие соглашения, утвержденного общим собранием колхозников, суд постановляет: взыскать с владельцев овец в пользу колхоза «Красный пахарь», руководствуясь рыночными ценами на фураж, по четыреста рублей за каждую голову». Видал?.. Выходит, отсчитай за прокорм животины четыреста рубликов, а потом получи за нее же на базаре сотни три! Как говорится, что нажил, то и твое. Ну, а если не нравится вам, гражданочки, такое постановление суда, имеете полное право жаловаться в течение десяти дней с утра и до вечера. Можешь и до Верховного Суда дойти, но, если правда не за тобой,— только понапрасну каблуки стопчешь!

...Вот, брат, какие дела творятся у нас на Орловщине! Может, и еще где...

Copyrighted material

Х. П. Платонов (1842—1907). ОКСАНА.

Частное собрание.

Copyrighted material

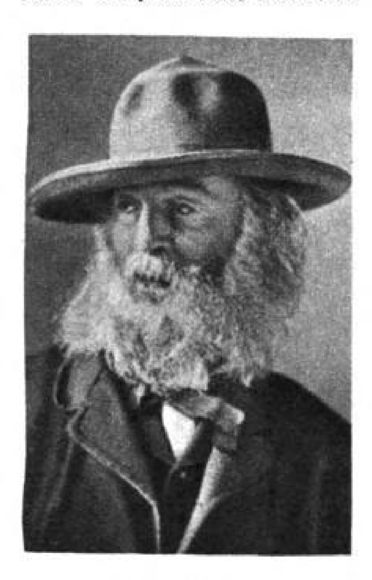

И. К. Айвазовский (1817—1900). УКРАИНСКИЙ ПЕЙЗАЖ. Частное собрание.

Copyrighted material

Гордые песни Уитмена

Творчество Уолта Уитмена, классика американской литературы, всегда привлекало внимание русского общества. Сочувственно отзывал-

Уолт Уитмен.

ся об Уитмене Лев Толстой. Его стихи переводил Тургенев. Репин видел в поэзии Уитмена удар по «современному языческому индивидуализму». В таком же смысле упоминал Уитмена и Горький в своей знаменитой статье «Разрушение личности». Немало близкого себе находил в поэзии Уитмена Маяковский.

Выпущенный Гослитиздатом сборник избранных произведений знаменитого американского поэта дает советскому читателю много нового, ранее на русском языке не публиковавшегося.

Читая «Избранное», мы видим Уитмена — страстного участника общественной жизни своего времени, убежденного поборника демократии, врага захватнических войн. Известно, что поэт много бродяжничал по стране, переменил ряд профессий, был рабочим, плотником, водителем конки, не удерживался в редакциях, в которых сотрудничал. Причина этого крылась не в особых «пассивных» чертах его характера (как любят утверждать буржуазные ученые), а в радикальности его политических взглядов. В 50-е годы прошлого века, когда Уитмен создавал свой сборник «Листья травы», принесший ему мировую славу, узловым вопросом жизни Америки являлся вопрос о рабовладении. Поэт был убежденным противником рабства негров, он восставал также и против капиталистической эксплуатации. Особенно это видно по его творчеству после гражданской войны 1861—1865 годов. Его «Демократические дали» проникнуты горькой неудовлетворенностью общественным строем Америки. Уитмен был глашатаем социальных низов — тех, кто вынес на своих плечах всю тяжесть войны Севера и Юга, а после победы Севера с каждым днем все больше попадал в капиталистическое рабство.

В замечательном памфлете «Восемнадцатые выборы президента» (многие строки его звучат так, как будто они написаны о сегодняшней Америке) Уитмен призывал к решительной демократизации политической жизни США, требовал, чтобы страной управляли люди «в рабочей одежде, прямо от станков».

Читая «Избранное», мы восхищаемся широтой души Уитмена, уверенной силой и чувством собственного достоинства, присущими его лирическому герою. Недаром «гордость» — частое слово в его поэзии. Творчество Уитмена покоряет своим оптимистическим звучанием, светлым, гармоничным восприятием мира.

Как писал из тюрьмы Гэс Холл, один из руководителей компартии США, Уолт Уитмен был «совестью, поэтическим воплощением лучших чувств, надежд и чаяний Америки столетие назад». Он выражал то стремление к лучшему, справедливому общественному строю, которое было движущей силой народной борьбы в США. В одном стихотворении 1871 года (к сожалению, не вошедшем в сборник) Уитмен писал:

Я стих посвящаю народу.
Я оставляю ему мятеж —
этот вечный подспудный
огонь, благодатное
право восстанья!

В предисловии М. Мендельсона к «Избранному», во многом по-новому освещающем жизнь и творчество поэта, приведено характерное высказывание Шоу: «Уитмен — классик... Любопытно, что Америка — единственная страна, где стараются этого не замечать, точно можно не видеть солнца на небе». Это — еще одно свидетельство того, как правящий класс США пытается спрятать от американского народа его гуманистическое наследие. Американский народ борется за своего великого поэта. «Гордые песни Уитмена помогут нам победить»,— писала «Дейли уоркер».

Примечательные слова были сказаны Уитменом в 1881 году по поводу предполагавшегося русского издания его стихов: «Так как заветнейшая мечта моя заключается в том, чтобы поэмы и поэты стали интернациональны и объединяли все страны на земле плотнее и крепче, чем любые договоры и дипломатия, так как подспудная идея моей книги—задушевное содружество людей (сначала отдельных людей, а потом, в итоге, всех народов земли),— мне надлежит ликовать, что меня услышат, что со мною войдут в эмоциональный контакт великие народы России».

В работе над новым изданием принял участие целый коллектив переводчиков: К. Чуковский, много сделавший для популяризации творчества Уитмена и раньше, С. Маршак, В. Левик, М. Зенкевич, И. Кашкин, Н. Банников, А. Старостин, Д. Горбов, В. Лимановская. Значительная часть произведений дана в новых переводах, другие заново отредактированы. Переводчики шли по верному пути: они стремились освободиться от любования необычностью стихов Уитмена, их «экзотичностью» (что было подчас свойственно старым переводам). Они старались сохранить в целости его мысли и чувства, донести подлинную самобытность его поэзии. Следует отметить, однако, что вопрос о том, как должен звучать этот поэт по-русски, нельзя еще считать окончательно решенным. Далеко не всегда ощущается в книге единый подход к переводу Уитмена. Да и сам сборник «Избранное» мог бы быть полнее.

П. ТОПЕР

Уолт Уитмен. Избранное. Перевод с английского. Гослитиздат. 1954. 306 стр.

Фосфорическая женщина — артистка Зденка Прохазкова.

Мистер Понт Кич, иностранец,— артист Карел Свобода.

«Баня» на пражской сцене

В Праге, на сцене Государственного театра комедии, в этом году поставлена пьеса В. Маяковского «Баня», которая идет под названием «Горячий душ» (переводчики — Фрида Чепкова и Любомир Писториус, режиссер — Карел Свобода, постановщик — Адольф Вениг, музыка И. Ф. Фишер). Премьера спектакля, на которой присутствовали члены правительства Чехословацкой Республики, была отмечена в печати как событие большого общественного значения.

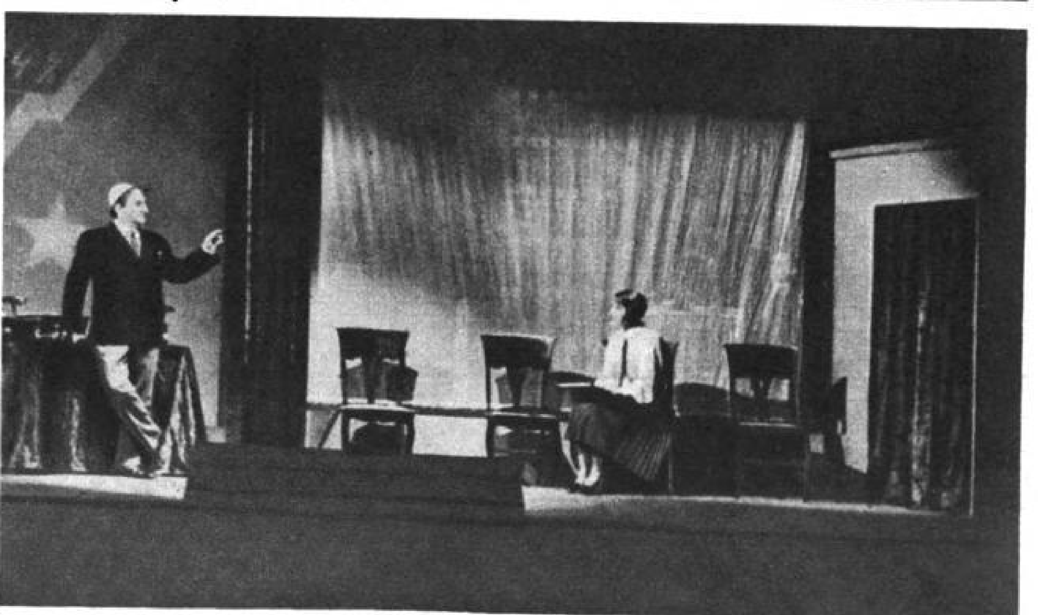
Впервые «Баня» была поставлена в Праге в феврале 1948 года, в дни, когда был сорван контрреволюционный заговор врагов народной демократии. Постановка «Бани» под названием «Ледяной душ» была осуществлена силами молодежи театральной студии «Диск». Программа к спектаклю содержала пояснительную заметку режиссера Любомира Писториуса, который писал: «Пьеса эта может быть действенным оружием в нашей современной борьбе против бездарности и малодушия, против поверхностного и косного отношения, против бесчестных проходимцев, против всех пережитков буржуазного строя, которые тормозят наступление нового общественного строя».

Спектакль, необычайно остро и злободневно прозвучавший в те дни, был большой творческой удачей молодого театрального коллектива. Его появление способствовало дальнейшему подъему интереса к творчеству Маяковского-драматурга.

Н. РЕФОРМАТСКАЯ

На снимке: афиша к спектаклю. →

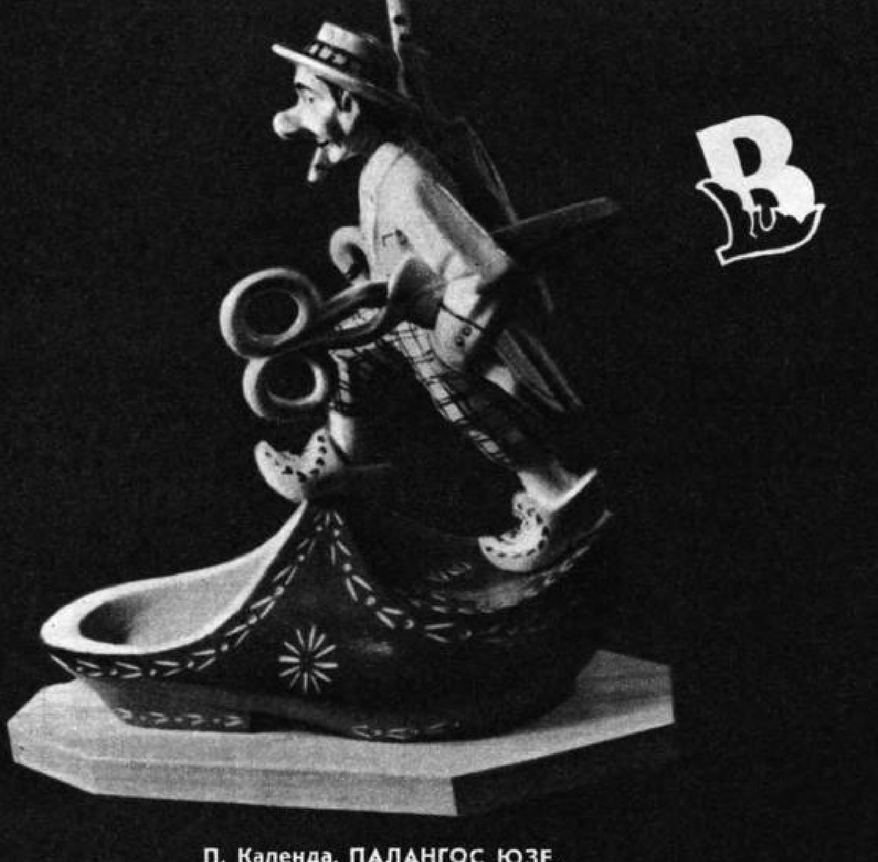

Сцена из II действия. Победоносиков — лауреат Государственной премии артист Ярослав Марван и машинистка Ундертон — артистка Зора Полянова. Победоносиков: «...Итак, товарищи...»

Copyrighted material

В МИРЕ

П. Календа. ПАЛАНГОС ЮЗЕ.

К. Гирнис. ТАНЕЦ «СУКТИНИС».

Жизнерадостный и неутомимый, лукавый и простодушный портной Палангос Юзе ходит по деревням и селам, принося своими шутками, песнями радость и веселье людям.

Огромные ножницы подмышкой, скрипка за спиной, тросточка в руке, в зубах скрученная папироса, на ногах деревянные башмаки... Большой нос, забавная выразительная фигурка, клетчатые штаны, щегольская курточка — таков этот популярный герой литовских народных сказок в талантливом изображении литовского резчика по дереву П. Календы.

Рядом с этой деревянной фигуркой — другая: курносый, вихрастый паренек, с огромной корзиной для грибов на руке, решительно размахивая ножиком, шагает прямиком по грибам. Нос кверху, ветер в лицо: много он так насобирает грибов! Мягкий юмор, высокое мастерство и явная симпатия автора (И. Лауринкус) к изображаемому персонажу делают и эту маленькую скульптуру привлекательной, радующей глаз.

Велико умение литовских резчиков подметить и правдиво передать характер, создать убедительные и запоминающиеся образы, окрасив все дружеским юмором. Мастерски используют они в своей работе традиционные навыки и приемы резьбы. Темы для своих произведений художники находят вокруг себя, в своей жизни, в сказках, в песнях.

Вот крестьянская парочка кружится в стремительном вихре народного танца «Суктинис» (автор — К. Гирнис). Забыв обо всем на свете, она целиком отдалась пляске, и все вокруг, кажется, танцует вместе с нею...

А вот «Деревенский музыкант» (автор — Э. Марчулионис), или простая и милая крестьянская девушка на лугу, сгребающая сено (автор — Амбразайтис, литовская работница), или страстный любитель чтения (автор — Г. Мисюнайте).

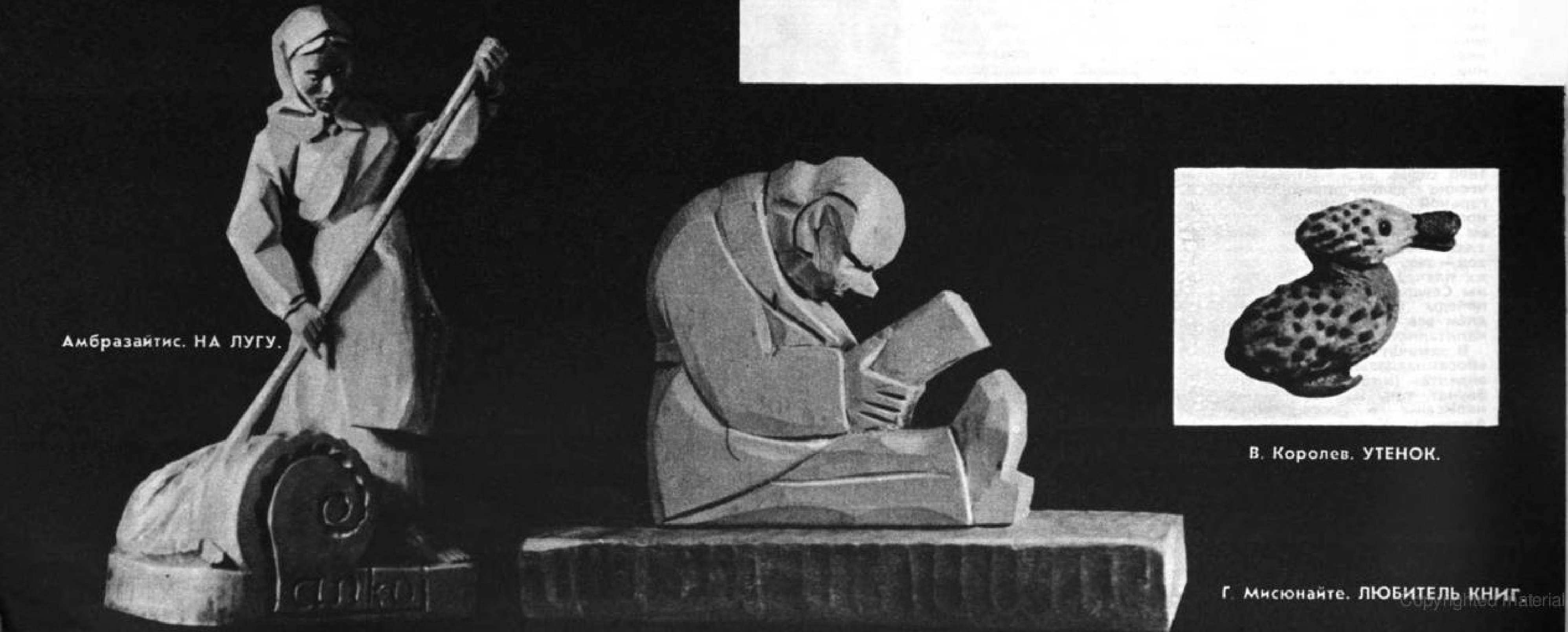
Рыболов, кузнец, косарь, вязальщица снопов — целая галерея народных типов...

Работы литовских резчиков — это лишь небольшая часть того, что можно увидеть на Первой всесоюзной выставке художественного творчества, организованной ВЦСПС. Ее участники — рабочие, служащие и члены их семей.

Декоративно-прикладное искус-

С. Бельский. ГОГОЛЕВСКИЕ

Амбразайтис. НА ЛУГУ.

В. Королев. УТЕНОК.

Г. Мисюнайте. ЛЮБИТЕЛЬ КНИГ.

Copyrighted Material

ПЕРСОНАЖИ.

ство составляет один из интереснейших разделов выставки. Свыше тысячи произведений собрано здесь: вышивки, панно, предметы бытового обихода, резьба по дереву, резьба по кости и т. д.

Среди участников выставки — маляр М. К. Карлсоне (Латвийская ССР) и хирург С. Я. Бельский (Москва), домохозяйка Г. А. Черепанова и служащий А. Г. Трапезников (город Тушино, Московской области), диктор вологодского радио В. И. Попова и тбилисский инженер Г. И. Александров и многие, многие другие. Свободное от работы время, часы досуга они посвящают любимому делу.

В. Ф. Королев, служащий из города Перово, Московской области, создает чудесные фигурки зверушек и птиц. Природный вкус и тонкое чутье позволили ему увидеть в простых еловых шишках, в грецких орехах, сучках, даже в персиковых косточках формы, которые он использует для своих забавных и трогательных композиций. Утята, важный индюк с распущенным хвостом, лягушонок с выпученными глазками, аист, стоящий на одной ноге... Как верно переданы их внешний вид, повадки! А ведь это всего-навсего еловые шишки и грецкие орехи, ожившие под рукой мастера!

С виртуозным мастерством выполнены С. Я. Бельским его маленькие скульптуры, которые он режет из кости. Персонажи из произведений Н. В. Гоголя — Плюшкин, Ноздрев, Тарас Бульба,— скульптурная группа «Квартет», скачущие на конях горцы, заклинатель змей и другие — для всех его произведений характерны острота и выразительность образа.

Очень интересны работы В. И. Поповой. Из глины она лепит небольшие фигурки, ярко раскрашивает их, и перед нами оживают персонажи сказок Пушкина — старик со старухой из «Сказки о рыбаке и рыбке», поп и работник его Балда, персонажи из «Сказки о золотом петушке» и многие другие.

Богат круг тем и сюжетов произведений народных мастеров, разнообразны виды и жанры их искусства. Работы этих мастеров доставляют немало радости людям.

А. АБРАМОВА

Фото Е. УМНОВА.

В. Попова «СКАЗКА О ПОПЕ И РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ».

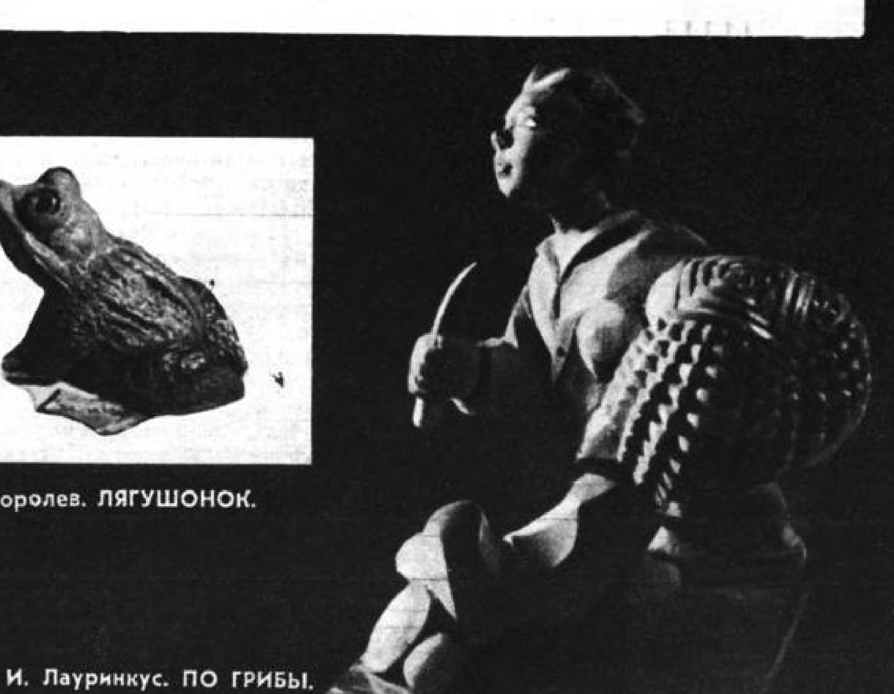
В. Попова. СЦЕНА ИЗ «СКАЗКИ О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ».

В. Попова «СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ».

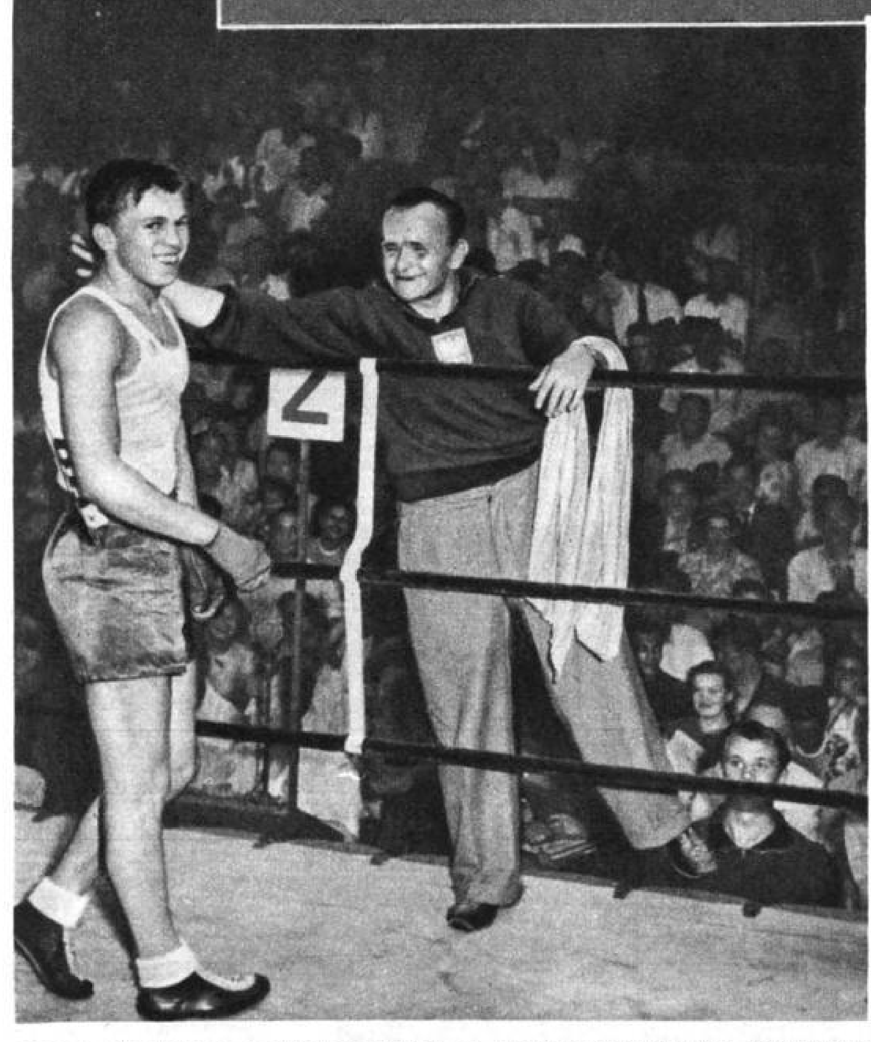
В. Королев. ЛЯГУШОНОК.

И. Лауринкус. ПО ГРИБЫ.

Copyrighted material

ПОЛЬСКИЙ СПОРТ

Боксер Дрогаш и его тренер Штам на ринге европейского первенства 1953 года в Варшаве.

Юзеф ГЕН

Тот, кто хотел бы судить о развитии польского спорта исключительно на основе его нынешнего состояния, узнал бы лишь половину правды. Только взгляд назад дает путешественнику полное представление о пройденном им пути. Поэтому не будем удовлетворяться лишь половиной правды. Давайте попробуем окинуть внимательным взглядом пройденный нами путь.

Копьеметатель Сидло.

Польские спортсмены разделяли во время гитлеровской оккупации судьбу всего народа. Люди, которые во время мрачного правления «санации» (буржуазно-помещичьего режима) благодаря собственному таланту и упорству достигли мировых результатов, оказались в тюрьмах, концлагерях, братских могилах. Погиб Януш Кусочинский, известный стайер. Погиб и его грозный соперник Нойи, пал прекрасный копьеметатель Локайский, застрелили гитлеровцы одного из лучших лыжников мира, Бронислава Чеха...

Пришел день освобождения Польши. Началась организация польской физической культуры на новых основах.

Ну, а сегодня? Можем ли мы сказать, что польские спортсмены многого добились? Несомненно. В последних легкоатлетических соревнованиях в Варшаве (в них приняли участие и советские спортсмены) польские легкоатлеты достигли таких результатов, которые на первенстве Европы 1950 года в Брюсселе принесли бы им два первых места и девять вторых.

Мы не случайно взяли для сравнения 1950 год. Это был год решающего перелома. Он наступил после успешного завершения трехлетнего плана и введения шестилетнего плана построения основ социализма в нашей стране, а также после решения Политбюро ЦК Польской объединенной рабочей партии по вопросу о физическом воспитании и спорте.

Сегодня мы добились успехов во многих отраслях физической культуры. Возьмем, к примеру, бокс.

В 1949 году Януш Касперчак стал чемпионом Европы в весе «мухи», через два года Зигмунд Хихла выиграл первенство Европы в полусреднем весе. На олимпийских играх в Хельсинки Хихла завоевал золотую медаль, а его друг Анткевич — серебряную. Наконец, в 1953 году на чемпионате Европы в Варшаве польский бокс одержал беспримерную в нашей спортивной истории победу—пять золотых, две серебряных медали и командное первенство.

Больших успехов добились фехтовальщики. Долгое время здесь властвовали старые и опытные довоенные мастера. Однако их способностей и опыта уже было недостаточно для международных встреч. Но им росла смена. Под руководством известного венгерского тренера Кевейя занималась группа пятнадцатилетних мальчиков. Эти безусые юнцы представляли Польшу на олимпиаде в Хельсинки. Конечно, об успехах и речи быть не могло, но французская спортивная пресса забила тревогу. «Опасайтесь поляков! Это команда будущего!» — заявили газеты. И, как оказалось впоследствии, французы встревожились не без оснований. На следующий год, выступая на первенстве мира, молодые польские фехтовальщики отвоевали у французов бронзовую медаль. В том же году поляк Заблоцкий стал чемпионом мира среди юношей. А всего несколько недель назад «команда чудесных детей», как называет нашу команду западноевропейская пресса, заняла второе место на мировом первенстве, уступив только своим венгерским друзьям.

Еще более красноречивыми являются те перемены, которые произошли среди пловцов. До войны этот вид спорта был, пожалуй, наиболее отсталым. Достаточно сказать, что женская команда Голландии могла выиграть соревнование... у мужской команды Польши! Германские расисты по этому поводу даже создали «теорию», что поляки-де «органически» неспособны к плаванию. Однако мы вскоре разобрались, в чем дело. Все зло было в том, что вход в плавательные бассейны стоил очень дорого и плавание было не массовым видом спорта, а исключительной привилегией, забавой скучающих богатых маменькиных сынков. Достаточно было нашей народной власти открыть настежь ворота водных станций и бассейнов, как лопнул миф об «органической» неспособности поляков к плаванию. Польские пловцы Толкачевский, Гремловский, Клеминская добились очень высоких результатов. Мировой рекорд в плавании брассом установил студент вроцлавского техникума, 19-летний Марек Петрусевич. В соревновании с советским пловцом Минашкиным (который, кстати, является сердечным другом Петрусевича; они вместе тренировались в Москве) Марек достиг отличного результата — 100 метров он проплыл за 1 минуту 9,8 секунды.

Нельзя не упомянуть и о достижениях наших велосипедистов на последней велогонке Мира. Польские спортсмены выиграли на этапах 4 индивидуальных и 4 командных первенства. В результате велосипедисты Польши заняли второе место в этом крупном соревновании, где участвовали сильнейшие гонщики-любители Европы.

Пловец Петрусевич.

Год назад на играх в Бухаресте польские велосипедисты завоевали золотую медаль за командный заезд на 100 километров. Круляк, Вильчевский, Хадасик, Грабовский, Ласак — это молодые спортсмены, воспитанники Народной Польши. И это тоже «команда будущего».

Но самые большие надежды мы возлагаем на наших легкоатлетов. Ведь в Советском Союзе развитие легкоатлетического спорта является просто поразительным. Прекрасных результатов достигли и легкоатлеты Чехословакии. Что ж удивительного, что мы перенимаем опыт наших друзей! Последние результаты указывают на то, что день, когда наши спортсмены смогут завязать борьбу с лучшими легкоатлетами мира, не так уж далек.

Вот, например, Сидло метнул копье на 80 метров 15 сантиметров, перекрыв официальный рекорд мира, установленный финном Никканеном. Правда, достижение Сидло еще не признано, так как оно установлено в ГДР,

Copyrighted material

СЕГОДНЯ

Хромик на дистанции бега 3 тысячи метров с препятствиями.

которая не входит в международную легкоатлетическую федерацию. Но недавно дома Сидло снова бросил копье лучше, чем Никканен,— 79 метров 3 сантиметра. Следовательно, рекорд, показанный им в ГДР, не случаен, и Сидло, как лучший копьеметатель мира, несомненно, будет пробивать «заколдованную» границу в 80 метров обычным, нормальным копьем. (Американец Хельд сделал бросок на 80 метров 41 сантиметр копьем специальной конструкции.)

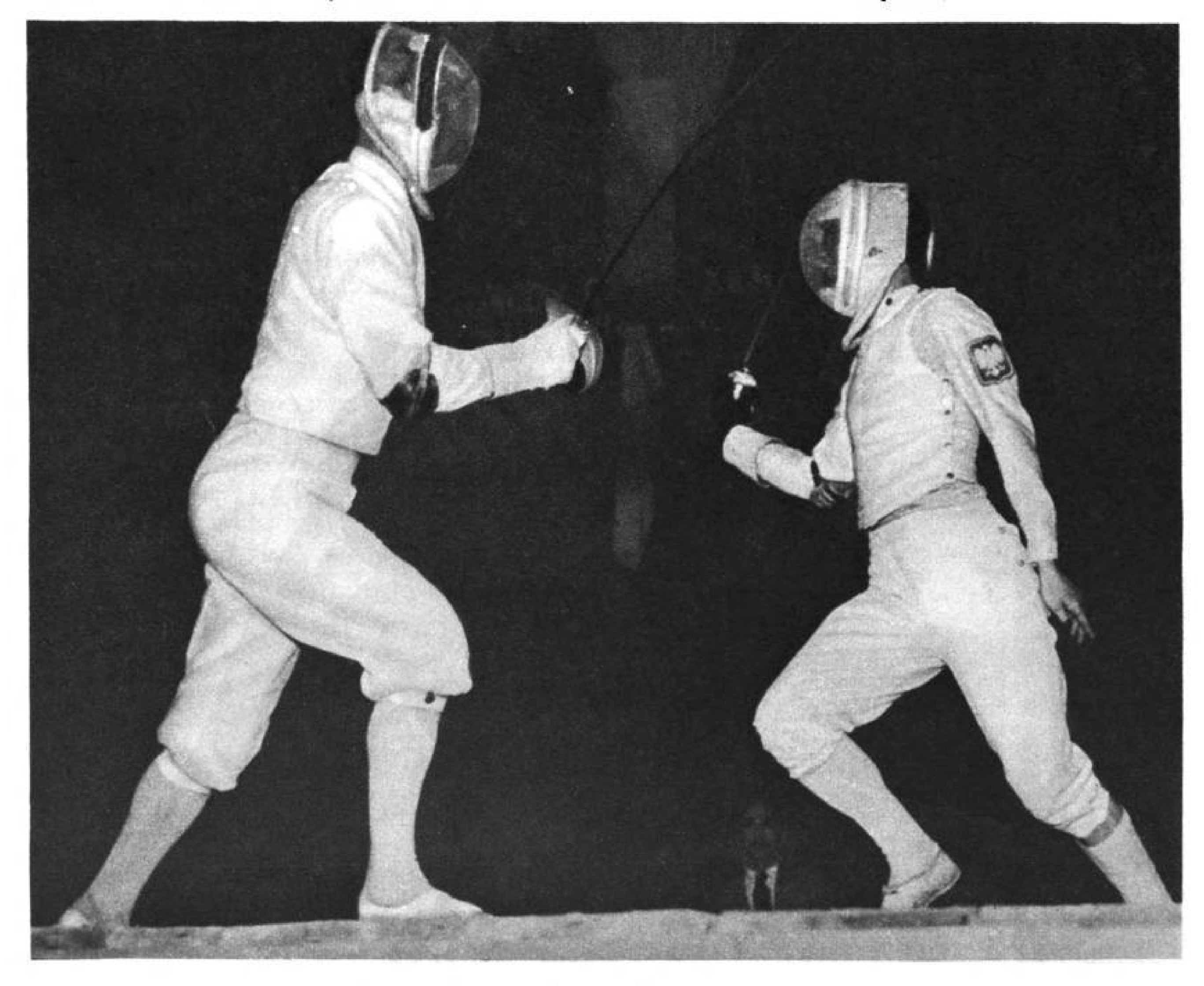
Бегуну Хромику 22 года, а он уже изумляет спортивный мир такими результатами: 1 500 метров — 3 минуты 49,2 секунды, 3 000 метров — 8 минут 10,8 секунды и, наконец, **5 000 метров — 14 минут 14,6 секунды.**

Но разве только на одного Хромика рассчитываем мы? Во время его отсутствия на международных соревнованиях в Варшаве советский бегун Владимир Куц встретился с целой группой растущих стайеров — Грайем, Плонкой, Ожугом, Мечниковским. Если добавить к ним Хромика и Кжышковяка, то окажется, что таким количеством бегунов на длинные дистанции могут похвалиться лишь две страны: Советский Союз и Венгрия.

Как же мы достигли этого? Заботимся ли мы только о «примадоннах», не обращая внимания на остальных? Нет! Основой нашего спорта за эти десять лет была и впредь будет только массовость. Хромик, и Плонка, и Грай дебютировали в весенних массовых забегах. Они были одними из многих тысяч участников. В 1949 году только два спортсмена пробегали 800 метров меньше чем за две минуты. В прошлом году таких бегунов было уже 64, а в этом году их будет не менее 100. Вот, собственно, мера нашего прогресса!

Мы знаем, что за всеми этими цифрами кроется нечто неизмеримо большее, чем индивидуальный успех. За ними рост жизненного уровня, улучшение жилищно-бытовых условий, повышение физической крепости молодежи, широко раскрытые двери стадионов и бассейнов, свободный труд и наука, которая дает знание и радость жизни,— таковы условия, в которых развивается польский спорт.

Варшава.

Польские фехтовальщики Заблоцкий — Фынлю.

ГОНКИ НА ТУЛЬСКОМ ТРЕКЕ

Трамвай медленно поднимается в гору. Не только крутой подъем, но и огромное количество пассажиров замедляет ход вагона. Это едут на стадион общества «Шахтер» любители велосипедных гонок. У ворот стадиона жаждущая толпа.

— Дяденька, проведи на гонки. Я колесо донесу.

Приходится взять с собой вихрастого тульского мальчугана, из которого, быть может, через несколько лет вырастет такой же прославленный чемпион, как его земляки Дмитрий Соловьев, Василий Федин или Владислав Ростовцев.

...Задолго до соревнований трибуны трека и скамейки на виражах заполнились зрителями, пришедшими посмотреть международные товарищеские соревнования велосипедистов СССР, Польши и Румынии. Места остались только на... деревьях и на крышах зданий, расположенных вокруг трека. Но на деревья теперь залезать нельзя: надо беречь зеленый «барьер», а с крыш гоняют дворники.

Тула издавна славится своим треком и гонщиками. Несколько лет назад туляки торжественно отпраздновали пятидесятилетний юбилей своего трека, на котором выросло не одно поколение замечательных велосипедистов. Правда, в истории тульского трека был такой момент, когда болельщики оказались более квалифицированными, чем спортсмены. После побед неоднократного чемпиона страны Д. Соловьева, после рекордов М. Пушкина, замечательных выступлений З. Дьяконовой на тульском треке наступило «затишье»: старые спортсмены сошли с арены, а новые гонщики не появились. Но в этом году прозвучали имена Бориса Савостина, Владимира Слюсаря, Валентины Максимовой — молодой тульской смены, и надо сказать, что все они отлично проявили себя на международных соревнованиях.

Валя Максимова установила новый рекорд на дистанции 200 метров с хода — 12,9 секунды, результат, лучший не только для группы девушек, но и для взрослых велосипедисток. Даже чемпионка страны Люба Разуваева не смогла улучшить это время, хотя она и стартовала вскоре после своей землячки. Но Разуваева не пала духом, она стартовала на побитие рекордов на разные дистанции, и каждый раз ее попытки увенчивались успехом. Теперь ей принадлежат четыре рекорда на дистанции 500 и 1 000 метров с хода и с места.

Туляки Б. Савостин, В. Слюсарь, Э. Гусев вместе с москвичом В. Копытиным несколько раз улучшали рекорды страны.

...В финал гонки на один километр вышли четыре советских спортсмена. Среди них был Владимир Слюсарь. И молодой тульский гонщик победил опытных польских и румынских чемпионов в предварительных и полуфинальных заездах, показав при этом хорошую скорость и зрелое тактическое мастерство. Ему аплодировали все присутствовавшие на стадионе зрители не менее горячо, чем москвичу Ростиславу Варгашкину, занявшему в финале первое место.

В этот же день был побит рекорд и в командной гонке на 4 километра. Долго наши гонщики стремились пройти дистанцию меньше чем за 4 минуты 50 секунд, и вот теперь их мечта сбылась. Команда в составе москвичей В. Бахвалова, О. Борисова, В. Мешкова и туляка В. Федина вышла из заветного рубежа на четыре десятых секунды.

В Туле в этом году будет разыграно и первенство страны.

— Ну, москвичи, тренируйтесь!— говорили столичным гонщикам туляки.— Вам не легко будет победить в этом году наших велосипедистов!

И москвичи благодарили за предупреждение и прощались с туляками до новой встречи.

И. ИППОЛИТОВ,
заслуженный мастер спорта.

Copyrighted material

Мастер балета

В 1926 году в выпускном спектакле Ленинградского хореографического училища — балете «Талисман» — выступил в партии бога ветра ученик Алексей Ермолаев. Молодой танцовщик поразил зрителей не только блестящей техникой — целым каскадом стремительных вращений на земле и в воздухе,— но и оригинальным толкованием роли. В его танце угадывались большие творческие возможности, которым еще предстояло раскрыться на сцене театра.

От роли к роли, от спектакля к спектаклю крепло и развивалось дарование Ермолаева. Он был в первом ряду советских актеров, добивавшихся прежде всего содержательности танца, передачи средствами хореографии высоких человеческих чувств. Даже в такие роли, как принц Зигфрид в «Лебедином озере», Альберт в «Жизели», Ермолаев внес много нового. Таланту артиста тесно было в рамках старого балета, в котором действовали изнеженные юноши-герои. Многие образы, созданные артистом наново около двадцати лет назад, стали теперь традиционными. Именно он принес в эти роли волевое, мужественное начало, реалистическое содержание.

Безукоризненно владеет техникой Ермолаев. Все самые сложные движения — вращения, прыжки и полеты — исполняются им с большой экспрессией.

Когда Филипп-Ермолаев в спектакле Большого театра СССР «Пламя Парижа» призывает народ к борьбе, у зрителя создается ощущение, что люди на сцене устремляются навстречу юноше, потому что не могут оставаться безучастными к его могучему порыву.

С глубоким драматизмом раскрывает Ермолаев внутренний мир Евгения («Медный всадник»), потерявшего свое маленькое, но такое дорогое и нужное ему счастье. А рядом насмешливый Тибальд («Ромео и Джульетта») — яркий образ эпохи Ренессанса.

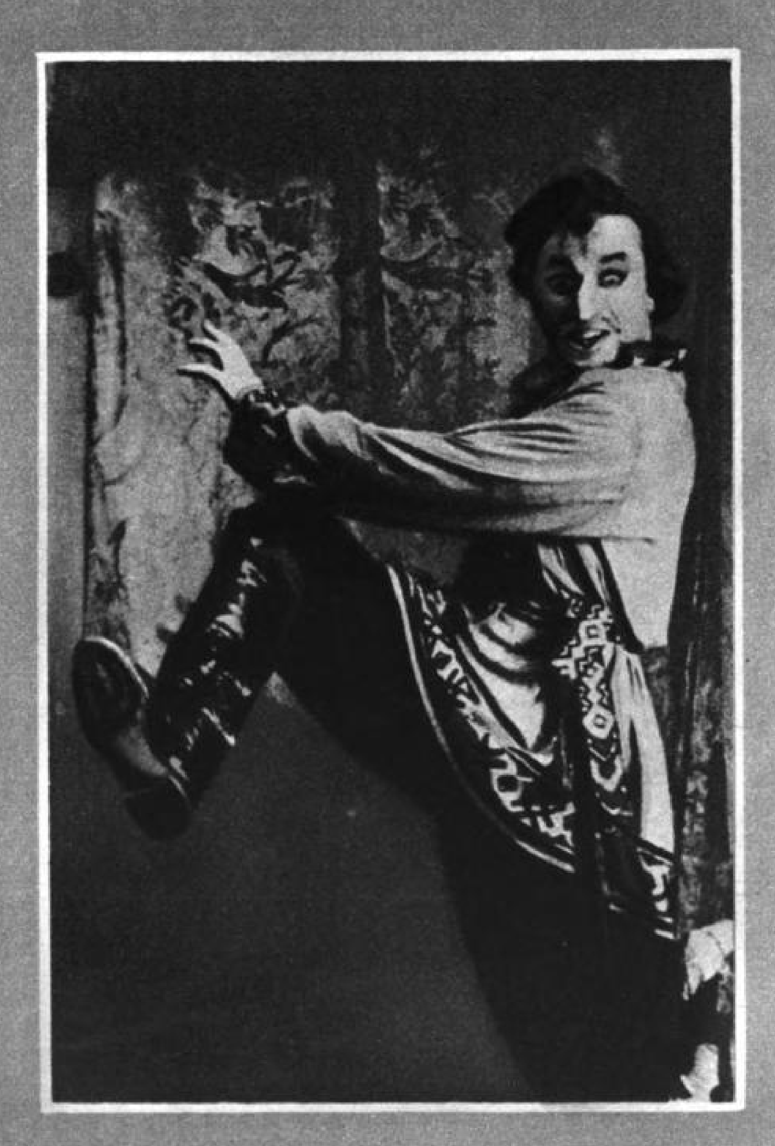
А с каким юмором показан Ермолаевым изящный кавалер Рипафратта («Мирандолина») — женоненавистник, неожиданно для себя потерявший от любви голову! Давно знакомый образ комедии Гольдони «Хозяйка гостиницы» засверкал в исполнении Ермолаева новыми красками.

А вот словно сошедший со старинной гравюры образ эмира Абдерахмана («Раймонда») — жестокого восточного деспота. Но если Абдерахман — воплощение властелина, то Ли Шан-фу («Красный мак») Ермолаева так низко гнется в поклонах перед чужеземными хозяевами, что кажется, актер даже внешне меняется, становясь ниже ростом, мельче.

Последняя работа Алексея Николаевича Ермолаева — колоритная фигура грубого и злобного приказчика Северьяна в балете «Сказ о каменном цветке» — новая творческая победа талантливого артиста, еще раз подтверждающая разносторонность его дарования. Сейчас Ермолаев готовит роль Гирея в «Бахчисарайском фонтане».

Р. ЗАХАРОВ,
народный артист РСФСР.

Бог ветра (балет «Талисман») — юношеская работа народного артиста РСФСР А. Ермолаева.

Северьян («Сказ о каменном цветке»).

Филипп («Пламя Парижа»).

Много ли Цифиркиных?

Ник. ХАРЬКОВ

Рисунки Е. Ведерникова.

— Дорогие товарищи, впервóй в жизни пишу письмо в редакцию. А решилась написать вам по причине душевного беспокойства и возмущения за своего родного сына Тимофеева Григория.

Объясню все по порядку. Вон у соседей сыновья — любо поглядеть! Проснутся, умоются, приоденутся, с аппетитом позавтракают. С матерью перемолвятся добрым словом. Потом, не торопясь, идут на работу. И все у них чин чином, без нервов.

Мой же ненормальный вскочит раньше петухов, будто ему в пятку шилом уколют. И начинается суматоха, всё вприпрыжку, всё бегом. Подбежит к умывальнику, плеснет на себя горсть водицы, тем и кончено все умывание. Примется одеваться, того и гляди, рубаху порвет от спешки. Самая же для меня обида получается с завтраком. Мать-то старается, чем бы повкуснее, посытнее сынка попотчевать! А он без всякого внимания, на ходу оторвет ломоть пирога либо схватит картошинку и жует всухомятку, а сам по карманам записки раскладывает. Я ему чайку с вареньем либо молочка топленого с жирной пенкой, а он уж кепку на вихры и... «до свиданья, мама, тороплюсь!» Полетел, ровно ветром его понесло.

В полдень перед обеденным гудком у добрых людей столы накрывают, тарелками позванивают. Я же, как кочующая бобылка-странница, беру сумку и отправляюсь к заводу, к проходной будке. В сумке у меня термос с горячим бульоном, холодная говядина, огурчик, ломоть хлеба.

Стою у проходной. Выходит смена. Каждый идет степенно домой, к обеду.

Один только вихрастый, рыжеватенький парень рвется к выходу, как угорелый, на все стороны извиняется, а сам всех расталкивает... Это и есть мой Гришутка! Ну уж тут я прибираю его к рукам: снимаю с него кепку, завожу в коридорчик, где пропуска выписывают, и безо всяких прений приказываю питаться из сумки! Бывает, замешкаешься минутку, так его и след простыл! Куда-то, значит, полетел сломя голову...

Ну ладно! Остался без обеда, так явись хоть вечером-то во-время. Куда там! Гудок отгудит, весь заводской народ давным-давно по домам разойдется. Солнышко за березнячок спрячется, а моего суматошного нет и нет. Двадцать раз к керосинке подойду: то щи подогрею, то чайник поставлю. Самой-то кусок в горло не идет. Сумерничаю на крылечке в одиночку и возмущаюсь...

И вот затемно является сокровище. Ну что тут делать? Не то обедать, не то ужинать, не то спать ложиться! А он из карманов записки вытаскивает. Сам-то ровно чумной, скучный, уставший. Какой ему ужин! Только до постели доберется и захрапит во всю ивановскую.

А наутро опять та же карусель. Что бы, например, вечерок дома с книжкой посидеть, в кино сходить, на вечеринке погулять с дружками или с девчонками потанцевать — этого удовольствия у Гришутки вовсе нет. А ведь парню всего-навсего девятнадцать лет. Самый возраст, чтобы жизнь обеими руками обнять! Да где там обнять, коли у него полны руки записок! Из-за этих записок я спокоя-сна лишилась.

Конечно, нехорошо шарить по карманам, хотя бы и у родного сына. Но намедни, по совести признаюсь, не вытерпела и всю ноченьку просидела в кухне над гришуткиными записками. И тут мне открылась вся картина.

Оказывается, парень с утра до темна гоняется, высунув язык, за цифрами. А за какими цифрами,

так я вот выписала из его записок несколько примеров:

«Взять в заводской школе рабочей молодежи общую цифру неуспевающих комсомольцев».

«В городском загсе подсчитать общие цифры браков заводской молодежи за полугодие и отдельно — разводов, не считая развода Андрюшки Чубатова с Дуняшкой».

«Получить на почте цифры: сколько и каких газет и журналов выписывает молодежь нашего завода».

«Достать в городском универмаге цифры: на какую сумму заводской молодежью куплено за три месяца велосипедов, отдельно суконных костюмов, отдельно модных шелковых платьев, отдельно мотоциклов и отдельно музыкальных инструментов».

«В заводской столовке подытожить общую цифру одиночек из молодежи, которые там постоянно обедают».

«Учесть в молодежных семьях общие цифры по картошке, огурцу, капусте, луку и раннему редису, которые посажены в этом году в личных огородах».

«Взять из библиотеки цифры молодых постоянных читателей. Отдельно по «Анне Карениной», отдельно по «Тихому Дону», отдельно по «Молодой гвардии» и отдельно по какой-нибудь иностранной классике».

«Подбить в милиции общую цифру задержанных за хулиганство и нарушения комсомольцев завода, не считая проступка Андрюшки Чубатова».

Этим запискам конца-края нет. И всё «подсчитать», «учесть» «подбить». Вы, небось, думаете, что Гришутка-то мой счетовод либо конторщик? Нет, токарь он у меня. Токарь четвертого разряда. Так с какой же стати токарь путается с такими цифрами?

Об этом надо спросить у товарища Цифиркина. То есть настоящая-то ему фамилия Кузьмин Михайла, но по всем его повадкам лучше бы зваться ему Цифиркиным. Заводские ребята так его и зовут. Из него, может, вышел бы самый заядлый счетовод. А его угораздило утвердиться комсомольским секретарем на заводе. Сидит он за фанерной перегородкой и знать ничего не хочет, кроме как «подсчитать», да «учесть», да «подбить». Одному ему, конечно, с такой уймой цифр не управиться, так он из ребят-комсомольцев, вроде моего Гришутки, подобрал себе помощников по счетной части. За это величает их «активистами», а их беготню за цифрами называет «комсомольским поручением». Целую толпу молодых ребят гоняют из конца в конец по таким поручениям!

И зачем, спрашивается, столько разной цифры требуется? А затем, что Цифиркин только по цифрам и речи свои высказывает и бумаги разные пишет. Прошлый раз на дворе при мне соседские ребята толковали: «Как зачнет нам Цифиркин вычитывать речь, так задушит цифрой! Ни одного душевного слова, бубнит целый час, ровно какой автомат щелкает».

Услыхала я об этом, и душа у меня вскипела! Ведь это что же такое?.. Выходит, что и мой Гришутка заодно с этим Цифиркой?.. С молодых лет отгородился парень от людей цифрами, потерял охоту к человеческому разговору... Да ни за что на свете я с этим помириться не согласна!..

И вот я, Дарья Тимофеева, вношу свою просьбу-предложение... Любопытно бы подбить такую цифру: много ли в комсомольских организациях таких Цифиркиных, вроде нашего?

Думаю, что цифра получится не так чтобы очень великая. Но какая бы она ни получилась, надо свести ее до самого круглого нуля!

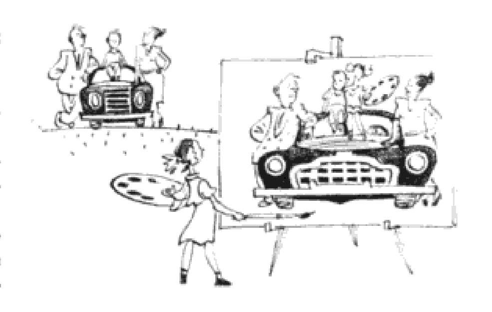
Вот видите, и я тоже за цифрой погналась, чтоб ей пусто было!

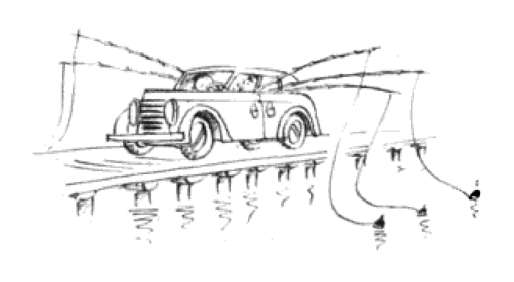
Автотуристы

Изошутка Ю. Черепанова.

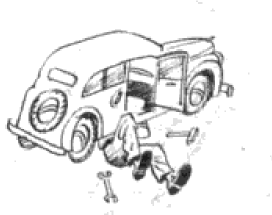

Copyrighted material

Из истории вещей

Зонтик

Загар для человеческого организма является чем-то вроде зонтика, предохраняющего нижние слои кожи и внутренние органы от избыточного, вредного действия ультрафиолетовых лучей. Первоначально и зонтик, с которым врачи сравнивают загар, имел своим назначением только защиту от солнца. В жарких странах он был известен в глубокой древности. Прообразом его, вероятно, послужили листья зонтичных пальм, достигающие гигантской величины. Древние зонтики можно видеть на дошедших до нас изображениях ассирийских и эфиопских царей, в придворном штате которых наряду с опахалоносцами были особые зонтиконосцы. Уже тогда зонтики имели в общем современную форму, раскрывались и закрывались с помощью подвижных прутьев.

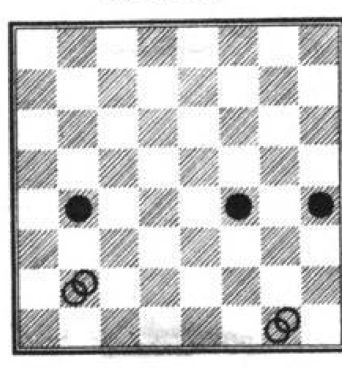
С Востока зонтики перешли в античную Грецию, а затем в Рим. Медленно продвигались они на север. В Западной Европе, во Франции, зонтики начинают входить в быт лишь в XVII веке. Для сохранения цвета лица парижские модницы носят их в защиту от солнца. Одно время они пользовались масками, но в маске было жарко, под ней стирались белила и румяна. Кроме того, при открытом платье она не защищала от загара ни шеи, ни рук, ни плечей. Вслед за Францией зонтики появились и в других странах. Русское их название происходит от голландского «зоннедек», что значит покрышка от солнца.

В условиях умеренного климата с характерными для него осадками зонтик стал служить защитой не столько от солнца, сколько от дождя и снега.

Б. АЛЕКСЕЕВ

В ТРАМВАЕ

Рисунки Ю. Андреева.

ЭТЮД

Н. ГОРОДЕЦКИЙ
(Бобруйск)

Белые начинают и выигрывают.

В этом номере на вкладках: репродукции картин Х. П. Платонова «Оксана», И. К. Айвазовского «Украинский пейзаж», И. Е. Репина «Украинка», К. А. Трутовского «Отказ жениху» и четыре страницы цветных фотографий.

Из почты «Огонька»

ХАЙНЫКИ — ГРОЗА ВОЛКОВ

Волки подошли близко. Коровы, почуяв зверя, забеспокоились. Вдруг от стада отделилось несколько животных с большими рогами и ринулось на хищников. Короткая схватка — и... волки спасаются бегством. Победители не спеша возвращаются к стаду. Животные эти невысоки ростом — немногим больше метра, с сильно развитой широкой грудью и мускулистым горбом на шее. С боков почти до земли свисает густая шерсть, закрывающая короткие толстые ноги. Это хайныки — помесь тибетского яка с крупным рогатым скотом местной забайкальской породы. В Бурят-Монголии их несколько тысяч. Колхозные пастухи знают: если в стаде находится несколько хайныков, хищники не страшны.

Хайнык — неприхотливое животное. Он питается любым грубым кормом, круглый год

находится под открытым небом, спит прямо на снегу. С виду весьма неуклюжее, животное может, однако, состязаться в беге с лошадью. Но, пожалуй, самое замечательное — необычайная сила и выносливость этого животного. Буряты говорят: «То, что не под силу паре лошадей, увезет один хайнык». Самка хайныка дает в день до восьми литров вкусного молока, жирность которого выше коровьего.

О. БЕРЕЗКОВ, Ц. БАДМАЕВ

Фото Б. Попова.

Улан-Удэ.

НА ДАЧЕ

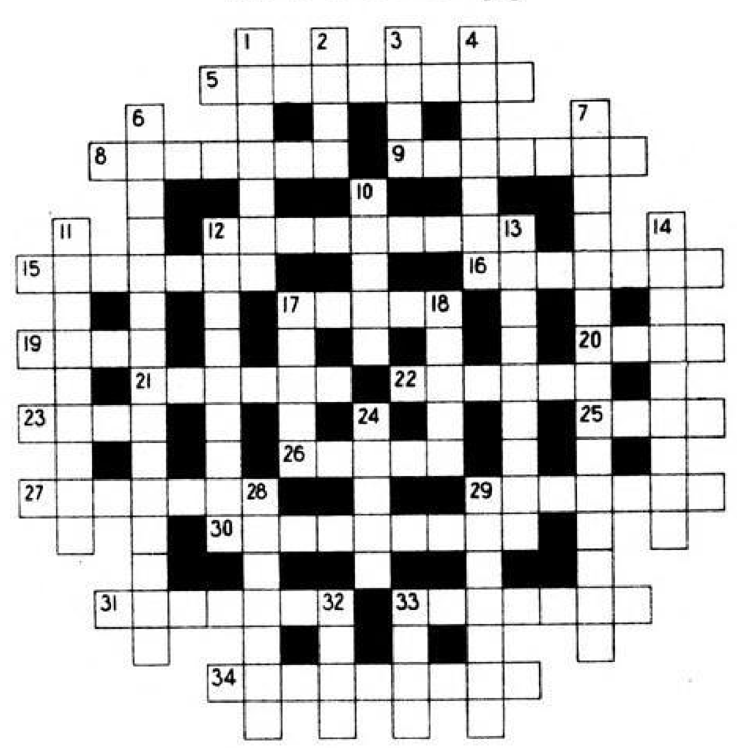

Котенок Мурик впервые приехал из города на дачу. Здесь состоялось его первое знакомство с неизвестным зверем. «Что делать? Напугать незнакомца или самому бежать?..»

Г. АЛЬШИЦ

Боровичи, Новгородской области.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Творчество. 8. Передовой опорный пункт. 9. Река в Африке. 12. Грузоподъемное приспособление. 15. Мостовое сооружение. 16. Пограничное учреждение. 17. Схватка в боксе. 19. Черноморский порт. 20. Краска. 21. Вокальное произведение. 22. Ископаемое животное. 23. Город в Корее. 25. Государство в Азии. 26. Почетная известность. 27. Спортсмен. 29. Пункт остановки. 30. Четырехстопный стих. 31. Австралийское млекопитающее. 33. Веселая, забавная проделка. 34. Коллективная прогулка.

По вертикали:

1. Русская народная сказка. 2. Единица исчисления печатного текста. 3. Злак. 4. Музыкант. 6. Форма руководства. 7. Самопроизвольный распад атомных ядер. 10. Испытание. 11. Изменение слов по падежам. 12. Литератор. 13. Счетчик на автомобиле. 14. Краткое изложение содержания литературного произведения. 17. Обезьяна. 18. Землечерпательная машина. 24. Одна из сторон здания. 28. Совокупность приемов, применяемых в мастерстве. 29. Твердый сплав. 32. Курорт в Крыму. 33. Изображение в карикатурном виде.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали:

1. Монтаж. 5. Маршал. 10. Дендрарий. 11. Батисфера. 13. Новь. 14. «Последние». 15. Этюд. 18. Сантим. 21. Гектор. 22. Фронтон. 23. Водоизмещение. 26. Поршень. 27. Никель. 28. Сливки. 32. Сорт. 33. Стойкость. 34. Орша. 37. Пятиборье. 38. Обобщение. 39. Дренаж. 40. Африка.

По вертикали:

2. Основание. 3. Торф. 4. Жаркое. 5. Мятлик. 6. Роса. 7. Агентство. 8. Адонис. 9. Гайдар. 12. Бетономешалка. 16. Чистополь. 17. Вестибюль. 19. Артишок. 20. Толщина. 24. Декоратор. 25. «Жаворонок». 27. Насыпь. 29. Ирасек. 30. Сторож. 31. Строфа. 35. Жбан. 36. Ящер.

Комнатная оранжерея

Много ли надо места, чтобы украсить свою комнату замечательной оранжереей? Москвич А. А. Соколов, пенсионер, уже несколько лет успешно занимается выращиванием лимонов разных сортов, мандаринов, белых и карликовых роз, жасмина. Он использовал внутреннюю раму и подоконник для устройства в комнате небольшой оранжереи с двумя полочками для растений. Десятки сеянцев и укоренившихся черенков, защищенные здесь от сухости воздуха, сквозняков и резких колебаний температуры, прекрасно растут и развиваются. Благоухают цветы, полна свежести сочная листва. Декоративно-плодовый садик получает в зимнее время немного добавочного освещения от ламп дневного света.

В своей оранжерее любитель-садовод производит опыты, ведет наблюдения за растениями. Частые его гости — школьники — никак не налюбуются этим живописным уголком.

П. ЧУМАК

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

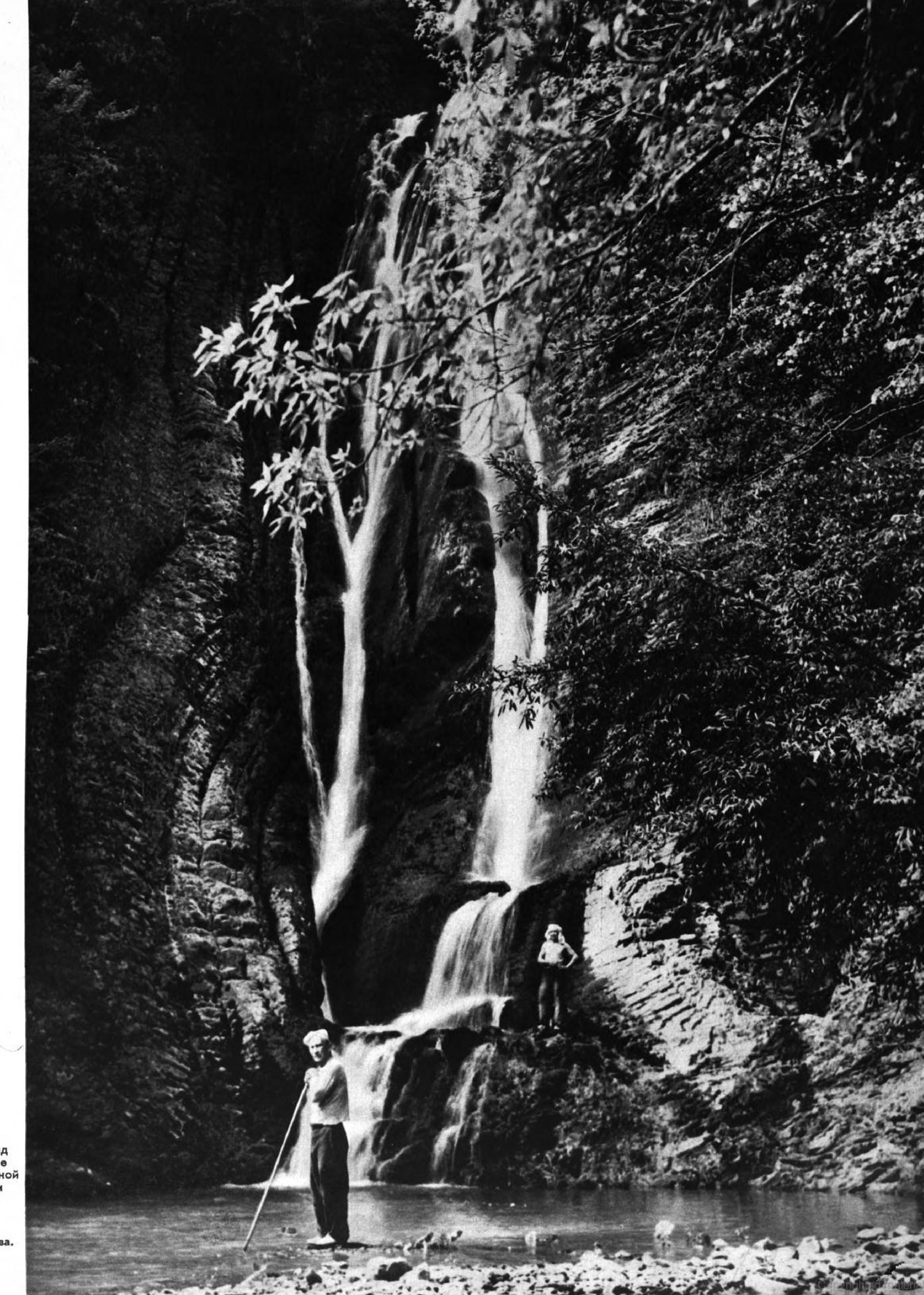
Оформление И. Уразова.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

А 06205. Подп. к печ. 10/VIII 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 692. Заказ 2285. Рукописи не возвращаются.

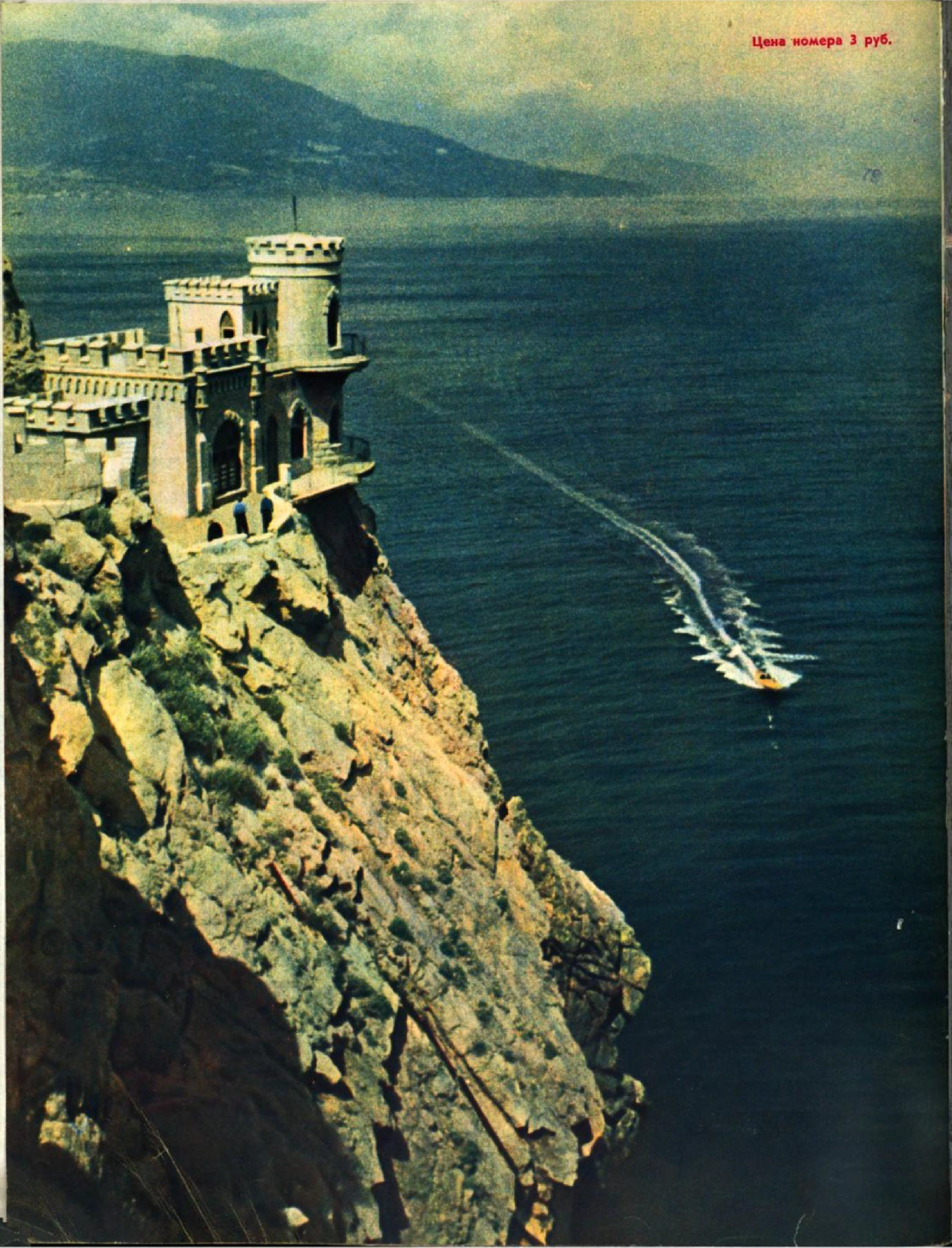
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

Водопад на реке Безымянной вблизи Сочи.

Фото И. Григорова.

Цена номера 3 руб.